

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

3-4. 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_azi@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

**Журнал выходит один
раз в два месяца. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
08.04.16

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № ____

СОДЕРЖАНИЕ:

Трибуна публициста

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Наш курс - на мир*.....2

Литературные встречи

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Писатели Кавказа в Грозном*.....4

Поэзия женской души

Роза МЕЖИЕВА. *Прекрасные Плеяды*.....7

Раиса АХМАТОВА. *Японские вишни*. Стихи.....9

Бана ГАЙТУКАЕВА. *Мать-Чечня!* Стихи.....10

Роза ТАЛХИГОВА. *Поверь в любовь!* Стихи.....11

Лула КУНИ. *Геометрия мира*. Стихи.....12

Хава ГАГАЕВА. *Шепот безначального*. Стихи.....13

Марьям ХАДЫСОВА. *По моим тропам*... Стихи.....14

Проза

Арби БЕЧУРКАЕВ. *Сироты мы с тобой*... Рассказ.....15

Сулиман МУСАЕВ. *Автобус mlxh*. Некъахочун тидамаш...38

Борис ГУСАЛОВ. *Разрыв-трава*. Отрывки из романа.....63

25 АПРЕЛЬ – НОХЧИЙН МЕТТАН ДЕ

Мовсар ТИМБУЛАТОВ. *Аьхе*. Стихаш.....19

Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-оьздангалла*.....21

Петамат ПЕТИРОВА. *Шира хабар*. Дийцар.....28

Ваха БУГАЕВ. *Баьлаш*. Стихаш.....39

Поэзия

Вахид ИТАЕВ. *Средь звезд неисчислимых*... Стихи.....50

Амина САДЫКОВА. *О красоте*. Стихи.....55

Марха МАЗАЕВА. *Остаешься солью на губах*. Стихи.....82

Голоса друзей

Дмитрий АРЮТУНОВ. *Старый Умар*. Юнус
из Элькумыша. Рассказы.....41

Дебют

Марет БАТУКАЕВА. *Молчаньем распятая*... Стихи.....52

Драматургия

Муса АРСАНУКАЕВ. *«Хьан гергарчу стеган гергара
стаг ву со»*. Сценка.....79

Гочдар

Александр КАЗБЕГИ. *Циция*. Повесть. *Тлаьхье*. *Гочйнарг*
МАРГОШВИЛИ Юсуп.....58

Критика и литературоведение

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Этноментальная экспертиза
художественного текста (на примере рассказа
М. Бексултанова «Этого он не знал»)*.....85

Интервью

«Большая тень может быть только от большой горы».
С Салихом ГУРТУЕВЫМ беседовала
Елена СТЕЛЬМАХ.....89

Публицистика

Вахит АКАЕВ. *Духовно-культурное наследие народов
Кавказа в статике и динамике*.....94

Хасан ТУРКАЕВ, Хеда СЕЛЬМУРЗАЕВА. *Язык и наше
культурное наследие*.....101

Рецензия

Кати ЧОКАЕВ. *Таитемир Эльдарханов и книга
Хасана Туркаева о нем*.....108

Книжные новинки

Саламбек АЙДАМИРОВ. *Лирика Умара Ярчева*.....111

К нашим иллюстрациям

Саламбек АЛИЕВ. *Импрессионизм от Аси Умаровой*.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....112

Эдильбек Хасмагомадов**Наш курс – на мир**

В конце марта 2016 года в общественно-политической жизни Чеченской Республики произошли два события, которые, по мнению многих, связаны между собой. Первое – это массовый митинг, посвященный очередной годовщине референдума по Конституции Чеченской Республики. Напомню, что сам референдум прошел еще в 2003 году. Второе событие – Президент России В.В. Путин своим Указом назначил Рамзана Кадырова временно исполняющим обязанности Главы Чеченской Республики до выборов, которые должны состояться в сентябре текущего года.

Российские либералы и оппозиционеры всех мастей уже вполне привычно объявили митинг инспирированным самим Рамзаном Кадыровым и его ближайшим окружением. Не забыли упомянуть и о пресловутом «административном ресурсе», а иначе как объяснить тот факт, что на митинг собралось большое количество людей? Но самое интересное в другом – главный акцент сейчас был сделан на том, что митинг, якобы, стал средством давления на федеральный центр с целью добиться скорейшего назначения Р.А. Кадырова исполняющим обязанности Главы Чеченской Республики.

В общем, российская либеральная оппозиция и «западные демократии» не пожелали увидеть в этом митинге ничего, кроме проявления «подковерной борьбы» в недрах «авторитарного режима».

Но если следовать этой логике, то последовавшее вскоре назначение Р.А. Кадырова как раз и стало результатом прошедшего в Грозном митинга. Можно ли именно так связать два знаковых события, упомянутых выше? Конечно, на развитие политических процессов одновременно оказывают влияние множество различных факторов, порой связанных между собой самым неожиданным образом.

Но в данном случае все же представляется, что митинг в Грозном менее всего можно рассматривать как форму давления на Кремль. В этой связи примечательно, что российские носители либеральных идей не стали акцентировать внимание ни на митинге, ни на самом кадровом решении президента В.В. Путина, а привычно сосредоточились на личности Р.А. Кадырова. Что тоже вполне объяснимо. У российской откровенно прозападной либеральной оппозиции сегодня нет идей, способных конкурировать с политическим курсом нынешнего российского президента. Кроме того, сама она в сознании подавляющего большинства граждан России прочно ассоциируется с «ельцинским» периодом новейшей истории, который остался в памяти народной как новое «Смутное время», едва не завершившееся крахом российской государственности.

Понятно, что с таким «историческим наследием», да к тому же не имея в своих рядах хоть сколько-нибудь популярных лидеров (не говоря уже о привлекательной для широких слоев населения идеологии), прозападная либеральная оппозиция может рассчитывать на успех только в одном случае – если сумеет убедить россиян в том, что ими управляет авторитарный режим во главе с коррумпированным лидером. Этим и объясняется сфокусированность либеральной критики на личности В.В. Путина. Естественно, свою долю внимания получает и Глава Чеченской Республики. И не потому, что открыто заявляет о полной и безоговорочной поддержке нынешнего Президента Российской Федерации. Просто Рамзан Кадыров стоит во главе республики, которая еще недавно являлась «ахиллесовой пятой», воздействуя на которую можно было не просто держать Россию в ослабленном состоянии, но и в буквальном смысле поставить ее на грань развала.

Демонизация действующего Главы Чеченской Республики ведется разными способами. Вот, например, недавно мало кому известная общественная организация (разумеется, западная) включила Рамзана Кадырова в список 15

самых крупных коррупционеров мира. Основание для столь решительного заявления – опрос, который проводился анонимно через Интернет, а также заключение неких (опять же анонимных) экспертов. В общем, очередная пустышка в яркой упаковке.

А следом в Интернете появилось пространное интервью А. Закаева, которого в самой Чечне не помнят даже многие из тех, кому пришлось пережить 1990-е годы. Уже много лет бывший министр «ичкерийской» культуры никого не представляет кроме самого себя, но в либеральных СМИ именуется не иначе, как «председатель правительства Чеченской Республики Ичкерия». Естественно, что Закаев, выдачи которого добивается российское правосудие, изложил целый список обвинений в адрес Главы Чеченской Республики: тут и коррупция, и расправы над инакомыслящими, и угнетение чеченского народа и т.д., и т.п. Не забыл председатель несуществующего правительства канувшей в лету Ичкерии и броский, но совершенно абсурдный тезис о том, что Президент России попал в зависимость от Рамзана Кадырова, а Россия, якобы, оказалась присоединенной к Чечне едва ли не в качестве колонии.

Конечно, наши «ичкерийские» политики всегда отличались редким умением неадекватного восприятия окружающей действительности. Но, похоже, этим же недугом страдает вся прозападная российская либеральная оппозиция, особенно ее, так называемая, «несистемная» часть. Именно ее представители, недавно собравшиеся в столице Литвы, заявили о намерении в случае своего прихода к власти передать часть государственного суверенитета под внешнее (читай – американское) управление.

Именно внешнее господство предлагают гражданам России в качестве альтернативы политическому курсу В.В. Путина. А жителям Чеченской Республики, соответственно, предлагают «ичкерийское» правление, видимо, как самую высшую форму демократии, специально изобретенную для чеченцев.

Конечная цель прозападной либеральной оппозиции декларируется ею совершенно открыто – это смена политического режима в Российской Федерации. Чтобы достичь ее, необходимо (среди всего прочего) обрушить рейтинг популярности В.В. Путина. Что и делается различными способами, в том числе и демонизацией образа Главы Чеченской Республики, поскольку тем самым попутно дискредитируется весь политический курс, проводимый в отношении национальных республик Северного Кавказа.

Нельзя не отметить также, что, предлагая всему миру сосредоточиться на негативном образе Главы Чеченской Республики, тем самым из поля зрения выводится сам чеченский народ и занимаемая им позиция. А она, на мой взгляд, вполне естественна. По сути, жителям Чечни, как и всем гражданам России, предлагают поддержать грядущую «либеральную революцию», уже вторую за последние 25 лет. Как и первая, она не только станет новым страшным испытанием для России и населяющих ее народов, но и в случае успеха поставит страну под внешнее управление. Естественно, что национальные республики будут просто вытолкнуты в самостоятельное плавание, хотя они к этому совершенно не подготовлены. В начале 1990-х годов подобное уже случилось с Чеченской Республикой и последствия хорошо известны. Но на этот раз масштаб катастрофы будет неизмеримо больше.

Выбор, стоящий перед жителями Чечни, прост: либо сохранение существующего порядка дел, либо возвращение к ситуации двадцатилетней давности. Никто не говорит, что все в нашей стране прекрасно. Даже в условиях кризиса и санкций могло бы быть и лучше. Только к этому лучшему нужно идти не через «майдан». Понимая это, жители Чечни выходят на митинги, тем самым посылая остальной России и всему миру ясный сигнал: чеченский народ хочет мира, порядка и стабильности. В этом же русле – как сохранение общей стабильности – следует воспринимать и назначение Р.А. Кадырова исполняющим обязанности Главы Чеченской Республики.

Литературные встречи**Лидия Довлеткиреева****Писатели Кавказа в Грозном**

17 февраля в Национальной библиотеке ЧР встретились за круглым столом маститые писатели Кавказа – члены общественной организации «Клуб писателей Кавказа». Поводом для встречи послужило 60-летие чеченского писателя Мусы Ахмадова.

На фото слева направо: Муса Ахмадов (ЧР), Салих Гуртуев (КБР), Мадина Хакуашева (КБР).

Представители литератур Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии поздравили юбиляра, пожелав ему творческого долголетия, сопровождая свои выступления добрыми высказываниями в адрес республики и чеченского народа. Не обошлось и без писательских шуток-прибауток, а также наглядной демонстрации многоцветия кавказских традиций и обычаев. К примеру, о благородстве кавказского понятия «уздень», красноречиво выступив от ДРОО «Уздени Дагестана», напомнил Керимхан Умаханов, председатель Совета этой организации. Знаменитые «осетинские пироги» привез с собой Борис Гусалов (Гусалты Барис), рассказав о том символическом смысле, который осетины вкладывают в эти солнцезабитые яства. Стихотворение, посвященное чеченскому юбиляру, на аварском языке звучно продекламировал Магомед Насрулаев, и собравшиеся смогли прочувствовать ритмическое и фонетическое своеобразие этого северокавказского языка. В ответ талантливый молодой чеченский поэт Мовсар Тимбулатов прочитал стихотворение на чеченском языке М. Ахмадова «Бетгаса», что также тронуло собравшихся и своей мелодикой, и трепетным чувством, вложенным в интонацию юным чтецом. Удивительно, что и без знания языков поэзия своей музыкальностью способна воздействовать на умы и души. Муса Ахмадов даже признался, что, приезжая в Нальчик, всегда включает местный канал, чтобы прислушаться к кабардинской и балкарской речи, через которую лучше понимаешь душу народную.

Клуб писателей Кавказа создан в феврале 2009 года. Он объединяет писателей Адыгеи, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Краснодарского края, Грузии, Азербайджана и Армении. Клуб создан по инициативе Мусы Ахмадова, который до этого момента был вице-президентом данной организации.

Президент Клуба писателей Кавказа – балкарский поэт, народный поэт КЧР Салих Гуртуев – внес огромный вклад в укрепление дружеских и творческих связей между литераторами Кавказа, выступив координатором творческих контактов и встреч, организовав на общественных началах ежемесячный выпуск газеты «Литературный Кавказ», популярной в среде писателей

На фото слева направо: Канта Ибрагимов (ЧР), Муса Ахмадов (ЧР), Салих Гуртуев (КБР).

всего Кавказа. С материалами Клуба и новыми выпусками «ЛК» можно ознакомиться на официальном сайте Клуба писателей Кавказа. Газета, как и сам Клуб, знакомит с положением дел в литературах наших братских народов, которые за время развала СССР и становления новой России оказались несколько оторванными друг от друга. Кроме того, не так давно вышел сборник произведений членов Клуба писателей Кавказа «Под тенью чинары». В предисловии к сборнику С. Гуртуев пишет:

«Клуб, произведения членов которого включены в эту антологию, был создан 7 лет назад по инициативе народного писателя ЧР М. Ахмадова, поддержанной писателями других регионов Северо-Кавказского федерального округа. Что же беспокоит северокавказских писателей сегодня? А беспокоит их прежде всего разобщенность некогда братских, очень близких по культуре, обычаям и традициям, вере, народов Кавказа... Писатели, объединившиеся в клуб, ставят перед собой задачу наполнить новым содержанием некогда скреплявший дружбу между народами Советского Союза лозунг «Дружба писателей – дружба литератур – дружба народов!» Члены клуба активно переводят на свои языки произведения своих собратьев по перу, печатают их в периодике... Устраивают писательские встречи...»

На встрече в Грозном гости – Мадина Хакуашева, кабардинский прозаик, доктор филологических наук; Иса Османов, прозаик, документалист из КБР; Борис Гусалов, осетинский прозаик; Керимхан Умаханов, ученый, публицист; Магомед Насрулаев, народный поэт Дагестана, директор Дагестанского филиала Всероссийской Академии поэзии – подчеркивали значимость такого рода встреч и в целом деятельности Клуба писателей Кавказа для укрепления творческих связей, взаимообогащения наших национальных культур, открытия их духовных, эстетических, нравственных координат народам Кавказа, России и мира. Именно форма такого познания друг друга является в наше время еще одним верным способом противодействовать экстремизму и терроризму. Народный писатель ЧР Муса Бексултанов выразил эту мысль следующим образом: «Случаются разные межэтнические конфликты и провокации, но если такое произойдет между нашими народами, мы во многом сможем их сплотить и даже предотвратить кровопролитие. Ну а благодаря этому Клубу у меня появились друзья по всему Кавказу, теперь, в каком бы кавказском городе я ни оказался и с какой бы ни столкнулся проблемой, знаю, что могу постучать в дом любого из вас и найду уют и помощь, как встарь, по кавказским законам гостеприимства и куначества».

Кроме того, были затронуты актуальные для литераторов Кавказа вопросы художественного перевода, книгоиздания и другие.

Канта Ибрагимов, председатель Союза писателей ЧР, член Всероссийского совета по проведению Года литературы в 2015 году, объявил радостную весть: на последнем заседании Совета было принято решение о том, что 2016 год будет посвящен литературам народов России, что выразится в переводах

На фото слева направо: Салих Гуртуев (КБР), Муса Бексултанов (ЧР), Керимхан Умаханов (РД).

национальных авторов на русский язык и выпуске сборника произведений ведущих представителей этих литератур.

Действительно, Россия – страна, объединяющая уникальные культуры. Деятельность Клуба писателей Кавказа, последние инициативы, озвученные Кантой Ибрагимовым 17 февраля на заседании Клуба в Грозном, а также выпуск в недавнем прошлом антологии «Современная литература народов России» в 6 томах Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ под руководством С.А. Филатова и Независимым издательством «Пик» – все это свидетельствует о том, что

в современной России постепенно приходит понимание того, что одной из главных сил, способных духовно соединить народы, является культура, в частности литература. Россия многолика, многонациональна. И это одно из ее богатств. Официально насчитывается 48 литератур народов России: от абазинской до якутской. А в этом интервале самобытные литературы аварцев, балкарцев, башкир, ингушей, карачаевцев, коми, татар, удмуртов, чеченцев, черкесов, цыган, эвенкийцев. Всех не перечислишь... И, конечно, русская литература.

Умение, состояние даже, способность людей разных национальностей понять, полюбить и принять чужое этническое своеобразие Л. Гумилев назвал комплиментарностью; это качество – «комплиментарность» – нам всячески надо поддерживать, культивировать, утверждать. (В современном политексиконе – толерантность). И здесь национально-объединяющими могут быть культура в целом и литература в частности. Не литература ненависти, национального превосходства, расслоения, а литература единения, содружества, гумилевской комплиментарности.

Еще одна приятная новость – решением членов Президиума Клуба писателей Кавказа, озвученным Салихом Гуртуевым на встрече в Грозном, Муса Ахмадов избран президентом этого творческого союза. Сам же Салих Султанбекович в силу возраста слагает с себя эти полномочия, но, по единодушному мнению всех собравшихся, остается Почетным президентом данного объединения. Представители Дагестана также сообщили Мусе Ахмадову о том, что звание народного писателя Кавказа, которым до этого были удостоены лишь такие всемирно известные мастера пера, как Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, присвоено Всероссийской академией поэзии Салиху Гуртуеву и Мусе Ахмадову.

Поэзия женской души

Роза Межиева

Прекрасные Плеяды

В последние годы в весенних номерах журнала сложилась традиция предоставлять страницы поэтического раздела (большой частью) женским именам. Этот год не стал исключением. Не ограничиваясь обычной подборкой стихов от новых (и не очень) авторов, мы решили вспомнить о поэтессах, чье Слово оставило яркий и самобытный след в чеченской литературе. А также немного рассказать об именах молодых, которые обещают запомниться надолго. Справедливости ради стоит отметить, что количество талантливо пишущих женщин и девушек в республике гораздо больше тех, о ком пойдет речь и чьи стихи опубликованы в этой праздничной рубрике. Может быть, в следующем подобном выпуске мы расскажем и о них.

Итак, открывает рубрику блистательная (в самом прекрасном смысле этого слова) чеченская поэтесса Раиса Ахматова.

Если перейти на язык поэтических аллегорий и метафор, звезда ее славы начала восходить в те годы, когда блеск и сияние другой – великой Анны Ахматовой – безраздельно царили в мире русской поэзии середины прошлого столетия. Говорят, символическая встреча двух поэтесс состоялась на одной из всесоюзных встреч писателей и поэтов. Анне Ахматовой сообщили, что в составе делегации из Чечено-Ингушской автономной республики находится ее тезка. Неудивительно, что поэтессе захотелось взглянуть на молодую горянку с Кавказа. Возможно также, что в жизни Раисы Ахматовой эта встреча сыграла судьбоносную роль, подняв планку в развитии творчества на новую высоту. Однозначно определить тематику ее поэзии не просто. В ней есть все: история, преломленная через личное прочувствование, тонкий лиризм, зрелость и гражданственность:

Стихи как дальняя дорога,
Которую прошла пешком,
От замысла, как от порога,
С карандашом, как с посошком...
В них и закаты и рассветы,
Мой дом и дальние края,
В них не отдельные приметы,
А целиком вся жизнь моя.

Имя другой звезды чеченской поэзии, Баны Гайтукаевой, подобно ослепительной комете, оставило в нашей памяти глубокий и долгий след. При жизни Бана не успела опубликовать ни одной книги – единственный сборник, под названием «Поэзия Света», был издан в 2004 году московским издательством «Рудомино» (много лет спустя после ее смерти) группой людей – ценителей и хранителей ее наследия, назвавшихся очень скромно «друзьями-издателями»...

Возможно ли в нескольких предложениях охарактеризовать творчество Баны? Сложно, наверно. Однако бесспорно другое – его основным лейтмотивом является пророческое предвидение и пронзительная исповедальность. Лирика Баны – это вопль мятущейся души в предчувствии великой беды, нависшей над родным краем и народом.

Переводчики, благодаря которым мы можем знакомиться с поэзией Баны Гайтукаевой на русском языке, «стремились быть близки к оригиналу, но поняли, что Ее Слово невозможно передать в полной мере ни на каком другом языке»...

Может быть. Однако и те крупинки, что переводу «поддались», словно волна цунами, сметают в душе читателя все преграды к осознанию безграничного отчаяния и внутреннего надлома, переполнявшего Бану:

«Брат мой, мне легче предстать перед Всевышним судом с грузом твоих грехов, чем видеть, как ты бездумно множишь чурты (надгробия) в Чечне. Неужели ты не знаешь, что того, кто изобрел кинжал, ножны сделал теснее не случайно, не случайно... надеясь, что тот, кто в порыве ярости схватится за рукоять кинжала, одумается»...

Поэтическое творчество наших современниц, Лулы Жумалаевой и Розы Талхиговой, по праву занимает особенное место в культурной сокровищнице чеченского народа.

О поэзии Розы Талхиговой не скажешь лучше, чем это сделала редактор ее сборника «Оглянувшись в листопад» Лидия Довлеткиреева, сравнив ее с «Душой-Птицей», которая «легко и свободно парит, трепещет, мечется, взлетает в недосыгаемую высь и стремглав падает ниц, пронзая нежностью и болью, внутренней борьбой и горением, исповедальностью, но... недоговоренностью».

Совсем другой образ рисует внутреннему взору читателя поэзия Лулы Жумалаевой (также публикующейся под литературным псевдонимом Лула Куни). Как ни странно... это портрет римлянки эпохи античного искусства, больше известный как «Поэтесса»: словно из волшебного зеркала, смотрит на нас женщина с удивительно прекрасными и одухотворенными чертами лица. Взгляд ее огромных глаз говорит о самоуглубленности, внутренней гармонии, непрерывающемся течении живой мысли... А губы, кажется, вот-вот дрогнут в легкой иронической улыбке. Стихи Лулы Жумалаевой несут на себе тот же отпечаток – высокого интеллекта, гармонии и жизненной силы...

Наконец, еще два совсем молодых имени в чеченской русскоязычной поэзии, о которых просто невозможно не вспомнить здесь – это Хава Гагаева и Марьям Хадысова.

В республиканской периодике их творчество получило известность сравнительно недавно – последние два-три года. Однако по месту прежнего проживания семей этих девушек (в северной российской глубинке), а также в интернете оно уже давно имеет своих почитателей.

Несмотря на абсолютную непохожесть (как личностную, так и творческую), есть нечто ни много ни мало стихийное, что объединяет девушек – музыка. Обе поют, играют на разных музыкальных инструментах. Хава – на пианино и флейте, Марьям – на гитаре.

Когда-то в одном художественном романе мне встретилось описание переживаний маленького героя от встречи с поэтом. Герой уже знал о взрослых, которые писали музыку, но стихи – никогда. И вот, наконец, услышав, пораженный до глубины души, он подумал, что «стихи похожи на музыку». И что слова порою являются больше, чем музыка – «потому что они и музыка, и слова».

Все вышеописанное справедливо и для творчества наших героинь. Лирика Хавы Гагаевой (как правило, в жанре верлибра), словно погружение в таинственные микромиры подводных обитателей... Словно ветер над заснеженной долиной Кайласа... Словно музыка – интеллектуальная, полумистическая – в исполнении японской пианистки и композитора Кейко Мацуй.

А какую историю поведают стихи Марьям Хадысовой – под аккомпанемент гитарных струн?... Мне слышится в них, как...

Пляски лупят каблуками доски
Жестким неумолимо резким, но вязким танцем...

Не речитативно, как в исполнении группы «Каста», а скорее, уже в бешеном ритме и с андалузским надрывом.

Но, может быть, вам они расскажут совсем другую Историю?..

P.S. В древнегреческой мифологии, как известно, было семь сестер, дочерей Атланта, превращенных Зевсом в семизвездие Плеяд. Однако видны на небосводе только шесть из них, седьмая не ясна. Так и в нашем рассказе – о том, какое имя будет у «седьмой звезды», читателю еще только предстоит узнать.

Поэзия женской души**Раиса Ахматова****Японские вишни**

О японские вишни!
 Тяжелые, сочные вишни,
 Напоенные зреющим
 солнцем Востока,
 Вы по сопкам взбираетесь
 выше и выше,
 Облаками цветете вы в небе высоком,
 О японские вишни!
 Разливаете сладость,
 Чуть-чуть кислотоватую сладость,
 В пересохшее сердце
 Врываетесь влажною свежестью,
 Ваша женская слабость,
 Взгляд раскосый и страстный
 То меркнет, то радостно светится...
 О японские вишни!

О японские вишни!
 Природой подарено солнце вам
 И налитые соком сыпучие
 старые сопки...
 Так зачем человек
 День и ночь отравляет вас стронцием,
 День и ночь нумерует
 для вас изотопы?!
 О японские вишни!

Человек и Вселенная

Вставало солнце над моей планетой
 Совсем как миллиарды лет назад.
 Но мог отныне человеческий взгляд
 Полюбоваться красотой этой.

Потрогать мог он звездное тепло,
 На виноград или пшеницу глядя.
 Два солнца отражаются во взгляде,
 И потому природе повезло.

Саму себя осмыслить помогла
 Ей суть и восхищенье человека.
 Он мог в полете проследить орла,
 Он мог пахать и прясть от века к веку.

И в скромном восхищении моем
 Перо орлиное – перо жар-птицы.
 И землю убирают словно дом
 Кормильцы наши – пахари и жницы.

Мы все – нетленной красоты жрецы,
 Беспомощные, хрупкие, смешные,
 И вековые солнца – нам отцы,
 Планеты – наши матери родные.

Так ждать тебя –
 единственного в мире,
 Всю жизнь, казалось, жившего во мне,
 В твоей пустой, небранной квартире,
 В такой густой, неясной тишине.

Так ждать тебя среди вещей нелепых,
 Приросших к
 пропылившимся местам.
 Глядеть в окно, где не весна, не лето –
 Осенняя сырая пустота.

Я ни к чему не смею прикоснуться,
 Согнулась – и спины не разогнуть.
 Я так боюсь нечаянно проснуться
 И это ожидание спугнуть.

Твое тепло нескладное, живое
 Боюсь хоть на минуту потерять.
 Мне все равно: женою, не женою,
 Но глаз твоих свеченье повторять.

Мне все равно – навеки ли, на месяц.
 Живу – пока люблю, пока с тобой.
 Но я боюсь, что жизнь, едва наметься,
 Вдруг станет равнодушною судьбой.

Я нежность всю
 в глубинах сердца прячу.
 Ох, сердца нерасказанного груз.
 Хочу смеяться, а невольно плачу,
 Хочу к тебе – и этого стыжусь.

Я что-то просмотрела, обронила,
 Пока я шла по тропкам дней к тебе.
 Тебе, тебя не зная, изменила,
 Когда решила изменить себе.

Бана Гайтукаева

**Мать-Чечня!
Открой мне двери...**

Луны сияние оставьте
О ней тоскующему сердцу,
Как удивительно вы стали
Все в одночасие святыми!

Вы сердцу чистому оставьте
Страну Завета, Землю Башен,
Чтобы в орлиных гнездах было
Чем накормить птенцов голодных.

На миг единственный застыньте,
От жалких хлопот оторвитесь.
Поэт, грехам вашим внимая,
Появится у вашей двери.

Свои сердца стремясь очистить,
Вы слезы от души безгрешной
Возьмите трепетно в ладони,
На землю не пролив ни капли.

Я боюсь – ты станешь дымом
И развеешься, растаешь,
В жаркий порох обратишься
И взорвешься, мир пугая,
Выгоришь до горстки пепла.
Брат пойдет войной на брата,
Выхватив из ножен мира
Жизнь-клинок для газавата.

Страшно мне – от ночи к ночи
Тяжкие души рыдания
Ты несешь мне к изголовью.
Я боюсь, твои страдания
Я не вынесу...
Мне страшно...

О, если б наши матери
На белом свете были
Для вечной жизни созданы!
Луна бы с песней звездною
И звезды в танце солнечном
Вокруг Земли кружили.
И день, и ночь забыли бы
Рассветы и закаты,
Земля всегда была б светла,
И мы б не жгли сердца дотла,
Не проливали реки слез
От горечи утраты.
Тогда б ни осень, ни зима,
Ни лета зной с чудесной
Весной не затевали спор.
И маков цвет на весь простор,
Не различая вечера,
Звенел чудесной песней.
О, если б наши матери
Земли не покидали
И были с нами навсегда!
Вся жизнь весной цвела б тогда.
Сердца бы расставания
Ожог не испытали...
О, если б наши матери
На белом свете были
Для вечной жизни созданы...

Мать-Чечня! Открой мне двери,
Путь открой душе несчастной.
Слышишь, за тебя страдает,
Разрывается в рыданье.
Я боюсь, стерпеть не сможешь,
Крик души моей услышав.
Я боюсь, сегодня сдашься
В плен ты трусам недостойным.
Мать-Чечня, открой мне двери!
Грешники твой шаг разбили.
От меня, к тебе идущей,
Отвернуть лицо – сегодня
В том ли видишь назначенье?..

Роза Талхигова

Поверь в любовь!

Я вспомнила, как в ледяную стужу,
Среди привычной серой суеты,
Чужой, далекий и такой ненужный
Мне подарил весенние цветы.

В его глазах отчаянье застыло,
И бисер слов катился в пустоту...
Его я не любила, не любила
За искренность его и доброту.

И ясным днем, и ночью синеокой
Мне этот взгляд застывший не
Забыть.
Не знаю, почему я так жестоко
Оборвала надежды его нить.

Я не случайно вспомнила об этом...
И тот букетик, брошенный у ног –
Когда твой взгляд своим
Холодным светом
И равнодушьем вдруг меня обжег.

Беспечной юности полет,
Друзья, подруги...
И жизнь привычная несет
Тебя по кругу.
И опьянит приход весны
Своим цветеньем,
Тебе покуда неясны

Судьбы сплетенья.
Тебе покуда не понять
Мгновений счастья,
В душе разбитой не принять
Тебе участья.
Любить на час, забыть навек –
И будь, что будет...
Но, может, запоздалый снег
Тебя разбудит?
И запоздалые слова
В пространство канут,
Но чудодейственной травой,
Увы, не станут.
Огонь твоих беспечных дней
Задует ветер...
Была любовь, но только ей
Ты не ответил.

Ты говоришь:
Любви на свете нет!
Что это бред,
не стоящий вниманья...
Тогда зачем,
скажи,
на столько лет
Застыли вдовы
в скорбном ожиданьи?
Их не пугают
бури и гроза,
Они верны любимым
до могилы.
Любовь,
навек застывшая в глазах,
Вела людей
на подвиги, на гибель.
Мне жаль тебя,
ты просто не любил,
Кого-то
невниманием обидел,
Мне жаль Ее,
ты, может, был любим!
Незаменим!
Но этого не видел.
А жизнь спешит,
бежит за годом год...
И с высоты
тебе мигают звезды:
Поверь в любовь!
И сердце запоет!
Поверь в любовь!
Поверь!
Еще не поздно!

Лула Куни

Геометрия мира

Ветер с сонных деревьев
сбросил листву,
Оголив первозданность
лукавого мира,
Чешую черепицы с крыш скосырнул,
Сдул чердачную ветошь,
пропахшую пылью.
Геометрия мира. Графический миф.
Так пронзительна бездна
в просветах древесной решетки...
Суть моя, плоть моя –
незначительный штрих.
Слабый звук в Вечном Скрипе
Бесстрастной Небесной Лебедки...

Блаженна тихоструйная река...

Блаженна тихоструйная река...
Блаженны не проявленные лики...
Блаженны погребенные в веках –
Им не страшны открытые улики.
Смолчавшим не опасен блуд словес.
Ораторам, застывшим на скрижалях,
Сносить опалу и хулу повес,
Веками позже возжелавших славы.

Что нам – толпе –
до прытких мудрецов,
Ловящих рыбу в мутноватой жиже,
Ревниво возводящих столп повыше,
Чтоб смачно плюнуть
с башни в сонм глупцов?

Нас – обывателей – так нас они зовут,
В презренье тихо подмешавши яду,
На пир великих вряд ли поведут,
И кости наши в пантеонах
вряд ли лягут.

Но... все-таки! – блаженна немота.
Она – одна – величию порука.

Блаженна чистоструйная вода –
Для омовенья лишь в нее
опустят руки...

Тебе

Лишь обрела – теряю. Долгий путь –
Пунктиром обрываясь – лег меж нами.
Ты так же ощущаешь пустоту?
И так же маревом
скрываются глазницы?
И за дугой грудинной мерный стук –
Отчаянья – рвет веры плащаницу?
Не знаю, что есть это. Почему
Так долго поцелуй надежды тайной:
Холодных уст коснется беспечально
И упорхнет в пустую синеву.

Путь

Ветер полночный, несущий прохладу,
не остудил.
Бьется песок из-под рваных сандалий –
в долгом пути.
Мерно вздыхают барханы
под солнцем –
слепит слеза.
Зной. Бесконечность.
Но в меркнувшем небе
вспыхнет звезда.
Веришь ли? Веришь.
И падаешь ниц. Полная Чаша.
Да не прольется миро зарниц
в адово пламя.
Пусть на зубах
безысходность скрипит.
Ты ли не видел:
Жажущих – толпы... Но...
Посох зарыт.
Идол незыблем...

.....
Ветер полночный,
несший отраду,
стихнет в душе.

Хава Гагаева**Шепот безначального**

В дни беспросветности тоскливой
кто смеет смехом дребезжать?
Она проснулась на заре,
когда в домах деревья спали.
Вдруг захотелось стать спиралью
и вползти
в безмолвием дымящееся небо.

Тихий человек

На углу Марковского и Ленина
один тихий человек живет.
Он не ищет приключений,
он внезапностей не ждет.

Молча ходит, улыбаясь
редкостью своих усов.
Я совсем не сомневаюсь,
что он знает все-все-все!

Он не хмурится ни капли,
даже если дождь и град.
На него то дождь, то капли
или то и то подряд.

Он не знает про печали,
он обид и не держал.
Как открыл себя в начале,
так с тех пор не закрывал.

Показать, открыть, поведать
может многое и всем.
Но сначала скажет: «Сердце
отоприте насовсем.

Посадите в нем деревья
или вырастите чай.

Угостите тех, кто жаждет
Или тех, кто невзначай

забредет в ваш сад чудесный
отдохнуть иль погулять,
отыскать или остаться,
что-то новое понять.

Отпустить свою обиду
или вспомнить про любовь,
фиолетовую птицу,
у которой ваша кровь».

Ломай свои стереотипы об меня

Всего лишь выцвела туда,
где проросли зерна вчерашних дел.
Ничтожный ласковый удел –
стратегия сегодняшняя
временная мрачная.

Стук каблуков моих
принадлежит не мне,
стук каблуков моих –
пространству мокрых стен,
заборов, улиц...

Едва ли нам с тобой
вскарabкаться удастся
хотя бы выше крыши.

Да, мы уже по щиколотку в грунте,
ведь в головах чугунные
мечты о бунте.

Я чувствую себя нейлоном струн –
сам не звучащий,
но влияющий на звук,
замаскированный под посох лук.

Дуо

В моих глазах двоится:
я наблюдаю расслоение
картины мира.

Прямо перед глазами
висит очерченный
статичный мир.

Его границы выведены
повторением поколений,
намерением остаться в нем
и в нем же умереть.

Я наблюдаю
через рамы его контуров
текучесть бытия
другого мира,
неподдающегося описанию.
Его внезапное открытие
настолько странно и прекрасно,
что пробуждает нечто
спящее во мне.

Марьям Хадысова***По моим тропам нельзя
ходить в полшажка***

Ночи длинные, ночи синие,
Звезды яркие прямо под ноги.
Ветры буйные, ветры сильные,
Дальних гроз-дождей
слышны отзвуки.
Реки быстрые, реки горные
К морю пьяному мчатся весело.
Псы по воздуху – псы дозорные.
Небо тучами путь завесило.
Сабли острые, сабли резкие.
Кони пламенем гор подкованы.
Страхи жуткие, страхи детские.
Льдами севера сердце сковано.
Где бы мне сыскать чудо-зеркало,
Чтоб смотреть в него –
видеть каждого,
Как он есть, и чтоб знало-ведало
Похороненных в себе заживо.

Дракону нельзя быть рядом.
Дракону нельзя быть слабым.
Дракону – огонь и небо,
Сожженное им же самим.
Ему ненавидеть рассветы,
Людское тепло и запреты,
Но веровать в истину слепо,
Дарить ее взорам чужим.
Дракон устает и плачет.

Дракон ничего не прячет.
Он словно другим и не был:
Его не помнят другим.
Как будто дней не было прежних,
Где он – ранимый и нежный –
Не знает огня и неба,
Не знает, что он – один.

По моим венам совсем уже и не кровь.
По моим мыслям –
 теряться, летать и выть.
Без вариантов. Только в глаз,
 а не в бровь.
Я не имею права остаться и быть.
По моим пальцам
 можешь прочесть ответ:
Что тебе светит и где тебя точно ждут.
Грубо, конечно, но вот тебе мой совет:
Не спрашивай добрых.
 Добрые чаще лгут.
По моим меркам,
 снятым в тысячный раз,
Можешь попробовать
 сшить себе черную рясу.
В ней ты точно не будешь
 радовать глаз,
Но потеряешь за это
 ненужностей массу.
По моим тропам нельзя
 ходить в полшажка.
Если потащишься следом –
 готовься исчезнуть.
Имя забыть свое. Свою кровь.
 И в тисках
Мысли и чувства сжимать
 до колючего треска.
По моим звездам можно
 лишь в ночь и ад.
Такая свобода, что только
 могилы и рыть.
Ты все еще хочешь, как я,
 пить не воду, а яд?
Ты все еще можешь остаться
 и просто быть.

Арби Бечуркаев**Сироты мы с тобой...**

Рассказ

В советское время многие чеченцы отправлялись на заработки в различные регионы России. Уезжая ранней весной, до конца осени трудились они от зари до зари, выполняя строительные работы, заключив договоры с совхозами и колхозами. За один сезон они выполняли такое количество работ, строя зерносклады, больницы и школы для сел и деревень, ремонтируя животноводческие комплексы, с которыми не смогли бы справиться местные работники за один год. Многие выезжали целыми семьями. Их называли «шабашниками» или «уехавшими за «длинным рублем». Нелегко зарабатывались эти деньги, работать приходилось по 14-16 часов в сутки. К концу осени чеченские бригады начинали возвращаться домой.

Ежегодно выезжал на заработки в Пензенскую область вместе со своей молодой семьей и несколькими молодыми людьми герой нашего рассказа Али. Он был хорошим строителем, работы выполнял качественно и быстро, поэтому местные директора совхозов и председатели колхозов охотно заключали с ним трудовые договоры на ремонт строительных объектов, необходимых для этих сельскохозяйственных организаций.

Но имелись у него и недостатки, из-за которых случались большие неприятности: был он грубоват и болтлив.

Итак, о шабашке. Причиной существования шабашек являлось и то, что колхозы, совхозы и некоторые другие подобные хозяйствующие субъекты имели несколько больше по сравнению с более крупными государственными организациями возможностей расходования наличных средств для собственных нужд. Не обладая особыми средствами заказать необходимый объем работ у специально созданных для этого государственных структур («Межколхозстрой»), они чаще заключали хозяйственные договоры на строительство объектов (коровников, зернохранилищ, школ и т.д.) с временными трудовыми коллективами. Оплата за работы проводилась наличными и на месте, и это было основным стимулом, привлекавшим трудовые ресурсы в этот промысел.

За короткое время шабашники успевали взять подряд и выполнить весь объем необходимых работ «под ключ», получив за месяц сумму, составляющую несколько месячных зарплат на основной работе. Бригады зачастую были укомплектованы людьми, чья основная специальность была вовсе не строительная.

Нередки были ситуации, когда на рабочих специальностях в бригаде шабашников работали научные сотрудники с учеными степенями. Само это явление не было секретом, но властями не афишировалось. Оно не вписывалось в официальную точку зрения на экономическую и политическую ситуацию в стране.

С одной стороны, специализированные строительные предприятия не шли ни в какое сравнение с бригадами шабашников ни по скорости, ни по количеству работ. С другой стороны, государству неловко было признавать, что ученые в свой отпуск вынуждены были не просто искать дополнительный заработок, но были востребованы на такой малоквалифицированной работе.

В обыденной жизни шабашник был объектом насмешек и иронии, а для юмористов-профессионалов служил источником для их произведений.

Али со своей семьей и молодыми людьми, уезжающими с ним из села каждой весной, трудился в совхозе с. Малаковка Пензенской области. Ремонтировали животноводческий комплекс, строили зернохранилище и дом директора совхоза.

Однажды вся бригада работала на строительстве школы: воздвигали стены из красного кирпича. Бригадир Али поднимал угол стены, а его старший брат Ахмед, приехавший в отпускное время, работал в качестве подсобного рабочего. Дома он был директором сельской школы.

Как-то Ахмед слышит диалог бригадира Али и прораба Николая Ивановича Капралова. Капралов был человеком культурным, начитанным, но любил выпивать. Трезвым прораба никто не видел, но он всегда был в здравом уме. Внимательно посмотрев на кладку бригадира, он произнес: «Али, у тебя угол кривой!» Али ответил: «Пошел ты к черту, откуда ты знаешь, прямой он или кривой, когда ты на ногах еле стоишь? Иди отсюда, протрезвишься, а потом будешь делать замечания». Николай Иванович, не ответив на выпад Али, направился в сторону конторы совхоза, где находился его рабочий кабинет.

Прошло десять дней. Были возведены стены и построена крыша дома. Бригадир пошел в контору, чтобы прораб закрыл наряд за выполненную работу. Выслушав Али, Николай Иванович спокойно сказал: «Пусть тебе закрывает наряд директор совхоза, которому ты строишь дом. Ведь я не могу отличить прямой угол от кривого».

Али приходит от прораба с плохим настроением. Немного поработав на стройке, ничего не сказав членам бригады, он с женой куда-то уходит. Появляются они через два часа.

Он обращается к Ахмеду: «Возьми с собой Николая Ивановича, в доме, где мы проживаем, вас ждет сюрприз».

Ахмед идет в контору и застаёт Николая Ивановича работающим за письменным столом. Отношения Ахмеда и Николая Ивановича были дружескими. Они вечерами встречались и говорили о творчестве известных писателей, играли в шахматы, обсуждали политические вопросы, рассказывали друг другу анекдоты.

Поздоровавшись, узнав о жите-бытье прораба, Ахмед попросил его закрыть кабинет и пройтись с ним на окраину села. Капралов удивился такому неожиданному предложению, но закрыл кабинет и вышел во двор конторы, Ахмед последовал за ним: «Николай Иванович, ты не удивляйся, нас ждет сюрприз. У русских есть пословица: «Работа не волк, в лес не убежит», – они направились на окраину села, беседуя на разные темы.

Дом шабашников, сложенный из сруба, находился на юру, обдуваемый всеми ветрами. Зайдя, они увидели такую картину: на длинном деревянном столе было много еды, алкогольных напитков. «Николай Иванович, садись за стол, пусть рабы работают, – сказал в шутку Ахмед. – Роль тамады по старшинству поручается тебе, Николай Иванович, давай команду!»

Первый тост был за Николаем Ивановичем. Подняв бокал, он начал говорить: «У одного человека рождались все время дочери, а он мечтал иметь сына. Каждый считал своим долгом дать неудачливому отцу какой-нибудь совет. Столько ему насоветовали, что он наконец рассердился и сказал: «Наслушавшись ваших советов, я разучился делать и то, что умел, перестаньте меня поучать!» Так выпьем за то, чтобы иметь свою голову на плечах и идти своей дорогой».

Ахмед похвалил Николая Ивановича за поучительные слова. Очередь была за ним: «На экзамене в грузинской автошколе инструктор спрашивает курсанта: «Вот вы едете по узкой горной дороге. Слева стоит старуха, справа – красивая девушка. Кого давить будешь?» – «Конечно, бабушку!» – «Дурак! Тормоз давить будешь!» Выпьем за то, чтобы при виде красивой девушки у нас не отказывали тормоза».

После этого наш тамада предложил спеть песни военных лет. Поочередно назывались песни военных лет, а затем во весь голос исполнялись: «Там вдали за рекой», «Клен кудрявый», «Журавли»... Эти песни наполняли души солдат чувством героизма и патриотизма, одни из них звали в бой, другие напоминали о любимой, которая ждет, некоторые рассказывали о тяжелой солдатской службе, остальные давали надежду на победу.

Затем тамада предложил исполнить народные песни. И зазвучали «Шумел камыш», «Ромашки спрятались», «Очи черные», «Как много девушек хороших»...

«Что ты почувствовал, исполняя эти песни?» – обратился Капралов к Ахмеду.

Ахмед, как филолог, журналист, знал много русских песен. Он был краток в своей характеристике. «Народные песни – душевные», – произнес он. Затем он попросил исполнить песни молодости, романсы. Тамада согласился: «Песни нашей молодости – это песни, которые напоминают нам о нашей юности, о нашей первой любви, возвращают нас в то время, когда жизнь только начиналась». С огоньком, задором пропели «В Москве, в отдаленном районе», «Скоро осень, за окнами август», «Сиреневый туман над нами проплывает»...

«Эти песни напоминают о счастливых минутах молодости», – произнес Николай Иванович. «Qui, c'est juste», – сказал Ахмед, кивнув головой. «Это еще что за язык?» – удивился тамада. «Да, это правда», – объяснил Ахмед, переводя французскую фразу. Выпив за сказанное, приступили к исполнению романсов «На заре ты ее не буди», «Не жалею, не зову, не плачу»...

Там, где Николай Иванович забывал слова романса, Ахмед тут же ему подсказывал. Чувствовалось, что Николай Иванович очень любит романсы на стихи Сергея Есенина. Он сказал: «Ничего не может быть трогательнее, чем романс. Он затрагивает струны сердца, словно струны гитары. Может вызвать легкую грусть и всколыхнуть в сердце горячие чувства». – «Так метко смог бы сказать великий певец Шалапин», – похвалил собеседника Ахмед.

И вдруг, сделав небольшую паузу, Николай Иванович произнес: «Слушай, Ахмед, вы с Али как будто не от одной матери. Али – хам, невежда. А с тобой можно посидеть, ты русские песни знаешь лучше меня, русского!»

Темнело. Бригада должна была вернуться домой после изнурительного, тяжелого рабочего дня. Ахмед проводил прораба до дома, который находился в центре села, и обратился к гостю: «Наверно, наряд закроете, в котором отказали бригадиру». – «Хорошему, порядочному человеку готов придти на помощь в любую минуту, для него ничего не жалко. Можете спокойно спать, все будет сделано в лучшем виде». Поблагодарив Николая Ивановича и пожелав ему спокойной ночи, Ахмед с чувством выполненного долга вернулся в свою ночлежку.

Это застолье было устроено, как догадывается читатель, из-за одной грубой фразы, произнесенной бригадиром Али.

Кульминация этого рассказа не наступила. Самое главное впереди.

После этого прошла неделя. Бригада была занята штукатурными работами. Кто-то сказал, что в конторе выдают зарплату. Услышав это, наш бригадир бросил мастерок и побежал в ту сторону. Через некоторое время с улыбкой на устах, довольный, с деньгами подходит к бригаде. Отведя Ахмеда в

сторону, он протягивает ему 1000 рублей и говорит: «Отдай эти деньги своему другу Николаю Ивановичу». Ахмед застаёт Николая Ивановича сидящим на скамейке, расположенной в десяти метрах от конторы.

Поздоровавшись, Ахмед обратился к нему: «Николай Иванович, несмотря на грубость Али, вы закрыли наряд, сдержали свое слово. Не посчитайте эти деньги за взятку, возьмите, пожалуйста». – «Ахмед, ты меня оскорбил, огорчил до глубины души, ведь мы же с тобой друзья. Капралов никогда не брал взятки! Верни эти деньги обратно», – сказал тот. Ахмед стал настаивать на своем, он уговаривал его долго, но тот был непреклонен. Наконец, Капралов сказал ему: «Ахмед, ты лучше пригласи меня на шашлык».

В воскресный день, в полдень, на белых «Жигулях», купленных месяц назад, Али, Ахмед и Николай Иванович выехали на окраину села, где располагались дачные участки сельчан.

Быстро развели костер, сделали шашлыки, положили на скатерть еду, наполнили бокалы и дали слово прорабу.

Прораб посмотрел на скатерть и сказал: «А где огурцы, помидоры? У нас этого добра много: и свежие, и засоленные, почему мне не сказали?» – возмутился Капралов. Почесав затылок, Али ответил: «Я быстро исправлю эту ошибку».

Взяв из багажника пластмассовое ведро, он помчался в сторону дачных участков.

Через 20 минут возвращается с полным ведром, наполненным огурцами и помидорами. Николай Иванович говорит: «Али, где ты это купил, ведь рядом нет базарчика?» Али не смущаясь ответил: «Этого добра кругом навалом. Я перемахнул через забор первого дачного участка, который встретился мне на пути, и решил эту проблему». – «Али, ты украл... Как ты мог, ты же не подросток, а взрослый человек, я не притронусь к этой еде и напиткам. Если ты считаешь, что это в порядке вещей, то для меня это унижительно».

Минут пятнадцать он возмутился, читал ему мораль. Наконец Ахмед сказал, что узнает, чей это дачный участок, и расплатится за украденные огурцы и помидоры. После долгих убеждений Ахмеда, сделав паузу, Капралов произнес слова, точно характеризующие нашего героя: «Сироты мы с тобой, Али. Я без отца и матери, а ты без стыда и совести».

Ахмед долго смеялся над этими словами. Он на всю жизнь запомнил их и часто повторял в соответствующих ситуациях, вспоминая добрым словом Николая Ивановича.

25 апрель – Нохчийн меттан де**Тимбулатов Мовсар****Аьхке**

Стиглахь цхьа а марха йоцуш,
Довха дара денош.
Малх а бара ирсах богуш,
Злаьнарш лаьтта ленош.

Олхазарша эшарш локхуш,
Галам хестадора.
Мелчу мохо, бешахь хьокхуш,
Зезаг лестадора.

Ценчу хлуонехь когаш лехна,
Дитташ дласатехка.
Дерриг Галам дара дехна,
Юьртахь – аьхке кхехка!

Гуьйре

Аьхкено дуьйхина баьццара духар,
Керлачу барзакьца хуьйцуш,
Дешин кIур биллинчу хьаннашкахула,
Гуьйре ю шен гуьйра дуьйцуш.

Шийлачу Гуьйренан
дахкарлахь дитташ,
Кортош а хабийна, лаьтта.
Кхоьлинчу мархаша догла тIедуьттуш,
Хьогалла дIайойу лаьттан.

ГIаргIулийн аьзнаш а,
хорам беш синна,
Стиглара лаьтта тIе леда.
Хьехахь ша висинчу жаIуьно санна,
Мох а бу локхуш шен шедаг.

Дохк

Гаьнах хилла дерзан гуьйре,
Ламчохь дижна Гуьллу дохк.
ДавIнех дарлой еьча Гуьйре,
Карзахбуьйлу шийла мох:

ГIов йиллинчу гаьннаш тIера,
Цо, каетташ, доху гIаш.
Дитташ мохна хилац кьера,
ЧIогIа деца орамаш.

ГIаккха, дарбеллачу махо
ГIаттий, дижна Гуьллу дохк.
Кхечахь шена синтем лаха,
Дохк дIадаха, эцна мохь.

Схьакарийна Гинан кIорге,
Органа тIетевжи и.
Цунна резадочуш, Орга,
ДогIу, юьстах кхуьссуш хи.

Эххар собар кхачадина,
Кьамел хазий Органо:
«Тоьар ду Ген, соьх мотт бина,
хьо хьайн стигла хьалагIуо...»

Маржа яI-кха, миска дохк хьо,
Гуттаренна мухIажар,
Яц я хIусам, бац я мохк хьан –
ОхIлу дац хьо и харжа.

Дош

Дош – иза шаьлта ю,
Совр баттахь лелош,
Цхьаволчо Гуттий и,
Дагах чекхийоккху.
Ткьа кхечо, цу дашца
Шен собар дебаш,
Вон-дикий кьасточохь
Баттара йоккху.

Дуьххьарлера ло!

Арахь догIу шийла ло,
Корах ара хьобжу со.
Галам дерриг кIайн луш лаьтта,
Кьайладоккхуш дерриг латта.

Диттийн гаьннаш эгадо,
Шеллуш санна, хетало.
Олхазарш ду хьере хилла,
Уьдуш, хьийзаш некьах тилла.

Эвлаистехь бераш ду,
Самукьдаьлла хехкалуш,
Цигахь ловзуш дукха 1ийна,
Уьш дерриш а лайх д1аййна.

Ц1ийделлачу куьйгашца,
Бамба санна, ловзош ло.
Х1ораннан а догу б1аьргаш,
Вовше кхуьссуш лайн мижаргаш.

Когашца ло ц1ийзадеш,
Т1аьхьа салаз текхаеш,
К1адвалар шен ца гуш, халла
Цхьаь ву басах вьодуш хьала...

Арахь лаьтгаш хиларх 1а,
Мел ц1евзина хиларх де,
Шек д1а доцуш уьду бераш,
Ловзадуьйлу церан дегнаш!

Карзахе ойланаш

Сайн цхьаллин ойланехь
суо цхьа со висча,
Буйсанан г1айг1ано кьиза шед етта.
Ца кхуьуш кхетамехь ойланаш листа,
Дахаран тулг1ено сиха ногьетта.

Кхетамехь хьерчаш бу
шекониин уьйриг,
Х1ун дуте, сел хьалхе ас сагатдийриг?!
Дахаран некь сайн цхьа йочане хета,
Даьржинчу дахкарлахь
серлонаш леташ.

Хала ду дахкарлахь сайн дахар каро,
Деллахь а, тхайн кхерчачь
йогучу ц1аро,
Ницкь луш со лелаво,
и кхерч мел лаьтта.
Ваха а хала ма дацара лаьттаь.

Кхоьру со, хьобкхучу буьрсачу мохо,
И ц1е д1аяйарна, вуьтуш со цхьалха,
Стаг воцуш, цхьаьнга а
сайн г1айг1а ялхо,
Суо цхьаь, сайн ойланца висарна ваха.

Дуьненахь яьржина харцо ца лайна,
Кхоьру со, лаьмнаш
т1ехерцарна вайна,
Цундела до1ийна ас куьйгаш ойьу,
Сан г1айг1а, т1епаза,
цо стиглахь йойьу.

Ломахь суьйре

Сарралц дой хихкина,
г1елъелла мархаш,
Ламанийн белшаш т1е тийжа.
Лаьхьанах хьирчина дуьненан архаш,
Суьйренан боданехь зийза.

Анайист яхчош ю
стигланан пхьалг1ахь,
Цаьпцалгийн мукьам ца хеда.
Олхазарш сихделла баннаш чукхалха,
Схьакхеташ бу Садов седа.

Ламанийн даккьашкахь
д1алечкьаш, батто,
Керчабо г1унжара б1аьргаш, –
Шен метта д1ах1отта
ца х1уттуш лаьтта,
Бузучу маллах а кхьярдаш.

Маьлхан дог1а

Малх бу стиглахь,
мархашлахь д1алечкьаш,
Мела дог1а лаьтта 1ийдало. –
Цу исбаьхьчу суьрто дагна 1еткьаш,
Керла шовкьаш даге кхийдайо.

Кьинхетаме дог1у маьлхан дог1а,
Х1ор а бецан хелиг лийчадеш.
Хета, стиглахь мархаш йобьлху ч1ог1а,
Ирсе б1аьрхиш лаьтта ледадеш.

Ченан х1ур д1абоккхуш,
лийчош дитташ,
Хьалхалерчу куьце дерзадо.
Зезагаш а ц1енчу х1уонехь техкаш,
Кортош уьйуш, стигла хьобьжуш го.

Дог1а д1атов. Тийналла д1ах1утту,
Тхишлахь кьега дулу бецан г1ад.
Лаьмнийн когаш серладохуш х1утту,
Ворх1е бос а лепош стела1ад.

Цуьннан кьайле йовза г1ерташ, хийла
Бераллехь со холча х1иттина... –
Маьлхан серло дог1ано д1амийлла,
Ворх1е бос а кьастош литтина.

25 апрель – Нохчийн меттан де

Ахмадов Муса

Нохчийн гиллакх-оьздангалла

Дадолор

Бисмиллах Гиррохьманиррохьийм.

Массо а дуьненчохь долчу хIуманан бух а, цуьнан боккбал долу маьIна а ду «ЛаилахIа иллАллахI МухьаммадаррасулуллахI» боху дешнаш. Иза АллахI воцург кхин Дела цахилар а, Мухьаммад Делера салам-маршалла хуьлда цунна бакъ пайхамар, Дала бакъ дин кхайкхо ваийтина элча хилар а чIагIдар ду. Цундела стеган я халкъан оьздангалла йобзна ю, и бакъдерг цара мел къобалдо бохучуьнца.

ДуьххьалдIа и дешнаш аьлча чекхдолуш дац стеган декхар. Дела цхьаь хиларх тешар шен дерриге дахарехь ша дIа мел боккхучу когаца, дIа мел олучу дашца, дIа мел тухучу куьйгаца тIечIагIдан деза стага. Цунна иштта ган еза таухьидан билгалонаш шена гонахарчу Iаламехь а: сел тайп-тайпана долчу оцу Iаламехь массо хIума а ду шен-шен меттехь. Цхьа а галморзахалла йоцуш, шен-шен дахаран некъ а, маьIна а ду массо а хIуманан: стигларчу седарчашна тIера лаьтгарчу зингатана тIекхаччалц. И ерриге Iаламан тайп-тайпаналла цхьана низамехь, цхьана кепехь, цхьааллехь а ю. Дела цхьаь хиларан кхин а цхьа билгало ю иза.

Боккбал а Дела цхьаь хиларх а, Хьесап дечу, Кхиэл ечу дийнах а тешаро кхуллу бакъйоьлу оьздангалла, бакъдолу оьзда гиллакхаш а. Нагахь и тешар суьртана лелочохь я Iесачу динехь (язычествехь) долчу къаьмнийн оьздангалла, церан ламасташ, дукха хьолахь, цIерахамна, суьртана, моттаргIина лелош хуьлу. Цундела шайн цхьана аьттонна я хала киртиг тIехIоьттича, гиллакхаш атта охьа а туьйсу цара. Ткъа лелош дерш а нахалахь шайн цIе яккхийта, гайта, балха тIехь я рицкъи тIехь аьтто хилийта дошца аьлча, дуьненан хIума бахьанехь хуьлу.

Адам хIокху лаьтга Дала, Шен векал дина, дерриге Iаламна дола дан декхар а дина, даийтина. Цундела и Адам оцу кхечу Iаламах схьакъастош Дала цунна белла кхетам, хьекьал, вуон а, дика а къасто, вуо-дика гIуллакхаш дан маршо а. Иштта, адамашна юкбахь бен хила йиш йоцчу оьздангаллех болу кхетам а белла вайна Дала. Иза Дала вайна дина доккха дика а, боккха къинхетам а бу, Цунна хьалха долу доккха жопалла а ду.

Оьздангалла иза кхечу садолчу хIумнийн хила йиш йоцуш, синкхетамечу адамийн вовшашца а, гонахарчу Iаламца а йолчу юкьаметтигашкахь хила догIу дозанаш, барамаш, кепаш а ю.

ХIара «Нохчийн гиллакх-оьздангалла» боху жайна яздина ду вайнахана шайн къоман гиллакхаш кIорггера довзийтаран а, царах диканаш дахарехь лело, вонаш дIатаса аьтто хилийтаран а Iалашонца. Ийманца догIучу гиллакхашца цхьаьна, вай кхузахь хьахор ду цуьнца ца догIурш а церан нийса цахилар билгалдаккха а, уьш дIатаса вайна атта хилийта а.

ХIара жайна лаьтга дIадолорах а, бархI декбах а, дерзорах а. Кху тIехь къестош ду хIара тайпа хеттарш:

Оьздангалла а, дахарехь цо лело маьIна а;

Нохчийн къоман оьздангаллин коьрта мехаллаш;

Адам а, цуьнан гиллакхаш а;

Доьзал а, бераш кхетош-кхиор а;

Нохчийн оьздангаллехь Iаламца а, къинхьегамца а йолу юкьаметтигаш;

Ислам а, нохчийн гиллакх-оьздангалла а;

Зама а, оьздангаллех болу къоман кхетам хийцабалар а (ши дакъа).

ХIара жайна лерина ду нохчийн гиллакх-оьздангалла йовза луучу массо а стагана.

I-ра дакъа

Оъздангалла а, дахарехъ цо лело маъна а

Къамел д'адолош, уггар хьалха билгалдаккха дог'у «оъздангалла», «Гиллакх» бохучу дешнийн маъна. Тхуна хетарехъ, «оъздангалла» бохучу дешан маъна шуьйра ду «Гиллакх» бохучу дешанчул. Гиллакх иза адамаша вовшашца лелочу юкъаметтигийн, гергарлонийн кепаш, куьцаш, дозанаш ду. Ткъа уьш «оъздангалла» бохучу кхетаман чулацаман цхьа дакъа ду. Цул сов, оъздангалла Далла ечу Iамалца, гонахарчу Iаламца, шен дег'аца, дагца, ойланца стаг ц'ена хилар а ду. Оъздангалла дуьххьалд'а х'ора стеган леларехъ, амалшкахъ гучуяьлла ца Iаш, цуьнан сица, синкхетамца хила езаш а ю.

Муха кхоллаелла оъздангалла? Оцу хаттарна тайп-тайпана жопаш ло тайп-тайпанчу Илманчаша, шайн кхетаме а, шайш беха юкъаралла кхиъна хиларе а хьаьжжина. Игтех шо хьалха йоьхначу советски империн Илманчаша, къоман Гиллакхаш дуьйцуш, шайн къамел гуттар а д'адоладора: «Халкъо б'ешерашкахъ кхоьллина шен оъзда Гиллакхаш...», олий. Кхечу кепара цара ала таро а яцара, х'унда аьлча, церан дуьнене болу хьежамаш кхоллабеллера, х'ара дуьне а, Iалам а, адам а ша-шах кхолладелла я адамо кхоьллина, бохучу харц философин (материализман) буха т'ехъ.

Замано а, х'ора дийнахъ хуьлчу Илманан кхиамаша а т'улга т'ехъ т'улг а ца битина цара харцонах, мотгар'Iанех йоьттинчу г'алех. Иштта ца хила йиш а яцара, х'унда аьлча, церан оъздангаллех болу Илманан бух, заманан йохаллехъ къахьегар бахьанехъ маймалех кхолладелла адам, бохучу туьйранех лаьтгаш бара.

Цундела оъздангалла а ша-шах, заманан йохаллехъ, адамаша шайш кхоьллина ю бохуш, ч'аг'Iдора цара, ткъа «дино» оцу халкъан «кхоллараллех» пайдаэцна, нах Iехоран, уьш боданехъ латторан Iалашонца. Иза бакъдерг нийсса б'останехъа дерзоран къеггина долу масал ду.

Ткъа бакъдерг иштта ду. Дуьненан къаьмнийн ерриге а оъздангалла, церан дика Гиллакхаш Дала шен пайхамаршкахула лаьтга диссийна ду, шен динца цхьаьна. Ткъа и дин цхьаь бен а дац бусалба дин, ислам. Уггар хьалха и дин Дала Адам-пайхамаре Делера салам-маршалла хуьлда цунна делла. Дин иза лаьтга т'ехъ адамашна муха даха деза Iамош, Дала лаьтга диссийна дахаран-Iеран дозанаш, ламасташ ду. Хан-хене яларца уьш диц а дой, адамаш Iесалле оьгуш хилла, шайгара керл-керла Iеса Гиллакхаш а кхуллуш. Т'аккха

Шен дин юха а адамашна карладаккха, д'акхайкхо, Iамо Дала Шен элча воуьйтуш хилла дуьненчу. Царах т'аьхьарниг Мухьаммад-пайхамар Делера салам-маршалла хуьлда цунна элчанийн мух'Iар. Гуш ма-хиллара, лаьтга т'ехъ мел долу адам цхьа да-нана долуш ду, дуьненчохъ Дала доссийнарг цхьа дин (ислам) бен дац; цундела гуш ду лаьтга т'ера адамаш, мел тайп-тайпана хетахъ а, цхьана стагахъ схьадевлла а, цхьана дуьненахъ дехаш а, царна т'е доьссинарг цхьа дин а хилар. Иза кхин а цхьа билгало ю Дела цхьаь хиларан.

Массо халкъийн оъзда, дика Гиллакхаш Делан динера ду; ткъа вуон, къиза, Iеса Гиллакхаш халкъаша шайш кхоьллина ду. Цундела оцу я кхечу халкъан оъзда Гиллакхаш дуьйцуш, нийса хир ду «халкъо кхоьллина» бохучу дешнийн метта «халкъо лардина» аьлча.

Цхьадолчу халкъан аьтто хилла оцу динан Гиллакхаш алсам Iалашдан, вукхара к'езиг Iалашдина. Цхьадолчу къаьмнаша шайгара к'езиг кхоьллина Iеса Гиллакхаш.

Масала, нохчаша. Цундела карладаьккхина долу и бусалба дин шайн лаамца т'еэцал хьекъал кхаьчна вайн дайн. Кхидолу къаьмнаш генадевлла Iесаллехъ я галдаьккхинчу динехъ. Цундела цара д'атеттина Дала юха а лаьтга доссийна ц'ена дин.

Кхузахь хаттар хЮтта тарло: йиш яц ткъа адамаша шайггара дика гИллакх кхолла? Наха кхоьллина массо а гИллакх Йеса я харц хуьлуш ду? Дац. Нийса гИллакхаш а ду адамаша шайггара кхоьллина, амма церан бух а бакъдинан хьехамашкахь бу. Делаш а, Кхиэл ечу дийнах а тешарца кхоьллина муьлхха а керла гИллакх нийса ца хила йиш яц.

Илакхahь дийцинарг дерриге а тидаме эцча, кхеташ ду: «ГИллакх ялсаманера схьадеъна», боху дешнаш.

Адамашна юккъехь лела оьзда гИллакхаш Делера диссина бохург ду иза. Цъяболчара и кица кхидла а дахдо: «ГИллакх ялсаманера схьадеъна а ду, ялсамане духадерза дезаш а ду, ша лелочу нахаца цъяьна». Оцу дешнаша гойту: мел доккха маьна гуш хилла нохчашна гИллакх-оьздангаллехь.

Делан Элчас Делера салам-маршалла хуьлда цунна аьлла: «ГИллакх динан ах ду». Ткъа цъяна назманчас хьекьална а, гИллакхна а юкъара зле иштта йийцина:

Иаж Южана буха божар хууш ду,
Ткъа хир барий Иаж, ца хилча Южан дитт?
ГИллакх дитт ду, ткъа хьекьал цу диттан стом,
ГИллакх доцчохь Илма хила тарлуш дуй?..

Кхузахь «гИллакхах» дозуш хЮттийна «хьекьал».

Иза нийса а ду, нагахь дуьйцург адамашна пайде долу хьекьал делахь.

Амма кхечу кепара «хьекьал» хила а тарло адамехь гИллакх доцу хьекьал, оьзда доцу хьекьал, зуламе хьекьал. И тайпа хьекьал долчу стеган мах хадош, нохчаша олу: «Илма-м шайтланехь а ду». Цундела вайн къоман философехь хьекьалал а, говзаллел а, Илманал а лакха хЮттош хилла оьздангалла.

Билгалдаккха деза и тайпа хьал массо а къаьмнийн хьежамашкахь цахилар. Стаг шен говзаллехь ларош, шен гЮллакха тIехь кхиамаш бохуш хилчъяна, цуьнан оьздангаллин сурт-сибат мухха хилча а, сий деш а, лоруш а хуьлу, масала, цъядолчу Европерчу къаьмнийн.

Нагахь стаг дика поэт велахь, нахана дегнех кхета байташ язъеш, иза харцахьа лелар, цо къаьркъанаш мийлар, и оьзда цахилар кхин чЮгIа тидаме а ца оьцу цигахь. Шен говзаллехь пхьар хилар коьрта ду, кхидла дерг мехала а дац бохург ду иза, бер харцахьа лелар санна хЮма лоруш.

Ткъа нохчийн къоман философехь иштта дац. Стаг мел говза велахь а, цуьнгара мел доккха хьуьнар даьллехь а, цунна тIехь ду муьлххачу а кхечу стагана тIехь доллу декхарш, оьздангаллин бехкамаш. Халкъалахь цIе дIаяханчу стага кхечарачул а чЮгIа ларбан безаш хилла уьш, хЮнда аьлча, адам цуьнга хьаьжна ду, цуьнгара масал эца я цъа осалниг далахь кхарда кийчча.

ГИллакхашка хьаьжжина, стеган мах хадорехь «къиза» а, дуьххьал дIа а хилла вайнах. И деш, цара тидаме оьцуш ца хилла цуьнан хьалхалера дика гЮллакхаш, цуьнан цIе, говзалла. И дерриге а дай деш, дагош хилла цъяна осалчу хЮмано. Махкахь а дIаяхна цIе, махкана а гуш, южуш хилла. Иза боккха бохам а, юьхьIаьржо а хилла, оцу стагана шена хилла ца Iаш, цуьнан гергарчарна а, тайпанна а, юьртана а, цуьнан ворхI тIаьхьенна а.

И хууш, стаг Iаламат чЮгIа ларлуш хилла шегара цъа ледарло яларх. Оьздангаллин бехкамаша, гЮдаюкь къовлуш дихкинчу доьхкано санна, стаг гуттар чIагIвина латтош хилла, дикачу гЮллакхашна, нийсонна орцахвала кийчча. Цундела цъяволчу къонахчо шен гЮдаюкь буьйсанна вуьжуш а йостуш ца хилла, гуттар а оьшучу дIахахка кийчча дин а латтош хилла.

Ша воьжча, шен цIе йоьжча, дегIана там лехна цъа ледарло ша ялийтича, шех кьинхетам бан, ша хьалаайа цъа а воцийла хааро латтош хилла стаг гуттар а сема.

И нохчийн гиллакх дика девзаш ву «Эвтархойн Ахьмадах долчу илли» тӀехь вуйцу гӀалагӀазкхи. Цу иллин боцца чулацам иштта бу.

Эвтархойн Ахьмад воьду аренца лела. Цхьанхьа, паначу махкахь, шен динна баргол а тоьхна, и бажа лаьллина, «чергазийн юткъа нуьйр гӀевлинга йиллина, чергазийн ва чоа даржош тӀе ва тесна, чал дера герзаш, нанас бер ва санна, шен мара къуйлуш», набарна вужу Эвтархойн Ахьмад. Иштта лела араваьлла цхьа гӀалагӀазкхи кхочу цига. Шен дин иштта бажа лоллий,

Эвтархойн Ахьмадана юххе, цунна тӀера ах верта шена тӀе а озадой, набарна тевжа гӀалагӀазкхи а. Вуон гӀан-набарш гина, самаваьллачу Ахьмадна шена юххехь вижина йуьллуш гӀалагӀазкхи а го, шен дин чехош лелаш цуьнан гила а го. И ца лалой, Эвтархойн Ахьмада олу:

Дакъаза ма вала, хӀай гӀалагӀазкхи!
Ахь суна ца бина тешнабехк,
Ас бийр бац хьуна!
Хьан дино кхерий-кха сан жима расха дин!
Со кхерор варий-те дин болчу динан дас?
ХӀинца лата веза вайша кху бутон раьгӀнашкахь!..

Латарна кечам бина ваьллачул тӀаьхьа, гӀалагӀазкхичо Эвтархойн Ахьмаде олу:

Дакъаза ма вала, Эвтархойн Ахьмад!
Ахь сема ладогӀа, собаре хилий:
«Нагахь хьан хьалха каяьлла, ахьа со вийча,
Цхьа гӀалагӀазкхи вийна Эвтархойн Ахьмада»,
Аьлла, дӀадоьрзур ду, тамаша бийр бац хьох;
Нагахь сан каяьлла, сан карах хьо велча,
Махкахь цӀе йоккхуш дика кӀант хьо хилча,
«Цхьана гӀалагӀазкхичо вийна Эвтархойн Ахьмад»,
Аьлла, цӀе южур ю хьан, Эвтархойн Ахьмад..

Кьонахчун валар а, вахар санна, цхьана дикчу, оьздачу, лекхачу Ӏалашонна хила дезар билгалдолу оцу иллехь.

Хьо мел оьзда ваьхнехь а, хьан валар декъаза хилча, доха тарлуш ду дерриге а, йожа тарлуш ю мел йоккха цӀе а.

Цундела стага и цӀе Южалло ша лаццалц ларьян езаш а ю, тӀаккха цуьнан тӀаьхьенна тӀедужу изза декхар.

Нохчийн юкьараллехь уггаре а лекха дарж нахалахь дӀайоьду и дика цӀе хилла. Иштта дика цӀе яьккхинчу кьонахчунна вуон болх хила лууш а, и цӀе цунна йогӀуш ца кхаьчна бохуш, тайп-тайпана эладитанаш дуьйцуш нах нислуш а хилла. Цунах лаьцна ду халкъан кица:

«Лекхачу ножана хьоькху мох ца эшна». Амма хьаьгӀнаш лелочу нехан эладитанаш бахьанехь, шен оьздангаллин декхар тесна дита бакьо яц цхьаьннан а. «Деши, мел хоттала хьекхадахь а, бехлур дац», – олуш а ду вайн халкъан кица.

Оьздангалла халкъ шех лаьтгачу хӀора стеган шен-шен хуьлу. Вайн йиш яц цхьа халкъ оьзда ду, важа дац ала. «Халкъан оьздангалла» боху дешнийн цхьаьнакхетар даладахь а, уьш кхето догӀу оцу я кхечу «халкъан оьздангаллех болу хьежамаш а, цо тӀелаьцна оьздангаллин бехкамаш а» бохучу маьӀнехь. Бакь а долуш, оьздангаллех болу кхетамаш тайп-тайпана нислуш а хуьлу тайп-тайпанчу къаьмнийн. Масала, дустур вай цхьадолу нохчийн а, оьрсийн а гӀиллакхаш (оцу кьоман гӀиллакхаш массарна а бохург санна девза дела даладо

вай уьш). Нохчийн доьзалехь гИллакхехь дац да-нана а, йоI а, кIант а, нус а, цхьаьна охьа а хевшина, хIума кхоллуш. И иштта хила деза аьлча а, акха ду вайнахана. Ткъа оьрсаша, иштта охьа а ховший, хIума а юу, мала а молу, я церан къомана осал хIума а дац иза. Цхьана агIор, иза доьзна ду оьрсийн къам кериста динехь хиларца а.

Амма нохчийн гИллакх-оьздангаллин шатайпа билгалонаш гучуйовлу вайна, бусалба динехь долчу кхечу къаьмнийн гИллакхашка хьаьвсича а. Масала, вайн лулахь бехаш бу гIебартой, балкхарой. Цара салам, боьршачу наха вовшашка делла ца Iаш, зударша вовшашка а, божаршка а ло, иштта божарша а ло зударшка. Ткъа, хууш ма-хиллара, вайн нохчийн боьршачу наха вовшашка бен луш а дац, жимчу стага воккхачуьнга луш а дац салам.

И тайпа гИллакхийн шатайпаналла муьлххачу къоман оьздангаллехь а карайо. Амма шайн дикчу гИллакхашкахь дерриш а вовшех тера ду уьш. Кхечу кепара хуьлийла а дац. ХIунда аьлча, массо а дикчу гИллакхийн бух Дала шен пайхамаршкахула лаьтта биссийна хьехамаш бу. Амма хIора а къомо шен дуьнене хьежаме, шен дахаран хьелашка, ша дехачу мехкан Iаламе хьаьбжжина, оцу хьехамашна тIе а доьгIна, шен-шен гИллакхаш кхоьллина. Цхьадолчу къаьмнаша

Делан хьехамашкахь болу и бехкамаш мелла а шайна лело атгачу кепехь тIеэцна, ткъа кхечу къаьмнаша, дегIан паргIато кхин тIе а йоьхкуш, шайна халонга бохуш тIеэцна уьш.

Масала, бусалба дино боху адамашка шайн дегIана хьулам бе духарца. Боьршачу стеган хьулам бан беза меттиг (Iоврат) иза цIонгера гоьле кхаччалц йолу меттиг ю. Иза къайлаяьккхичхьана, ламаз дан а магадо. Амма цхьа а нохчо хIуттур вац ишттачу духарца Iамал ян, я ишттачу духарца адамашна юккъе а вер вац, я шен доьзалехь а лелар вац (бакьду, хIинца-м нисвала а тарло цу тайпана шен доьзалехь паргIат леларг а, амма вай дуьйцург нохчийн Iадатехь хила дезарг ду).

Цуьнца доьзна цхьа масал далор вай.

Халкъан яздархочо Айдамиров Абузара дуьйцура, цкъа гIала ваханчуьра, гучувала ша аьлла, Мамакаев

Мохьмад волчу ваханера ша бохуш. Шеца исс-итт шо кхачьна шен йоI а яра. НеI елла веьна Мохьмад, аьхка хIусамехь тIех йовха йолу дела, шена атгачу духарехь вара. Амма оцу йоIах бIаьрг кхетча, ша цунна ца гойтуш, кхин могаш-паргIат хаттар доцуш, дехьа чу а вахна, шен духар хийцинера цо; ша боккъал а чоIга цхьана боккхачу гуламе воьдуш санна, кечвелла схьавеьнера.

Цецваьллачу шега Мамакаев Мохьмада эли, бохура

Абузара, мел жима елахь а, йоI бехке ма ю, гИллакх хила ма деза цуьнца аьлла.

Массо къаьмнийн а ду воккха стаг ларар. Амма массеран а дац, воккхачу стеган некь ца хадош, сацавалар. «Некь цахадор» боху кхетам а бу шатайпана.

Генара схьавогIучу стагана хьалхахула тIехваларх, некь «хедаш» я цунна новкъарло хуьлуш хIума дац иза. ХIетте а оцу воккхачу стаге болу лерам, цуьнан а, цуьнан шерийн а сий дар ду иза. Хаза гИллакх а ду.

Шатайпана лерам беш хилла воккхачу стеган йоIстага а, къоначу зудчо а. Нагахь хи тIера йогIу йоI воккхачу стагана дуьхьал кхетахь, шен кIудал охьа а хIоттайой, букь а берзобой, дIахIуттуш хилла иза, и стаг тIехвалалатц. Нагахь шен жима бер карахь а долуш йогIуш зуда хилча, и бер некьа йисте охьадуьллий, юьстах а йолий, дIахIуттуш хилла, воккхачу стагах бехк лоций.

Иштта, и гИллакх дуьйцуш, вайн къоман изэсехь дисина цхьа дийцар ду. Говрахь вогIучу Исмайлин

Дудина шен бераца дуьхьал йогIу цхьа жима зуда, и бер охьа а диллина, букь а берзийна, дIахIоьгтина. Говрара воьссина Дуда, оцу берана тIе а веьна,

иза кІант вуйла а хиъна, цунна юххе совгІатна шен ворхІазза йолу тапча охъа а йиллина, «Дала беркате доьзалхо войла кхунах,

Дала дукха вахавойла хІара», аьлла, дІавахна. Тааккха и гІиллакх хІоттийна стаг мила ву а хиъна, оцу жимчу кІентан дас Исмаилин Дудина совгІатна дин бигийтина.

Иштта керла гергарло кхолладалийтина оцу хазчу гІиллакхо.

Вай далийначу масалша гойту халкъийн юкъара гІиллакхаш дегІана хъулам бар, баккхий нах ларар нохчаша мел чолхе даьхна шайна, мел даздина цара уьш, мел чІагІбина цара шайна и бехкамаш. Юкхаметтигийн, гІиллакхийн аттала а ца лобхуш, мелхуо а уьш ма-хуьллу чІога, хала лелор иза ю вайн къоман оздангаллин башхаллех цхъаь.

Аьллагунна жамІ деш, билгалдоккхур вай.

Нохчийн къоман дика гІиллакхаш шайн коьртачу билгалонашца кхечу къаьмнийнчаьрца догІуш ду (цуьнан бахъана лакхахь вай далийра). Амма кхечу къаьмнех схаькъаьсташ, шен ша-тайпана синмехаллаш а кхоьллина нохчийн халкъо. Царах цхъаерш шайн оздангаллин мах лакхара болуш, кхечу къаьмнашна а, массо адамашна а йовзар пайде хир долуш а ю. Цхъаерш вай кхузахь йовзийтира, вуйш кхидІа а юьйцуру ю. Къоман гІиллакхаш хиларх ца тоьа, уьш довза а деза. Йоза-дешар ца хиллачу къаьмнийн гуттар а дас воІе дуйьцуш, чкъурера чкъуре дуйьлуш схаьдаьхкина уьш.

Амма наггахь нислуш хилла, цхъа баккхий исторически хиламаш бахъанехь (тІом, цІерадахар, цунах тера кхин а), чкъурашна юккъера и зІе хедаш а. Цундела цхъадолу гІиллакхаш дицдина, дІадевлла нохчашна юкъара. Амма йоза-дешар вайн къоман долу а бІе шо гергга зама ю, хІетте а хІинцалц схаь гІиллакх-оздангаллина лерина цхъа а жайна ара ца даьлла, билгалчу теманашна лерина цхъаццайолу Іилманан статьяш ца лерича.

ГІиллакхаш довзийтарх а ца тоьа, нагахь уьш лелош ца хилча. Вайн къомах волу наггахь а стаг хир вац вайн гІиллакхех коьрта дерш ца девзаш. Амма уьш дахарехь лелор гІеллуш ду дийнера де мел дели, царах цхъадерш

дІадовлуш а ду. Масала, нохчийн дахарера дІадаьлла ала мегар ду боьршачу стага коьртахь хІума лелор. Ткъех шо хъалха цхъа а жима стаг коьртахь хІума йоцуш, эвлаюккъе стенна дуйьцу, шен кетІа а, хъешана дуйьхал а вер вацара. Иштта, наггахь бен нислуш дацара божарша коьртахь еха месаш лелор а. Тахана и гІиллакх, цкъа а хила а ца хилча санна, дІадаьлла. Бакъду, коьртахь хІума йоцуш тезета-м ца боьлху нохчийн божарий хІинца а.

Коьртахь хІума лелор дуйьхьалдІа кечваларан кеп хилла ца Іа. Иза шен кІорггера маьІна долуш хІума хилла. Сан схаьвалар цІена ду, со оздачу нахах ву бохург хилла иза.

Нохчийн дахарехь гІиллакх-оздангалло мел йоккха меттиг дІалоцуш хилла гойту халкъан барта кхоллараллин произведенеша. Иштта, цхъана халкъан узамехь ду хІара тайпа могІанаш:

Шайца шувне ва ховша хъеший боцчу буьйсанна,
 Мерза шун ца долош пхъуьйраза бисина,
 Шайна уллохь даьа хъешийн дой доцчу буьйсанна,
 ДІайиллинарг ца юуш, уьйтІахь дой тирсина,
 Чохь хъешан аз ца хезча, йоьттинарг ца юуш,
 УьйтІахь жІаьлеш угІуш – оццул хъеший хетга
 Хъалха хилла къена дай, и дика къонахий
 Биц ма белаш, доттагІий, Іаьржа латта мел хьобшу...

Кхузахь адамиин гІиллакхаш долуш гайтина говраш а, жІаьлеш а. Оццул лакхара хила езаш хилла нохчийн цІийнан оздангалла, оцу кертахь долчу хъайбанаша а лелош.

Цунах лаьцна шен цхьана стихворенехь иштта яздо Сулейманов Ахьмада:

Барзах, къуьнах хьаша къасто
 Iамийна вайнехан пхью,
 Генна дуьхьал догIий, хьоьстуш,
 Тхойшинна некъ хьоьхуш ду.

Кхин а чога тамашийна сурт хIутту халкъан цхьана туьйранехь. ГИллакхах кхетам бу оцу туьйранехь, юьртан цхьаь бен доцчу шовдана гонаха а бижина, хIоразза а шена яа цхьацца къона йоI ца елча, юьртахошка хи ца оьцуьйтуш болчу саьрмикан а. Оцу махкара воцу кIант шозза хи тIе веьча, хIумма а ца деш, хи оьцуьйту цо. КхозлагIа веьна, хи эцна дIавоьдуш олу цо:

- Ас, хьаша волу дела, гIиллакх лелош, вити хьо, кхузза хи тIе веьча а, хIумма а ца деш, кхин ма воьллахь. Кхин вагIахь, дийна дагIур вац хьо.

Оцу масалша а гойту, нохчийн къомана шен дахаран маьIна хьал-бахам совбаккхарехь, я яккхий тIулгийн гIаланаш ярехь, я кхечу къаьмнийн мехкаш схьалецарехь ца гуш, дуьххьалда хIокху лаьтта тIехь хьанала къа а хьоьгуш, гIиллакх-оьздангаллин бехкамаш ларбеш дахарехь гуш хилар.

Нохчийн гIиллакх-оьздангалла, васт далош аьлча, цхьа лекха бIов ю. Вайн къоман хIора а чкъуро цхьацца кхериг буьллуш йоьттина, лакхаяккхина. Цундела хIора нохчочун декхар ду и бIов Iалашъяр, иза кхин а лакхаяккхарехь дакъалацар. Нагахь жима стаг, ойла а ца еш, дайн гIиллакхаш емалдеш, дIатийса волалахь, я уьш кхечу Малхбузера я Малхбалера еьначу хийрачу амалшца хийца гIортахь, цо оцу бIаьвна юккъера тIулгаш дIадоху. Ткъа и тайпана нах алсамбевлча, и бIов чухарцарна кхерам а бу. Оцу хьокъехь поэта Супаев

Руслана аьлла:

Хьо ма сихло шира туьйра харцо,
 Дега-нене восе дош ма ала.
 Уьш дIахьур бу заманан цу дарцо,
 Хьуна дагахьбаллам битарца.

Книгаш тIехь ца Iамийна Iалам цара
 Лагта аьхна, летта дарцаца!
 Сих ма ло хьо йохо шира гIала,
 Замано а отур ю и атта.

Пхенийн шеддаш долчу куьйгийн йовхо
 Хьан ден куьйгийн йовхо ю иза!
 Ненан мIараш кIелахь дисна лагта
 Хьан Даймехкан лагта ду иза!..

Нохчийн гIиллакх-оьздангаллин гIала замано а йохор яц, нагахь вайх хIорамма а иза Iалашъяхь, шен леларца, вистхиларца, дечу гIуллакхца. Иза лаьттар ю, нохчийн къам мел деха.

ТIаьхье хир ю.

25 апрель – Нохчийн меттан де**Петирова Петимат****Шира хабар**

Дийцар

Суна тешаман, къонахаллин, къинхетаман, чIогIа ийман долчу бусалба стеган а, бакъволчу нохчочун а масал хилла лаьттинчу сан деден Мунаман безамна

Гуьйренан еха, йочане буйса яра хьалха лаьтгаш. Иштта еанчу суьйренца пешахь йогучу цIаре а хьобжуш, ширачу хабаршка ла а доьгуш Iаш самукьадолура сан. Къаьсттина хазахетара Дадин хабаршка ладугIуш. Цъха хазчу маттаца, ша цигахь хилча санна дуьйцура Дадас хабар. Тайп-тайпана хуьлура Дадин дийцарш, амма хIоразза а, гIиллакхе хила веза стаг, тешаме хила веза, шен цийца нохчалла долчо дийр дац эхье хIума, массо а хIуманал дезаниг стеган сий ду, башха а дац: зуда я стаг, къонахийн амалш товш ю шингтехь а, олий дерзадора цо шен къамел. Тховса а цъха чIогIа сахьаьвзина, Дадин хабарша синхьаам баре сатесна дийхира ас: «Дада, дийцахьа суна хьайн хаза хабарш, хьайна сел чIогIа езачу къонахалле сан шовкъ ойуш, боккъал а волчу нохчочун амалех дийцахьа суна». Дадас, сан амалера шена деза битамаш лохуш санна, леррина сан бIаьра а хьаьжна, тийначу озаца шен хабар долиьра. Цо, шен дедас дуьйцуш ма-хаззара, хенашца ца хуьйцуш, ша цигахь хилча санна, оцу хиламийн теш я коьрта декъашхо ша хилча санна, дуьйцура цкъа мацах нохчийн лаьмнашкахь хилларг, лелларг, шена хезнарг. Кхин хийцамаш ца беш, цо ма-дийцара шун кхиэле дуьллу ас хIара...

1

Аьхкенан деха де чекхдала гергадахнера, шен йовхо ца кхоош лаьтта кхийдийна малх а чубуза сихбелла лаьмнаш тIехьа къайлабелира. Аьхна, эсала суьйре яра нохчийн жимачу юьрта йоьссинарг. Юьрта йистехьо, ломан кийрах схьадаьлла аренга сихделлачу шовданан коьртехь хIуттура хийист – кху эвларчу кегийрхойн уггар самукьадолу меттиг. Кхузахь суьйренца гуллора кегий нах шайн дог лаьтта мехкарий ган, цаьрца дагара дийца, кхузахь кхоллалора церан безамаш, йовзара вовшийн ойланаш, амалш.

Бакъду, юьртахь сих-сиха синкьерамаш а, гурахь а, Iай а белхиш а хуьлура, цигахь а таро яра вовшийн ган а, довза а. Амма кху хийистехь кхоллабелла, чIагIбелла безам цъха ша-тайпа хуьлура – и шовда бухдуьйлу лам санна тешамечу даг чуьра Iийдалуш, шовданах терра хьаььна, сирла, и шовда мел маларх цунах цаIабарх терра, шен марзонан доза доцуш.

Кху хийистехь шена дуьхьара гина дела хир бара-кх Берсин Эсиле болу безам а ишта. Цундела ца го хир яц-кх цунна шайна юкьара йоккха башхо а. Берсин дакъазалла я ирсана евзина хир яр-кха гуьйренан йочанечу суьйренца хийисте еьна хьераш йолчу Аьстамаран хIетта пхийттара яьлла куцхаза, эсала йоI. Ши шо даьлла цул тIаьхьа, амма Берсина диц ца ло шен дог лоцуш хилла хьажар. Шен це а йоккхуш хIара вистхилча горгачу беснеш тIе цIелла а хьодуш цо маршалла хаттар.

Хинца а воьгура кIант хийисте сихвелла. Маржа Эсила яI! ХIун хила доллу те вайшиннан кхолламах? ХIара дуьне а, Iалам а харцхила доллу те вайшиннан безамна? – бохуш ечу ойланашца схьакхечира Берса. Эсила йогIуш гуш яцара, кIентан синтем байнера. Дагара ца долура селхана сарахь шен ненаца хилла

къамел. Ша хІун дича бакъахъа ду ца хууш ойланаша хъеревинера кІант. Юха а коьртехула чекхъелира селханлера суьйре...

...Іуьйранна гІотгучу малха дубхъал нисдеш дина дара кхеран жима ши цІай, рагІуй. Діанехъо керта йистехъ чохъ цхъа етт, цунна тІаьхъара эсий, цхъа говррий долуш божалан бахъана а, иттех котам дахууш бун а, Берсин нанас Кхокхас картол-Гіабакх а, хох-серамсекх а буьйш цхъа кІеззиг латта а, и дерриг чулоцуш чу-ара вала зІар а дубуш гобаккхина йина серех юьйцина керт а – и бара кхеран миска бахам. Да хьогур волуш дацара схъагуш долу сурт. Амма Берса дубьненчу а валале тІера цІийнда а кхелхина, гІо дан марзхойх а, децІийнах а стаг воцуш кадетташ халла кІант кога ирахІотто гІиртинчу Кхокхин ницкъ бацара кхин хІума вовшахдетта. КІант воккха хилча паргІагъяларе сатийсира, амма ва Дела аблла ког ца хІутту цуьнан а. Букъ сатийна, хъацарна пІелг а хьобкхуш халла даьккхина рицкъа хене бовла бен ца тоьа, хІусамаш, йийбарш нисъян сов ца долу.

Делахъ а, Кхокхас Далла хастам барца тоам бо, цхъанна а декхар дац, тІехъ чІир а, эхъан томмагІа а дац. Сарралц къа а хъегна цІа вирзича сарахъ ког хецца дІавижа а, хъанна а бІаьрга тІе бІаьрг а хІоттийна къамел дан а йиш ю Берсин. Цул боккха бахам ца оьшу Кхокхина. Дависа, тІаьхъарчу хенахъ кхуьнан садуу и цхъа сингаттам бацахъара.

Кхокхина хаара шен кІант Аьстамаран йоІ езаш вуй, дагахъ чІогІа йоккха а ера иза. Латта хаздан доссийна малик санна исбаьхъа а, шен цІе бакъян санна аьхна амал йолуш а яра Эсила.

Мичахъ ирс хир дара сан и керта хьовззал. Сан мискалла йогІур ма яц Аьстамарца. Дубьненан рицкъа тІехъавззина стаг ву иза. Луур дац цунна шен йоІ къечу керта яхийта, сатийса а ца оьшу, олий хетара Кхокхина. ТІаккха а, кІантах къахетий, хъанна хаьа кхолламо хІун яздина а, ас хъарамчух, эхъечух ларвеш, доьналле, къинхетаме кхийинчу сан кІантана орцахвер вац те Дела, олий сатосура.

ХІинца а, етт озна а яьлла, суьйренан гІуллакхаш дІасалистина, рагІу кІеларчу товхи гонах ша хъийзаш тергалвора цо кІант. ХІетта кха тІера чукхаьчча юьхъ-куьг дилина, чубуза лахбеллачу малхе а хьобжуш ойланаш йора цо. Шен дагахъ дерг хъахон ца хІуттуш дІасахъавззина, гІелвеллачу кІентан бІаьра хъежа а ца елла, тІееана юххе охъалахъелира нана.

– КІант, ахъ шена оццул сагатдой хууш а, ахъ кхийдон некъ къобалбеш а юй и Аьстамаран йоІ? – шен садуург хъахийра цо.

Вист ца хуьлуш лаьттан бІаьра хьобжура Берса, цІеххъана дара ненан хаттар.

– Соьх бехкаш ма леца, Берса. Суна хаьа хъан дагара. Соьга ца дийчича дагара дийца йиша, улле вала ваша я шича а вац хъан. ХІара декъаза дубьне даа пІелг санна цхъалха хьо дубьненчу ваьккхина ас. Там ца бо кху дубьнено, хетарг а хилла ваьхна а, кхунах Іаьбна а вац цхъа а. Вай кхуллуш яздинчух довла йиш яц вайн. Делахъ а, доьлхуш а лелар дац вай. Хъуна эшначохъ йиша а, ваша а, накъост а ю хъуна со. Кхин генадаьлла хъекъал дацахъ а, ахъчул хІара дубьне дукха хъешна а, сайнначул дика а, вон а гина ю. Хаьа суна хьо Эсила езаш вуй а, вайн керта и йоссон лаам болуш, делахъ а, вайн мискалла бахъанехъ и цуьнга хъахон ца хІуттуш лелий а. Кху вайн юьртахъ дІасахъийзарх валахІотталц оцу лаьттан коржама тІехъ къахъегар бен кхин тІедан рицкъа а доцуш, со суо йитина дІасаваьлла и лаха а ца хІуттуш, хъайн гІорасизаллина дог а этІаш ахъ хъайн садууий а хаьа. Берахъ дубьна хъайца кхийна волу ИбрахІим болх лаха вахчахъана хьо цхъалха вуй а хаьа. ХІетахъ хьо цуьнца вахийта со ца хІобгтира, сайн могушаллех бІо ца буьйлира. Амма гуттар а ишта Іийна девр дац вай. ЙоьІан ирс – цІахъ Іер, кІентан ирс – лелар, олу. Сан кІант, хъайн ирс лаха дІасавала пурба ду хъуна, цул сов, сан лаам бу иза.

Берса лерина хьобжура нене, тишъелла, хебарша аьхна юхь, даима сингаттамехь лаьтта кхоьлина бӀаьргаш, хӀара ца кхоош тӀехтиллачу шераша тӀе кӀац тесна месаш, вочадаьлла, хуаделлачу дегӀа тӀе юьйхина малхо йоттуш, йочанаша яшош басаяккхина, тӀеттӀа тӀе летийнчу бес-бесарчу йоманаша языйна коч, кога туьйдина айраш а даделла, тӀехулеш цхарйоблла кӀархийн бахьанаш. Цкъа а шена там ца лехна, юучух кийра Ӏабоза, шен гӀайгӀа нахана хиъча и шегара дӀаяккхарна кхоьруш санна, шена чукъийлина декъаза зуда. Берсин уггар хьоме а, гергара а адам. Ша цхьанна а гой техьа аьлла дӀаса а хьаьжна, кьевлина марайобллира цо иза.

– Нана, нана. Хьан догдикаллин доза дан а дуй те? Хьайга дӀааьлла дош а доцуш кхета-кх хьо сан дагарчух. Ма хьекъале, кьинхетаме адам ду-кх хьо, – бохуш хьобстура кӀанта Кхокха.

Ткъа ненан бӀаьргаш чуьра лешаш хебаршкахь кьайладуьйлура дог кӀадден бӀаьрхиш...

...Шен дагахь Эсилица йист яккха веанера Берса. Тахана цо хоуьйтур ду йоӀе шен дагара, схьадоьллур ду ша хӀинцалц кьайлехь латтийнар. Тахана къаста декхар ду кхуьнан кхоллам. Декъал хилла я гуттаренна а ирсах дог диллина. Эсилин цхьана дашах дозуш хир ду и.

Геннахь гучуелира кӀудал пхьаьрсах а тесна, карахь йоьза чами а ловзош гӀийлачу боларехь йогу Эсила. КӀентан дог сихха деттадала дуьйлира. ЙоӀ тӀекхачале йолчу ханна маситтаза хийцаелира цуьнан ойла, шаьлтанан мукъ тӀога кьовларна кӀайделлера пӀелгаш, цкъа макхлуш, юха кӀайлуш бос керчара юьхь тӀехь а.

Цхьацца ког боккхуш тӀекхечира Эсила, цунна а даго хьобхуш хила тарлора ша шен кхолламна дуьхьал йогуш хилар.

– Суьйре дика йойла хьан, Эсила, лар-м йойту ахь хьуо, – дуьхьалволавелира кӀант.

– Далла везийла, хьан а йойла суьйре дика. Цхьа дагахь доцу хьеший а баьхкина хьеелира со, – кӀудал лаьтта охьа а хӀоттош дӀахӀобьтира йоӀ. Гуш дара иза цхьа халахетар хилла хилар.

– Эсила, хӀун хьал ду шуьгахь? Хьо цхьа ягийча санна ма хета суна, сингаттаме хӀума-м дац?

– ДӀаӀаш ду тхо а, шу а дуй могаш, нана муха ю? – кӀентан хаттаран шолгӀа дакъа ца хезачуха дитира цо.

– Нана а ю-кх Ӏаш. ТӀаьхь-тӀаьхьа цхьацца хабарш а хезадо, цамгарш а лехьайо. Кертахь хьийзаш нус хилча паргӀат хир яра ша бохург а къедадо. Дикачу кӀентан декхар ненан лаам кхочушбар ду, ткъа со и ца хезаш санна Ӏа. Суна-м ца хаьа хӀун хир ду а.

– Ден-ненан лаамаш кхочушбан ницкъ кхаьча-м дика ма дара, амма цкъацкъа вайн лаамашца шалхабуьйлу-кх уьш.

– Деллахь, Эсила, нанина нус харжарехь-м цхьаьнайогӀура тхойшиннан ойланаш, охашимма хаьржинчун дагара ца хаьа-кх, – йоӀа шен дешнаш тӀе муха оьцу хьожуш соцуьгӀа хилира Берса. Эсила, йист а ца хуьлуш, корта а оллийна лаьттара, цо буйнахь ловзочу чами тӀехь соьцура чубузучу маьлхан тӀаьхьара зӀаьнарш.

– Эсила, хьо йист ма ца хуьлу? Эрна ду те сан нанас хьо шен йоӀ а хилла керта хьийзаре сатийсар? Жоп доцуш бовр бу те ас деган кӀоргехь хьоьга кхоьу безам? Кхин генадаьккхина дийцина хӀума дацахь а, ши шо ду вай гергарло лелон. Таханлерчу дийнан ойла янза ю те хьо? Алахьа хьайна хетарг. Хьан карахь ду-кх сан ирс а, дакъазалла а.

– Берса, кьийла а ца луш хьоьга сайна хетарг дийцал хьо сайна вевза аьлла хета суна, цундела бехкаш а ца лобцуш боху ас, хьо дӀа а теттина лаха безам бац сан. Дуьненахь уггар а доккха ирс хетар ду суна хьан нанна йоӀ а хилла хьан керта яр. Амма... – цӀехьхана сецира йоӀ.

– ХІун амма. Дийцахьа кхидІа а, шарахь лаьттар вар-кха со хьобга ладоьгуш,
– дехаре велира Берса.

– Амма вайна хетарг ца хилийта арабевлла нах а бу. Дехьа эвлара совдегар Висха ву дадица гергарло лелош, цо шен кІантана хьехош ю со. Дадас хІинца а билггал жоп ца делла, амма дукха хан ца йисна и тІетан. Вайн хан кІезиг ю, хІун де вай? – хаттарца кІентан бІаьра хьаьжира Эсила.

– Маржа Эсила яІ, ма суначул чІогІа оьшуш хир яцара хьо Висхин кІантана, делахь а цуьнан ден хьал ду цуьнгахьа гІо дохуш, ткьа сан, хьуна ма-хаьара, кураллаш ян меттиг бац, тІаьхьа хьо дохкойолуш ма дерзахьара хІара.

– Берса, – халахетаран хьу хаалора йоьІан озехь – вай девза дукха хан елахь а, хьуна со кхоччуш евзаш ца хилла. Шен дас туьканахь нехан кепекаш лечкьош, церан хьокъалахь вовшахбиттинчу бахамах токх волчу Висаддин хІусамнана хила мах ца кхочу сан. Хьан хІусамехь пусар, лерам болуш Іар гІоли ю суна. Вуьшта, цкъа а дага ма дайиталахь со дохкоер ю алий. Стеган мах хьолаца хадош бац хьуна, цуьнан кьонахалле, доьналле хьаьжна хадош буй хаьа суна а.

– Эсила, Эсила, гІалатваьлла ца хилла со сайн седа хоржуш, баркалла хьуна. Хьан соьга кхоллабелла тешам ца байта ас дуккха а зен хуьлуьйтур ду сайна. Ткъа хІинца хІун дича бакъахьа ду вайша?

– Суна-м хаац, Берса. Хьал ма-дарра ас хьуна довзийтина, кхидІа дерг айхьа къастаде, со ахь аьллагунна тІехь ю.

– Делахь дика ду. Тховса оршот буйса ю, вукху кІиранах йогІу оршот буйса, Дала вай цу хене дахахь, вайн хир ю-кх. ИбрахІим цІахь воцуш лаа-м ца лаара суна ловзар хІоттон, амма гІуллакх хьобжучохь дац, ИбрахІим кхетар ву сох.

– Хьайна бакъахьа хеттарг де, ас нене хьахор ду, иза дуьхьал хир яц. Уллехь йиш-ваша а доцуш сара санна цьалхачу соьх къахета цунна. Сан ирс цуьнан а ирс ма ду.

– Эсила, вайшиннан барт чІагІбеш хьайн пІелгара чІуг а луш, вай дуьненчу довлале дуьйна а кху ломах бухдийлина а, вай дІадевлачул тІаьхьа а кхачор доцу и шовда айхьа суна кхоа ца дахь цунах кьурд а байтахьа соьга.

– Тхан мехкарийн цхьа йиш ю-кх оха вовшахкхеттачохь локхуш, – елаелира Эсила, шовдан кІел чами а лаьцна и хих бузуш.

...Хьогалла дІаяккха кхо кьурд хи хилча,
И мелларг вайшиннах Іожалло дитча,
И хьуна лур дара хьогалла яц аьлла,
Алахьа ахь соьга совгІат дуй и хьуна?..

– Адин Сурхо-м со а хир вац, Эсила, амма и совгІат схьа ца эццал доьналла-м тоьар ду сан.

– Анзоран Заза яцахь а, дош гІуллакхашца цхьаьнадоьгу сан, цу тІе, доггах дина совгІат схьа ца эцца кьонахчунна эхь а ду, – еларца хи кховдийра Эсилас кІанте. Схьаэцна хи а мелла:

– Баркалла, дукха ехийла. Со кхеттал хилчахьана хІара шовда муьйлуш тахана цхьа ша-тайпа чам хаабели-кх суна кхуьнца. Дела реза хуьлда хьуна, – олуш чами йоІе дІакховдийра цо.

– ГІоза молийла, – шен кІудал юза хІоьттира Эсила.

– Делахь ас хьо кхин ца сецайо. Со дІасаваьлла меттиг хилахь а, гІуллакх барт ма-хиллара хир ду хьуна. Іодика йойла, – аьлла дІаволавелира кІант. Юьзна яьлла кІудал белша тІе а тесна цІехьа йирзира йоІ а.

Схьадоьгуш сингаттаме хиллехь а, вовшийн дагара хььначул тІаьхьа кхечу кепара яра кху шиннан дог-ойла. «Со еза, со оьшу цунна, дукха хан ца йисна тхойшиь вовшахкхета. Ма хаза хир ду тІаккха. Ас цІера гІуллакхаш а деш, Берсас арара болх а беш, вовшийн лоруш хан йоккхур ю охашимма, – цкъа

сатийсамашка йолура йоI, юха кхералора – дада реза ца хилахь, БерсаIар таро йоцуш бу аьлла цо дIататтахь хIун дан деза? Ва Дела, гIо делахь тхойшинна».

Берса а вацара шен ойланаша хьобстуш: «Хан-м йиллийти, ткъа кхидIа? Там-товр, той-ловзар дIадерзон ца деза? Гергарлонаш лелон ца деза? Маржа нана, хьан бIаьргаш чохь цкъа мукъна а йоккхаеран суй къагийта, хьуна хазахетар дан йиллийти-кх ас Эсиле хан. Вайшинне а лаамаш кхочушхилча дIаайлур бацара те хьан сингаттам? ХIинца хIун дича бакъахьа дара те?».

Берса шен ойланашца цхьа виса лууш санна цхьацца ког боккхуш юьртан юккъарчу урамах схьавогуш маьрклаж бода къовлабеллера.

– Ассалам Iалайкум, хьо ма гIийла хеталуш ву. ХIун ду цигахь? – аьлла сацийра хIара кхуьнан моголарерчу Расус.

– ВаIалайкум салам! Сингаттам болуш хIума дац? ХIун ду шуьгахь? Массо а хатта мел везарг могош вуй? Тимарсолта хIун деш ву?

– Дала дика кхобу, ца дечу гIуллакхе хьаьжча. Дада а могош ву, жаIуй болчу хIуттуш, дежийлашка бIаьрг тоха араваьлла ву, цхьана шина дийнахь цIахь хир ву. Аьстамаран йоIаца къамел динчул тIаьхьа саайделла хила везаш волу хьо, доркъана а воьжна ма вогу, барт ца хуьлу шуьшиннан? – дуьхе кхиа гIертара Расу. Дукха хан яра цо Берса тергалвен. Шен цхьана гIулкхана хьесап дина Iаш волчу цунна накъост оьшура, ткъа Берсел тешамениг карор ву ала хала дара. Цунна дара тховса а Расус и ларвар.

– Деллахь, Расу, барт хила а, дуьненан къамел дан а новкъарлонаш дукха ю-кх. Аьстамарца гергарло лелон ницкъ бац сан а, я со санначеран а.

– Дера и бакъ-м ду. Делахь а, лиьча далур доцуш, чекхдаккхалур доцуш хIума дац. Цу хьокъехь хьобга хьахон хIума а ду сан...

– ХIун ду те иза?

– Кхана сарахь соьца цхьана метте вола, дикка хIонс йожур йолу агIо карийна суна. Паккха таро хир ю хьан Аьстамаран Эсила хьовх, шовхалан Заза ялон а. Вуьшта, вайшимма лелориг цхьанна а садолчу дегIана хаа йиш йолуш дац хьуна, – ненаваша хилла хьийзара Расу.

– Суна-м ца хаьа хьобга хIун аьлча бакъахьа ду а. Вуно чIогIа ахча а ма оьшу суна, амма нехан кхардам а болуш, нехан неIалта кIел а воьдуш, да велхор волу даьхни кху вайн горгачу юьрта а ца тарлуш дукха хиларх хьашт ма дац суна.

– ДIавалахь, Берса, наха-м шайна луьург дийцахьара, кIезиг гIайгIа йора ас церан-м. Ас бохург де ахь, дохковер вац хьо. Хьан накъост хьаха вац цуьрриг а ледара, – Берсин белшах куьг а тухуш, ша-шех тоам хилла велавелира иза.

Берсас ца дийкъира цуьнца и белар, цо тоьхна куьг ца дезош лаамаза егийра белш. Амма дан хIума дацара. Кхин орца тIедан гуш меттиг яцара. Шен йохьана тIе ког а биллина тIетайра иза Расус бохучунна. Дехха кьийсинчул тIаьхьа кхаьршиннан барт хилира кхана делкъал тIаьхьа эвла йистехь вовшахкхета. Расун Iодика а йина готтачу урамехула хьалаволавелира Берса. Буйьса шен рагI эцна паччахьалла деш яра дуьненна. Екхначу стиглахь цхьамма комаьршачу куьйгаца дIасадаржийна жовхIарш санна лепара седарчий. Гена доцуш къаьстара лаьмнийн гIаларгаш. ГIийла къуьданаш сегара юьртахойн корашкахь, юрт хIинца а набарна товжаза яра. Берса шайн цIа кхаьчча йижза кхуьнга хьобжуш яра Кхокха.

– КIант, хьо ма хьевели, стенгахула лела хьо?

– Шовдан йистехь мехкаршка бIаьрг а тухуш, эвла юккъехула вола а луш араваьллера, нана. Ахь са хIунда ца долу?

– Со-м гIел ца еллера. Паккха, кIант, хIун боху мехкарша? Аьстамаран йоI айрий хьуна?

– Яйра, нана, хьобга маршалла а даййтира. Ша кеста схьа а еьна хьо дезарех паргIатйоккхур ю ала бохура, – Кхокха хьийзайора кIанта.

– Ахь баккъал бохий? Барт хилин шун? Маца?

– ХІаъ, хили. ПейогІучу оршот буса. Вуьшта, цхъанна а хаа йиш йолуш дац хан йиллар.

– Ахь ца аьлча ца хууш ю хьуна со! Вай, хьо хаза кхаъ! Бакъ дуй те хІара? Со паргІат Іачохъ ма дац тІаккха, кечам бан ма беза, – цхъана меттехъ ца сацалуш дІасахьийзара хазаетар кийра ца тарлун Кхокха. Ненан самукьадалар гуш ешира Берсин тІаьххъара шеконаш. Цо сацам бира кхана Расуца ваха.

2

Нохчийчоьнан дозана тІех а ваьлла, гуьржийн дазоне ши накъост кхочуш буьйса йоьллера. Ши некъахо паргІат вогІура, цаьршимма урх тесна йитина говраш а сих ца луш меллаша йогІура. Лохха къамелаш дора цушимма. Шимма аьлча а, дуткъа-лекхачу дегІахъ, шуьйра белш йолу говрах дІайича санна вогІавелла вогІург цхъа наггахъ шен некъахочун хаттарна жоп а луш тийна Іара. Цо ечу ойланийн уьйриг тем боцуш керчара. Хала дара цунна кхана ша докковер волу гІулч таса, амма хьо волуш ма лаца ден маж, лаьцча дІа ма хеца олу-кх, цунна а дайна, ша новкъаваьлла хилча юха ца воьрзуш вогІура.

– Вайшиъ схьакхечи. ХІоккхузахъ собар дийр ду вай, – цхъана агІор кІорга Іин а долуш, вукху агІор тІекхозабелла берд а болуш хьийзаш боьдучу некъо голатухучохъ сецира кхуьнан накъост. Говрашкара воьссина, уьш йистехьо а таййна, герз кийча дуй а хьаьжна кІелонна кечвелира Расуй, Берсий.

– Кху новкъа ца веъча кхин ваха меттиг бац цунна. Буьйсанан шозлагІчу декъехъ кхача дезаш ву иза йиллинчу метте, дукха хьежа дезар дац, – Берса докховаларна кхоьруш къамел дечуьра ца соцура Расу.

Расун дешнаш бакъдан санна дукха Іан ца дийзира кхеран. ПетгІагергакхочуш дара сиха йогІучу говран бергийн тата. Цуьнга ладоьгІначунна хуур дара бере цхъана мехалчу гІуллакхе сихвелла вогІий. Амма цунна некъахьовзам бан кІелхиьна шиъ а вацара забарна араваьлла. Цхъаъ – шен аьрхалла, кханенна дийца дош дита, шен ницкъ зен араваьлла, ткъа важа – къелло, гІорасизалло араваьккхина. Башх-башха яра церан Іалашонаш, амма юьхьарлаьцнарг цхъаъ дара – маьршачу некъахочун некъ бохор. Берса хуьлчун дика дуьхе а кхиале: – Саца, – аьлла дуьхьалваьллагчу Расус сацийра некъахо. Юьйлина топ а карахъ юххе хІоьттира Берса.

– Ассалам Іалайкум, дагахъ ца хилла хьеший! Шу лаа леларий? – цецвалар ца лачкъаделира кхара сацийнчу гуьржичуьнга.

– ВаІалайкум салам! Тхо лаа а, тара а лела. Хьан тхоеца дІаван дезар ду.

– ХІунда, стенга бохуш хеттар товш-м дацара, делахъ а сан сихалле хьаьжча аша гечдийр хир ду суна. Со ца веъча тарлуш делахъ со сайн новкъа дІагІур вар-кха.

– Хьо ца веъча тарлуш хилча-м буьйсанан бодашлахъ дуьхьал а ваьлла сецор а вацара хьо, – шек воцуш, ша Дала дуьненчу кхоьлличхъана и боцург кхин болх ца бича санна, шен къамел дІахьора Расус.

– Ткъа вай стенга доьлху хаа мегар дарий?

– Вай тхоеьга хьошалгІа доьлху. Хьан верасаша дешин ахчанца ткъа говран мах охьабиллахъ хьо могуш-маьрша цІа воьрзур ву, ца биллахъ – ахь тхуна бехк а ма билла-кх.

Ойлане велера гуьржи. ХІун дича бакъахъа дара те? ХІара тховса воьду меттиг чІогІа къайлах хила езаш ма яра, амма цхъаъ айкхваьлла, хІорш ларамза нисбелла бац. Бергахъ кхара дІа а вохуйтур вац, ткъа хІара варе хьуйсуш нах бу, кхунах дозуш ду церан хиндерг. Кхуо къонахчун дош делла церан гІуллакхе хьажа а, йиллинчу метте ван а. ХІинца и кІелдуьсуш лаьтга. Кхуо делларг-м къонахчун дош дай! Ткъа хІара эла ву, цундела моьларерчу стаганчул шозза эхъ ду кхунна шен дош ца лардича. Кхаьрца юкьара мотт карор бацара те?

– Делахъ, вай цхъа барт бича муха хир дара?

– ХІун барт?

– Аша со кхин хьовзам боцуш д'авахуьйту, т'к'а ас шуна к'онахчун, ламанхочун дош ло к'хана Гийча ХЮккху хенахь, ХЮккху меттехь аша доьху даьхни д'адала, – х'Илла доцуш декара цуьнан аз.

– Х'Инца ахь дуьйцучух а тешна х'о д'авахийтича, шайн гуьржин элий сак'ера вовшах мел кхетгачохь х'уна дийца дош-м дуьту оха. Х'Иан-х'Иа, ца левоитур охашимма т'х'аьшшиь, – ваша а ца вешира Расу. Т'к'а Берса вист ца хуьлуш цаьршинга а х'оьжуш Гара. Иза валлал дохковаьллера кху новк'а ша Х'Юттарна, амма х'Инца юхаволийла дацара. Ма-дарра х'Гара Г'уллакх хууш хиллехь, мел Ч'Юга ницк' шена хиларх воГ'ур вацара Берса кхуза.

– Ойн, ас дош делча ца теша х'о? – цецваьллера гуьржи.

– Расу, вайшимма кхунна бинарг нек'ахьовзам бу, д'авахийта веза х'Гара, – к'амела юк'вавуьйлира Берса.

– К'Иант, айх'а х'Иун дуьйцу мук'а а х'аьий х'уна? Д'Иа муха вохуьйту каравеана стаг, кхунах-м да ваххал даьхни лур дай!

– Х'Иетте а боху ас. Кхуо вайшинна делларг к'онахчун дош ду, иза кхочушдар кхуьнан шен кхиэলেখь дуьтур вайша. Т'к'а х'Инца х'Гара д'авахуьйту вай, – ша т'елаьцна топ ох'а а ерзийна, – нек' дика хуьлда х'ан, х'о маьрша ву, – элира кхуо гуьржичуьнга.

– Сан ваша, ас дицдийр дац ахь суо юьх'к'айчу Х'Юттор. Т'к'а ас йиллинчу меттехь со ларвелаш, – олуш, цецваьлла Расу вистхила кхиале, шен говр д'аэжкхийтира гуьржичо.

– Ахь динарг! Х'Инца леха х'айна! Х'Иаь, воГ'ур ву, дукха дуо-м бузур бац х'уна вайша, – яппарш йора Расус.

– Расу, – вистхилира Берса – цо вайшинна стеган ламанхочун дош ло ма элира ша. Х'о ца теша цунах?

Х'ерваьллачу стаге санна х'аьжира Расу шен нак'осте:

– Бакк'бал а тешаш дуьйцу ахь и я сан сатедан дуьйцу?

– Бакк'бал а тешаш дуьйцу-кх. Ахь кхочушдийр дацара х'айн дош?

– Сайна пайда болчохь дара, боцчохь-м дацара. Дош сан ду лаахь дала а, лаахь юхаэца а.

Шена хезачух ца тешара Берса, ца лаара теша. Муха мегар ду стагана оццул осал, стешха хила. Зудчул а оьшуш ма ву ишта стаг. Х'Иан-х'Иа, ишттачу стагаца дустар а дина зуда сийдоцчу якк'а а ца оьшу, якк'а ц'е ян а яц оцу тайпанчу нехан...

Вовшашка кхин вистхилар доцуш ц'ех'а нек' юьх'арлецира шина нак'оста, кхин вист ца хуьлуш д'аса а к'аьстира и шиь.

3

Юха а с'х'ах'Юьттира буьйса. Х'ялхалеррачу меттехь Гара ши нак'ост. Юха а башх-башха яра церан Галашонаш. Ц'х'аьннан – бак'волчу к'онахчо шен дош кхочушдеш теш хилар, т'к'а шолг'ачун – шен нак'остан тешам эрна хилар гар.

Х'Иун дох'у те ахь буьйса? Х'Иун к'айле тарйи ахь х'айна чу? Муьлха толор те ахь – стогалла я стешхалла?

Юха а геннахь хеза говран бергийн тата. Меллаша гергаГерта иза. Т'екхочу. Ши нак'ост гучу а ца волуш д'атийна. Беттасе серляьккхинчу меттехь лаьтта гуьржийн эла. Иза ша ц'х'аь ву. Я т'аьх'а доГ'уш хезаш орца а дац.

– Ассалам Галайкум, доттаГ! – бодашкара сех'аволу ц'к'а х'ялха Берса, цунна т'аьх'хье Расу а.

– ВаГалайкум салам! Диканна хуьлда вайн гар!

– ДоттаГ, баркалла х'уна х'айн дош кхочушдеш кхуза варна, сан нак'остан шеконаш яйарна. Дуьне мел лаьтта сий хуьлда к'онахийн, – б'аьрг буьзна вистхилира Берса.

– Шен ницкъ кхочур боцу хІума тІелаца а ца деза стага. Суо кхуза вогІур ца хилча ас эр а дацара. ХІара ду шуна ткъа говр эццал деши. Шуна кхунах беркат хуьлда, – олуш деши чохь долу тІоьрмиг дІакховдийра цо. – КхидІа вайн некъаш юха а жІарадовлу. Шу марша лелийла, – говр юха а хьовзийна букъ берзийра гуьржичо.

Цецваларца цхъаьна ша динчунна дохковалар, ша-шех чекхсагар ийначу Берсин ойланаш юкъахъехира Расус:

– Берса, кхузахъ цхъа тешнабехк бу, со ца теша иштта атта цо и ахча деьна аьлча, дІавахийта ца веза иза.

– Цхъа а тешнабехк бац, шен дош кхочушдина оцу стага, цкъа цуьнан некъ боьхкуш дуьхьалваьлла вайша, и ас гечдийр дац сайна цкъа а, кхин керла зулам дан ца оьшу, – сацам боллуш хадийра Берсас.

– ХІан-хІа, Берса, ахь хІуьу бахахъ а ас ца вохуьйту иза дІа, – говра велира Расу.

– Саца, ас Делах дуй буу хьобга, ма де вайн къомана эхь, – аз айдира Берсас, амма Расуна иза хезаш вацара, генаваьллачу гуьржичунна тІаьхъахийцира цо шен говр.

– Кхоьллинарг, гечделахъ айхъа кхоьллинчу адаман садаккхар, амма и эхь соьга ца дайтало, – олуш Берсас хъажийна топ пханарш а лоцуш кхийтира Расуна. И меллаша говран нуьйра тІе охвавахара. Топпан тата лаьмнашца кхалхадуйлуш даьржира. ГІеххъа генаваьлла гуьржи, герз долуш а хезна юхавирзира. Схъакхаьчча велла Іуьллуш Расу а, цунна тІехІоьттина лаьтташ Берса а гира цунна. Цо шегахъа тидира гІуллакх.

– Ма тамашийна адамаш ду шу! Соьгара-м кхечу къомах ву аьлла даьккхина эр дара и ахча, ткъа вовшийн хІунда дойу аша цу тІехула? Шу шинне тоьал ма дара ас делларг. Вовшийн цІий Іенош гулбинчу бахамах хІун беркат хир ду шуна? Цхъаь веллош, важа веллош ма ца лаьтта дуьне. Цхъаьннан бІаьрхиш тІехъ доьттинчу ирсо дагна хъаам ма ца бо. Маржа кІант яІ, цхъа нана елхор ю-кх хъан зуламо.

ХолчухІоьттина лаьтгара Берса. Ткъе кхоь шо дуьненахъ доккхуш тахана санна юьхъ яьгна яцара цуьнан. Гуьржичун бехкбоккху къамел кхидІа лан а ца делла хъалатаьІира иза.

Леррина, шен шеконна жоп лобхуш санна хьобжура гуьржин эла ткъе деалгІачу шаре вирзинчу, шен аматера къоналлин заза дожа кхиаза, амма дахаро ца хьестарна гІайгІанан лар хаалучу нохчочуьнга. Иза цхъана хІуманна тІехкиа гІертара. Кхуьнгахъа гІо даьккхинарг а, кхуо дош делча тешнарг а хІара ма вара, накъост а вийна шена пайда леххал ледара волчу стага дийр ма дацара иза. ХІан-хІа, цІе санна богучу нохчочун бІаьргаш чохь кхерстарг сутараллин суй бацара, холчухІоттар, дуьненал а боккха эхъан берд шена тІехаьрцича санна гІайгІа, амма ша динарг нийса хиларх цхъа а шеко йоцу сацам гуора царна чохь. Велла Іуьллучу Расун докъе а, ша юхавирзинчу новкъа а бІаьрг кхарстийра цо. ХІаь, кхин хуьлийла дац, кхунна тешнабехк ца байта вийна нохчочо шен накъост.

– КъинтІеравала суна, сихвелла хилла со хьесап дан. Со кхийти ахь динчух.

– КъинтІераваккха везарг хьо ву. Оха хъан некъ бохийна.

– Ма латта, сан доттагІ, хІара шен нахана тІевахъа веза, кхузахъ хилларг дІа а довзуьйтуш. ХІара гІуллакх сан карах хилла. Со ву куьгбехкениг, – гуьржичо аьлча, Берса цкъа ца кхеташ хъаьжира цуьнга, юха сихха метта а веьна:

– ХІан-хІа, хъайн боцу бехк тІе а лаьцна хІаллакхуьлуьйтур вац вай хьо. Тхо хьуна белхийлах даьхкина дацара. Хилларг сан карах хилла, кхунна герз ас тоьхна, жоп а ас айса лур ду. Хьо хІара хъайн ахча а эций цІа гІуо. Заманан йохалла хІара эхье гІуллакх дицдан хъайн ницкъ кхачахъ тхуна къинтІера а вала, хъайн даг чохь тхан къомаца мекха ца хилийта а хъажа. Цхъа наггахъ тхо санна долу харц адамаш довларх, нохчий берриг бац ишта. Уьш луларчу

къамнашца машаре а, тЕе-каре а, шайна тЕевоьссинчу хъешан гУуллакх дан шайн синош а дІалур долуш комаьрша а, гИллакхе а бу. Некъ дика хуьлда хъан, доттагІ, – аьлла ахча чохъ долу тІоьрмиг гуьржичуьнга дІакховдийра цо.

– Иза хъеха а ма де, ший а гІур ву вайша кхуьнан нахана тЕе, жоп а цхъабосса лур ду, – сацам боллуш дІахъедира гуьржичо. Дагахъ а доцучу кепара юхъхъа баьлла некъ Нохчийчу берзийра цаьршимма.

4

Сатоссуш кхечира гуьржий, Берсий Тимарсолтин кетІа. Юрт хІинца а набарха ялаза яра. Цхъаццаннан кертахъ наггахъ леташ хезаш жІаьла доцург кхин гІовгІа йоцуш тийна дара юьртахъ. КетІахъ мохъ тоьхна аракхайкхина Тимарсолта ца кхеташ лаьтгара буьйсанан хъешашка хьобжуш. Цуьнан хъажар ша-шаха шен кІентан докъа тЕехъ сецира.

– Хъан? Мичахъ? – шинне а тЕе бІаьргаш буьйгІира цо.

– Тимарсолта, собаре хилалахъ, массарна а тЕе ца хІоьттича ца долург ду тахана хьобга кхаьчнарг. Дала гечдойла кхунна. Хъуна Дала ийманца собар а лойла, – вистхилира Берса.

– Воккхастаг, ас дуьйцур ду хъуна тховса а, тховсачул хъалха а хилларг, хьо тидаме хилалахъ, – къамела юкъавуьйлира гуьржи а.

– Собаре а хир ву, сих а лур вац, хІоранна а тЕхІоттадезарг ду хІара. Со воьхна хеталахъ а гечде суна, хала ду къанвеллачу Іуьйранна цхъа волу цхъа кІант лаьтте а кховдийна, кошан борзе хъежа, делахъ а ла ца даллал хала дац сан къобжа корта нахана хъалха охъатеІон меттиг ца буьгуш хІара веллехъ. Вай кетІахъ хІумма а дуьйцур дац. Дуьло керта, – шуьйра ков доьллуш хъалхавелира Тимарсолта. Цунна тІаьххъе Расун дакъа а эцна керта воьдучу шина стеган дог Іаьвжира и дешнаш хезча. Дависа, хъан дог кхоон хьобга хилларг ма-дарра ца дийца, аьлла хийтира Берсина, амма ца дийцича ца долу-кх.

– Со хІинца ладугІуш ву-кх, – ша ладогІа кийча хилар хаййтира Тимарсолтас.

Вовшашка хъаьжира Берсий, гуьржий. Дан хІума дацара, шаьшшимма лелийнарг ма-дарра дІадийцира Берсас. Инзарвуьйлуш ладоьгІура Тимарсолтас, Берсин дийцар чекхдолуш хаьал хъаьрчина, хебна жимвелира иза. Ницкъ бацара юхъІаьржо лан, иза кхийринарг хиллера, къанвеллачуу Іуьйранна эхъ деьнера кхуьнан къобжачу коьртана Расус.

– ЭхІ, хьо дуьне, темаш ца бо-кх ахъ. Ма шера а, аьхна а ца хуьлу-кх аганара воьссичхъана упхи тЕе беш болу некъ, амма цуьнан чаккхенехъ бердах вахар ма хала ду-кх лан, – делира цуьнан кийрара. Вехха лаьттира Тимарсолта лаьттан бІаьра а хьобжуш, можак а хьобкхуш декъазчу ойланийн йийсарехъ. ТІаккха цхъана ирчачу набарх вьлча санна дІаса а хъаьжна Берсига вистхилира иза.

– Хъада, кІант, гІой тхан цІийнан хъалхара нах а, верасаш а схъакхайкха, юьртан моллига а хайита.

Кхайкхина схъабалийнчу гергарчу наха дІалецира Тимарсолтин керг. Массо а вара хилларг ма-дарра хаа лууш.

– КІант, хІинца юа дийцал ахъ соьга дийцинарг, – омре дара Тимарсолтин аз.

Берсас юа а дийцира хилларг. Йоккхачу уьйтІа гулделла адам садеІар а лахдина лаьтгара. Массо а Тимарсолтин бІаьра хъаьбжинчохъ вара. Гона юкъавелира Тимарсолта.

– Берса, хьо суна хъалха кхиьна ву, хъан да Ахьма а суна дика вевзара. Цкъа а шегара ледарло ялийтина вацара иза. Дикачу ден хила хъакъ ма-хиллара яхъ йолуш, къинхетаге, оьзда кхиьна хьо а, со теша хьох, делахъ а, иштта гУуллакх юкъадегъча тІаьхъенна дегабаам ца хилийта дуй бууш Іедал ду. Ас дуй боьху хьобгара. Айхъа дийцинарг цхъа хъаьрк харц дацара алий дуй баа, тІаккха маьрша ву хьо.

Моллас схьадеъна охьадиллира Къуръан. Берсас дуйнаца чIагIдира ша дийцинарг.

Катоъхна топ схьа а эчна, чохь патарма буй хьабжна юьйлира Тимарсолтас.

– Зуда, схьайоьл хIоккхуза.

Еана схьахIоьттира йоккхастаг. Хьабжа юккье нисъеш топ тIе а лаьцна:

– Зуда, и кIант хьанна вина ву ахь? – хаьттира Тимарсолтас.

Кхераелла, гIа санна эгайора йоккхастаг, ши бIаьрг къаьрзинера, цхьаь ала гIерташ санна вовшахьеттара бага.

– Яла дийций, хьанна вина ву ахь и кIант, ас Делаца чIагIо йо хьуна хьо йист ца хилахь и хьан са парт-аьлла схьаэца.

Тап-аьлла ладоьгIура гулбеллачара. Царна дуьххьара гуш дара хIокху тайпана сурт. Я церан дайшна гина хир ду ала а ца хаьа. Гора юьйжира йоккхастаг.

– Гечдехьа суна, гальяьлла хилла-кх со, гечдехьа суна, – бохуш йоьлхура иза.

– Хьанна вина схьадийца, – эгIийча санна тIечехара Тимарсолта.

– Вайна йолах жа дажон баьхкинчу жаIуйх цхьаьнца уьйр еанера сан, цуьнан ву и кIант, – аьлла ша йолчохь дIакерчира самалделла йоккхастаг. Карара топ охьа а кхоьссина:

– Цхьанхьа лаьтгах таIаде и жIаьла, сан керта тезет а ма хIоттаде, кадамаш бан нах а ма хIиттийта, сан кIант хила а ца хилла, – аьлла бешахь къайлавелира Тимарсолта.

– Дика ладогIалахь, хIай гуьржин эла, – гонна юкьавелира ТимарсолтагIеран цIийнан хьалхара стаг. – Оха дукха зен хуьлуьйтур дара тхайна, хьо тховса хIара бохам Iоттабелла а доцуш, цхьана дикчу балхана веана, веза хьаша вина тIеьцуш хилийта. Амма хилла-кх хIара. Тхо чIогIа юьхьIаьржа ду хьуна хьалха. Дин цхьаь цахиларх, цхьана ломаьх кхиъна, лулахь дехаш, цхьатера гIиллакхаш долуш ду вай. Тхан къоман эхь ду тешнабехк, ямартло яр, ишшта эхь ду и шун а. ЦIена цIий а, бийца дай а болчо иштта хIума дан йиш яц. И иштта хилар вайна гучу а дели. Дала гечдойла кхунна. Дала собар кхуьнан дена а лойла. Хала ду валарчу вирзинчу хенахь сий дайна хан такха. Делахь а, вай адамаш ду. Ваьшка эцалучу кепара Тимарсолтин дог оьцуш бала байбан хьовсур ду вай. Ткъа хIинца ма Iе, велларг дIаволла гIайгIа бан беза.

Меллаша, цхьацца-шишша бовлуш дIасабевлира баккхий нах, цкъа хIинца уьш севцча а Тимарсолтина хила гIоли яцара, хено бен ерзор яцара цунна хилла чов. Ткъа кегийрхой велларг дIаволла кечам беш дIасахьаьвзира.

ХIокху дийцар тIехь хилла гIуллакх цкъа мацах вайн лаьмнашкахь хилла ду. Халахеташ делахь а, нислуш хилла-кх вайна юкьахь и тайпа кхачамбацарш.

Амма кху дийцаро жоп ло бийца дай а болуш, бакьволчу ламанхочо дийр дац эхьениг бохучунна. Шина адаме болчу безамо – шен неней, шайн къоначу юьртахочуьнгий – царна хазаетар дан лааро воккху вайн дийцаран турпалхо харцновкъа вьодучу Расуна юххе. ТейогIучу ханна а масал хуьлу цунна и гIуллакх. Цунна олуш ду: «Хьалха хьажий бен ког ма баккха, тIаьхьа хьажий бен дош а ма ала». Пайда бац даьхни мел дукхарх, нахана хьалха корта охьатеIо дезаш хилча, хьарамчу бахамал, хьанал къоьлла тоьла, – аьлла дерзийра Дадас шен хабар. Цхьана ханна тийналла хIоьттира чохь. Дада шен къамел ас тIе муха лаьцна хьобжуш дIатийра, ткъа со ойланца хIинца генна дIаяханчу заманчохь яра, со цигахь хиллачун теш хилча санна хетара...

Мусаев Сулиман

Автобус т1ехь

Некъахочун тидамаш

Аькхе. Август беттан тов. Г1алара автостанцехь лаьтгаш юьрта йьоду автобус ю. Иза д1аяха х1инца а хьалхе ду. Юьзна ю автобус. Цьхьацца кехаташ хьаладаьхна, шайна мох бетгаш я юьхь т1е йовлакхаш хьобкхуш 1а чохьберш. Массо кор а диллина ду, х1етте а мох хаалуш бац. Наггахь цьхьацца мерза х1уманаш юькху зударий бовлу автобус т1е:

– Же, дукхадахарш, шоколадан экъанаш, «Сникерсаш», сег1азаш ду бабигахь, д1аэцал, – олуш.

– «Шовда» дац хьобгахь?

– Дац, аса х1инца доуьйту шуна.

Т1ехьа г1ента т1ехь 1ашволчу Мурада, сих-сиха шен коьртара шляпа а йоккхий, к1унзална а, вортана а т1е йовлакх хьокху. Хьехархо ву иза, юьртара ишколехь нохчийн мотт хьобхуш. Тахана дешаран министерстве веана вара, белхан г1уллакхана. Цигахь дийна де а дайъина, ша автобус т1е кхеарх вокхавеш 1а иза. Кху т1ера охьавоьссинехь х1ун дара-те, олий дагадог1у цунна цкъа, цьхьажимма махе вала, юах шен меттиг цьхамма д1алацахь а олий, сацало, ч1ог1а г1елвелла хиларна. Дехьо хиъна 1аш цьха було дег1ехь, ткъе пхий-ткъе ворх1 шо хир долуш жимстаг ву, баьшначу коьрта тиллина пес а йолуш. Ши б1аьрг хаббина 1ачу цуьнан балдаш наггахь велакъажарца д1асадоблху. Цуьнан тидам хилла Хьава – шовзткъе итт шо хир долуш, доккха мокха йовлакх тиллина зуда ю иза – елало, шен лулахочух кхеташ: ши к1ира а дац Аслан, керла нускал а далийна, боваьлла.

– Самарт! Пираьшк юий ахь? – мохь хьокху хьалхахь 1аш йолчу цьхана стоммачу зудчо.

– Г1оза юийла, ца еза суна, – дуткъачу озо жоп ло т1ехьара.

– Яахь, дика ю хьуна.

– Х1ан-х1а, булачк йиъна аса.

Кегийрхой тилпош чохь бохкуш бу, кхин гуш а, хезаш а х1ума доцуш. Цьхьа жима ши к1ант ч1ог1а самукъадаьлла 1а, роликашка хьобжуш.

– Вагцпапачухула схьаийтахьа, – хеза наггахь.

Даккхий куьзганаш дехкина, лергахь йобькина ладуг1ургаш йолуш, йо1 ю кора хьалхахь. Кара биллинчу т1оьрмиг т1е тилпочуьра мукъаман эшшарехь вота а ю п1елгашца етташ. Мочхал чурадаккха санна, 1уьйшуш сег1аз а. Коьртара баьццара йовлакх белшаш т1е охьадахна.

Саг1адобьху зуда йолу хьала, буйнахь кехатан г1утах а долуш:

– Делан дуьхьа, саг1ийна...

Цьхьаболчара кегий ахча тоссу цу чу.

– К1ордийна-кх х1орш а!

– Нохчийн мотт а 1амийна!

– Х1инца цьха к1ант вахийтина-кх, ахча делла...

– Шина т1амах а девлла 1аш долчу вайна дара-кх саг1а дала дезаш... – аьзнаш а хеза юкъ-юкъара.

Саг1адобьхург д1айобьду. Нах жим-жима кхин а т1еобьхуш бу. Х1инца меттиг йоцуш, лаьтгаш а пхийттех стаг ву. Цьхьаболу кегийрхой, воккхаверг т1еваьлча, хьалаг1овту. Вуьйш т1аккха а шайн тилпош чохь бохку, гуш х1умма а доцуш.

– Ванах, вайн д1адоблху хан т1е а ма кхаьчнера. Х1унда лаьтта-те вай? – меттаха йолу цьха зуда.

– Валлах1и, и шопар цкъа а шен хеннахь схьа-м ца вог1у!

– Латта мел лаьтти а нах дукхаха хир бу, т1аккха сом а алсама хир ду...

– Доккха х1ума ду-кх х1ара...

– Вайн юьртахь бен бан-м бац хьуна иштта г1урт! Шайна дагадеьча рейсе ара а ца бовлу, бевлча а цкъа а шайн хенахь д1а а ца боьлху... – г1овг1анаш йовлу.

Т1аьххье а схьавог1у шопар а. Масех минот яьлча автостанци т1ехьа а юьтий, г1алара араболучу новкъа йолу автобус.

25 апрель – Нохчийн меттан де**Бугаев Ваха****Баьллаш**

Хъажахь, баьллаш хилла,
Дуьххъара хьо воцуш.
Маржа я1, хьо х1илла,
Къиза ду-кх зил боцуш!

Туйтеш санна горга,
Ал-з1ен хеташ, 1аьржа.
Мерза йоцуш аьрга,
1аьвшича мутт даьржа.

Иштта туйркаш можа,
Маьлхан з1аьнарх юьзна,
Кийчча охъайожа,
Генаш охъаьозна.

Арахь аьхкенам тов,
Къегина малх кхетта.
Дитта т1ехь хьозийн дов
Даьлла, вовшах летта.

Хьуна езна баьллаш,
Ахь доггаха йиьна,
Хилла, шортта кхиьна.
Дуьзна диттан гаьннаш.

Гуьйре

Цкъа «т1ох» деш б1ар дужу,
Т1аккха: «ц1ак» – г1а дужу.
Можа кераюккъал,
Бертал кхеташ баккъал.

«Къа-къ» деш къийго йог1ий,
Б1ар хьо, т1ома йолий.
З1акар юккъе лоций,
Пхьор дан дагалоций.

Ткъа акаци сийна,
Лаьтта х1инца тийна.
Ца хуьйцуш шен духар,
Кхийдаш стигла буьхьар.

Г1аш оьгу

Б1ар т1ера г1аш оьгу,
Т1унделла, маьделла.
Арахь мох ца хьобкху.
Стиглахь екхаелла.

Оьгу хаддаза г1аш,
Даккхий кераюккъал.

Ледош санна б1аьрхиш,
Тарлуш адмах баккъал.

Лаьтта дуьйшуш кузах,
Диттан к1ело хазьеш.
Орам ларбан шелах,
Г1уорабарх и ларбеш.

Шайн генех д1ахедаш г1аш,
Х1аваэхь пелдуьйлуш.
Шайн генаш т1ехь ца 1аш,
Оьгу яхье дуьйлуш.

Дерриг ч1анадаьлла,
Т1аьххъара г1а дожжалц.
Г1аларт ду-кха аьлла,
Диттан сурт д1ах1отталц.

Т1аккха махо лобкхуш,
Стигла хьобжуш лаьтта.
Генаш вовшах хьобкхуш,
Долчух шайн цхъаь хатта.

Гуш цхъа мерза г1енаш,
Хаза б1аьсте яьлла.
Маьлхан з1аьнарш 1енаш,
Генаш т1ехь г1а даьлла.

Лакхе

Хьо ма лакхаваьлла,
Малх ма къевзина бу.
Хье кхехкочу баьлла,
Лакхахь мехаш а ду.

Сахьт дац охъакхета,
Лакхе кхераме ю –
Ч1ог1а аьрха хета,
Тешам боцуш и ю.

Дала 1алашвойла,
Суна-м вац хьо вевзаш.
Кхид1а аьтто бойла,
Цхъа бохам ца бевзаш.

Стиглан лакхахула,
Цхъа майранаш лела...

Полла

Амма полла... полла боьжна!
Сила дуьне т1едоьжна.

Тлемаш–кузаш дладаржийна,
Полла луйллу баържина

Бай тлехула хьодур бац кхин,
Водур вац со лаца и.

Можа полла... можа благор,
Эх1, сан коърте хьаьдда дагар!

Некьайистехь полла луйллу,
Сеначу бай тлехь, хьуйлла.

Х1етахь санна зевне

Х1етахь санна зевне б1аьсте ю-кх,
Басарех, эшарех юьзна.
Х1етахь санна, аьрха бераш ду-кх,
Ловзуш, урамаш а дуьзна.

Сан дог хуьлу, шераш а дицлой,
Мацах санна берех ловза.
Тлаккха лаьтта со хьобжуш, вицлой,
Сайх тераниг лаьий вовза.

Кьаьрззина хьетлабаьлла малх бу,
Йовхо, серло лаьтта ленош.
Гуттар санна дуьне товш ду,
Чкьургах керчаш, уьдуш денош.

Туьркаш

Туьркан дитта т1ера лаьтта,
Маьлхан овголш оьгу.
«Т1ох» деш лелха уьш цхьа атта,
Лаьттахь х1утту можа оьла.

Можа туьркаш оьгу лаьтта,
Малх а биьна, малхах юьзна.
К1ело яьккхина лаьтта,
Бераш а, уьш йиьна, дуьзна.

«Эх1, хьо беркат я1!» – цкьа олий,
Нана юха чуйоьду.
Боги чохь уьш гульян йолий,
Царех аьхкаш ян ца йоьду.

Нигат

Кьа-бала ловчу кьанойн,
Цкьа дегнаш хьаста лиьна.
Пусарза луьрчу денойн,
Хан яьккха охьахиьна.

Эшаре ладоьг1на лаш,
Цхьамма хьо хьевелча.
Талор дина, ца лобаш.
Тешшийтина мостаг1чо.

Вай вовшех кьастийра,
Баккьал холчу х1иттош.
Хийла дегнаш делхийра,
Кийрахь оьг1азло г1иттош.

Х1етте мостаг1 эшийра,
Майралла, яхь д1а цалуш.
Ахьмадах халкь тийшира,
Цуо хьехна некь нийса гуш.

Шен дена муьт1ахь хилла,
К1анта д1абаьхьи ден некь.
Ден нигат пачхьалкх йилла,
Хьаьрк ца эшош, даьккхи чекх.

Лам тлехь ло диллина,
Хитлехь ша ма бина,
Байтлехь йис йиллина,
Хено со кьезвина.

Де, цхьа доца дацлой,
Хийла дуьсу, вицлой,
Буйса еха яхлой,
Г1енах вулу дицлой.

Генна вухавоьдий,
Со-ма ла лехалой.
Дег1ан са д1адоьдий,
Бакь долчух векхалой.

Сайн аьхкене кхочий,
Комарш юуш лела.
Бералло куьг лоций,
Сан-м догдог1у вела.

Арахь малх схьакхетий,
Лаьмнаш тлехь шаш кьизга.
Юьхь т1е з1аьнарш кхетий,
Сан г1ан д1адов, хьизга.

Дмитрий Арютонов

Родился в 1952 году в г. Георгиевске Ставропольского края. В 1975 году окончил Пятигорский госпединститут иностранных языков, работал учителем в ауле Эльбурган Хабезского района КЧР. Археолог-любитель, имеет ряд публикаций по этой теме. Член Союза художников РФ, с 1988 г. член Географического общества СССР. Еще в школе пробовал свои силы в литературе, публиковался в газете «Кавказская здравница» и в «Ставропольском альманахе», состоял в литобъединении этой газеты, с 1969 по 1970 год был его секретарем. В 2013 году опубликовал сборник своих рассказов о встречах с простыми людьми Кавказа во время своих поездок.

Рассказы**Старый Умар**

В этом ауле я не был года два. Приехал в этот раз на автобусе. Три часа подъема на стареньком ПАЗике по условной дороге – и вот они, горы.

Первым делом зашел в единственный магазин на автостанции. Все новости там. Время обеденное, трактористы съезжают кто за хлебом, кто за водкой.

«О-о, здоров, здоров! Ты как? А ты как? Родители здоровы? Слава Аллаху, спасибо... Опять ковыряться будешь? Давай подвезу до кошары. Спасибо, Хасан... Ты смотри, не забудь... Дима, салам! Здорово, Рамазан, как нога? Какая нога? Правая... А-а, давно ты не был, забыл я уже... Подвезу? Спасибо, я с Хасаном...»

По дороге – все аульские новости. Кто женился, кто родился, клуб сгорел, гипсоблочный заводик открыли.

- Старого Умара помнишь?
- А как же!
- Умер.
- Оба-на...
- Когда?
- Зимой еще.

Накатило...

Со старым Умаром я познакомился еще в первый мой приезд сюда, лет десять назад.

Уже тогда его так и звали – Старый Умар, хотя было ему тогда всего лет 75, что по местному означало только достижение зрелого возраста.

Старший егерь лесничества, бывший полковой разведчик, он прославился жуткой принципиальностью и активностью в деле защиты вверенных ему туров. После того, как он расколотил об камень ружье своего же внучатого племянника (наиближайшего, по местному, родственника) и от души навалял ему по-родственному, все браконьеры округи быстренько перебрались в соседние ущелья.

Настоящую славу республиканского масштаба он приобрел в 2004 году.

В одно прекрасное утро подъехали к нему на нескольких джипах милицейско-прокурорские чины, небрежно распаковали футляры со штучными изделиями тульских и ижевских мастеров и, посверкивая недешевой оптикой, попросили провести их в Турье ущелье.

В ответ они ушлышали небольшую назидательную лекцию о вреде браконьерства для национального достояния республики. Снисходительно

выслушав, самый главный чин развернул перед ним ближайшую перспективу в виде прокурорской проверки его деятельности и всех его родственников, со всеми вытекающими из этого последствиями. После чего повторил свою просьбу.

Умар, смиренно вздохнув, отрядил своего внука провожатым. И пока тот вел охотников в диаметрально-противоположном направлении, смахнул пыль с радиостанции, затем под стволом карабина провел и запер водителей начальников в крепеньком сарайчике и выпустил все атмосферы из джиповых колес.

Когда часа через четыре озверелые и пышущие мстостью майоро-подполковники вернулись, их ожидали два БМП с пограничниками, весь набор физкультурных упражнений, вроде руки-на-капот и ноги-шире-плеч, сбором красивых удостоверений в одну стопку и пр. А еще через полчаса подлетели в одном вертолете замминистра МВД и зампрокурора республики с микродесантом журналистов местных газет и телевидения. В результате показательного производственного совещания присутствующих тут же стали знакомить с некоторыми кадровыми перестановками в МВД и прокуратуре. Причем в таких выражениях, что приседали выдавшие виды журналисты.

Когда один из будущих пострадавших, еще не бывший районный начальник, сквозь зубы пообещал Умару все кары земные и небесные, тот спокойно достал бумагу, подписанную лично президентом республики. Текст был похож на то письмо, которое кардинал Ришелье выдал миледи Винтер, что-то вроде: «Предъявитель сего действовал по моему приказу и для блага государства». Правда, подпись и дата были другими...

Итак, о нашем с ним знакомстве.

Я, стоя на коленях, выковыривал из земли здоровенный булыжник, лежавший между мной и мощным цветным сигналом металлоискателя, когда подъехал открытый УАЗ и водитель, он же по совместительству Старый Умар, довольно ласково предложил мне проехать в лесничество, попить чаю и познакомиться. Я уже слышал о нем разные страсти от его земляков, потому сопротивляться не стал, собрал орудия «преступления» и сел в машину.

В лесничестве, пока он знакомился с моими документами, два его внука действительно быстренько организовали чай.

Быстро и небрежно пролистав паспорт, Умар довольно уважительно открыл синюю корочку Географического общества, правда еще СССР.

– Ученый?

– Да нет, скорее, любитель... Хотя пару статей написал...

– Знаю. Это же ты учителем в ауле N работал давно, так? Видишь, все знаю...

Хвалили, брат хвалили...

– А кто у нас брат?

– Завучем там работал.

– Султан Исмаилович?

– Помнишь, ты смотри... Умер недавно. Помянем по обычаю?

– Конечно. Хороший был человек, жалко...

Помянули два раза по пятьдесят граммов. И правда, отличный был мужик Султан.

– А что ты у нас ищешь?

Попытался что-то вякнуть про артефакты Кавказской войны и алано-кобанскую бронзу, успешно догнивающую в земле, и в ответ неожиданно получил пространную лекцию об аланах на Кавказе, в России, Европе и мире. Все, что можно было почерпнуть из популярной местной литературы, аккуратно хранилось в его памяти.

Я все понял. Передо мной сидел национал-патриот наивысшей пробы, из тех, кто никогда не будет с пеной у рта доказывать превосходство своего или неполноценность другого народа. Он будет только мудро и снисходительно улыбаться, просто зная, что его народ произошел от аланов, а весь остальной мир – от его народа. Ну, может быть, кроме инков и майя. Хотя, кто их знает...

Дойдя до этимологии «чисто аланских» топонимов Карпаты, Альпы и Люксембург, Умар спохватился и вспомнил, что он все-таки Старый Умар.

– А разрешение у тебя есть?

Порывшись в сумке, достаю папку с ксерокопиями указов, законов, постановлений.

Надев очки, он внимательно читает.

– Тут написано «заповедников»...

– Но не написано «охотничьих»...

– Не написано... – вздыхает Умар. – А это? – кивает он на металлоискатель.

Привычно достаю из папки ксерокопию схемы из болгарского журнала.

– Вот, сделал сам, совершенно законно опубликовано, журнал у нас продается во всех киосках.

– Понятно, – говорит он и, продолжая читать, развивает свою мысль о том, что Крым, вообще-то, это не Россия, не тем более Украина, так как аланы еще в каком-то веке до нашей эры...

– А вот тут написано «археологических раскопок»...

– А у меня не раскопки, а разведка...

– Но ведь «археологическая»?

– Чернокопательская, блин.

– А это что такое?

– Черную работу делаю. Как найду что-то интересное, позову археологов. Белых.

– Понятно. Мы тоже здесь всю черную работу сами делаем, понимаю...

Он продолжает изучать ксерокопии с вездливостью юриста Сбербанка. Я такого не ожидал. Понимаю, что он обязательно до чего-нибудь докопается и мои козыри будут биты. Пора вытягивать джокера из рукава.

Откинувшись на стуле, нахально заявляю:

– То, о чем вы говорили, уважаемый Умар, в принципе давно известно. Имею в виду связи алан с Боспорским царством и через него с Европой. Но это же только связи... Тут недавно возникло вот какое дело...

Наклоняюсь к нему поближе, вполголоса:

– Есть подозрение (он настораживается), пока не очень подтвержденное... (придвигается ближе) о связях искусства алан... с крито-микенской культурой! (победно откидываюсь на стуле).

Умар пытается переварить информацию.

– И что? Не совсем понял... – хотя видно, что мысль о происхождении еще кого-то от алан ему уже нравится.

Пришлось невежливо выпучить глаза.

– Как?! Греческая цивилизация вышла из крито-микенской, так? А греческая цивилизация – прародительница всей европейской цивилизации, так? Значит, получается что? Вся современная европейская цивилизация, получается, выходит из...

– Аланской!

– Совершенно верно. Правда, это еще надо окончательно доказывать. Не хватает кое-каких артефактов с элементами орнаментов, характерных для крито-микен... Вот и хожу, ищу... Если найдем – подключатся ученые, все докажут.

– Каких орнаментов?

Вынимаю из папки два первых попавшихся листа с ксерокопиями фотографий наиболее типичных налобных украшений.

– Птичку видите? Крестик видите?

– Это птичка? Вижу.

– А здесь?

– Здесь не вижу.

– Так вот, если я найду какую-нибудь похожую штуку с птичкой или крестиком – можно вызывать ученых...

Я заранее извиняюсь перед всеми знатоками за эту пургу, но разве не так поступают и уважаемые профессиональные археологи, пытаясь выбить финансирование для будущей экспедиции?

Умар задумчиво складывает мои бумажки обратно в папку, разливает оставшуюся водку в стаканы.

– Да, сложная у вас работа... Помощь нужна? Возьми внука, копать будет...

– Не надо, спасибо. Милиционеру только вашему скажите, что я не клады ищу, а то достал уже...

– Скажу, послушает... Племянник. Ты, это... в курсе держи, если что. Как, говоришь, этих людей звали?

– Крито-микенцы.

– Дай запишу, память уже не та, понимаешь...

Вернувшись в это же место через год, я узнал, что Умар в больнице. Его внуки встретили меня, как родного. Сообщили, что дед нашел какое-то интересное место, поручил передать Дмитрию, то бишь мне, чтобы я там обязательно поискал орнаменты, когда приеду.

Место оказалось не просто интересным, а супербомбой, но совсем не по зубам моей болгарской самоделке, да и мне тоже. В наушниках стояло такое, будто я копал на Курской магнитной аномалии. Это была примитивная литейная печь, как потом оказалось IX–X в. до н.э. На глубине примерно с полметра попадались куски обгорелой глины и глиняных форм, два миллиона бронзовых капель, окисленных до голубого пуха, куски, кусочки и кусищи меди и бронзы, несколько непролитых фигурок.

Возможно, некоторые «коллеги» меня не простят, но я взял лишь несколько более или менее приличных бронзяшек и ровно через неделю, спустившись с гор, сдал это место Сапару, археологу-фанатику республиканского масштаба. Старого Умара я представил, как первопроходца, грудью закрывшего это место от черных копателей вроде меня.

Через месяц Сапар налетел на аул с бандой гончих археологов, своих студентов, поставил на уши все районное начальство, обласкал Умара Почетной грамотой республиканского университета и позже тиснул два толковых реферата в журнале Академии наук.

Умара он попросил отстреливать в ущелье всех, кто станет между ним и бронзой (кроме меня, разумеется), за бутылкой водки напел мне заочно кучу дифирамбов и, счастливый, отъехал в город, погромыхивая глиняными черепками. Правда, внуки Старого Умара долго поминали его «добрым» словом, три дня засыпая за ними котлован лопатами.

Умар повесил Почетную грамоту под стекло, гордый своим вкладом в историческую науку, в нашу следующую встречу даже предложил поохотиться на тура, если есть желание. К счастью, я не охотник, так что на одного тура на земле осталось больше.

Правда, чуть позже мне позвонил Сапар и осторожно спросил, не я ли заморочил деду голову микенцами? Пришлось признаваться.

– Так ты хоть предупреждай!!! – заорал в трубку фанат археологии. – Он меня

чуть с ума не свел! Слава Аллаху, я сам догадался, что это твоя работа. Из-за тебя пришлось такого там наплести, что до сих пор стыдно. Короче, ресторан «Эльбрус», воскресенье, два часа дня, приезжай, кафедра магарыч тебе ставит.

– За микенцев?!

– Дима, ты меня знаешь, больше так не шути... За литейку! Кстати, ты под аулом NN давно не был?

– И не слышал о таком.

– Поковыряйся там, на пригорке за мостом... Может, микенцев и найдешь... (такой вот черно-белый бартер)...

И вот я, вновь сюда приехав, узнаю, что Старый Умар умер.

Не скажу, чтобы мы с ним были очень близко дружны все это время, но что-то в груди защемило. А когда день спустя меня нашел его внук и вручил завернутые в брезент шикарные туры рога со словами: «Тебе Умар просил передать», в носу что-то защипало и... в общем, что-то в глаз попало...

Юнус из Элькумыша

Начало девяностых, точно не помню, кажется это был май 1992 года.

У дороги – большое поле, которое не пахалось уже лет пять, но растительности практически нет, барашки подбрили начисто. Копать легко, катушка за бурьян не цепляется, в прошлый раз здесь поднял листик и какую-то привеску с колечком, с картечину размером. Но незаметно подкрался дождь, и пришлось быстренько сматываться.

Сегодня погода замечательная, уже есть две изъеденных монеты, дверной крючок от «Москвича» и обломок керосиновой лампы, короче, приехал не зря...

По дороге пылит черный «Мерседес», возрастом примерно с меня, но в то время здесь это было... ну очень круто. Естественно, останавливается, оттуда выходят трое и, прислонившись к пыльной машине, молча наблюдают, как я вынимаю из земли какую-то очередную ерунду. Водитель из кабины тоже с любопытством смотрит в мою сторону.

Между нами – метров сто, и мне все это дело совсем не нравится...

Наконец один из них быстрым шагом направляется в мою сторону.

– Пойдем, хозяин зовет...

– У меня хозяев нет.

– Пойдем, зовет, да?

Не люблю я в себе это, но ничего поделать не могу. Редко, но бывает – шлея под хвост, и башка отключается напрочь. Что меня в этот раз зацепило – убейте, не знаю...

– Не мешай работать. Надо – пусть сам идет.

– Ты что, больной?

– Больной!

– Ну, смотри...

Возвращается обратно и минут пять, живописно размахивая руками, передает наш десятисекундный разговор.

От группы отделяется «хозяин» и, не торопясь, идет в мою сторону.

– Аллах, как говорится, в помощь!

– Здравствуйте.

– Говорят, гордость – большой грех. Но я так не считаю. О, миноискатель...

Серьезно... Работаем?

– Развлекаемся.

– Понятно. А что ищем?

Привычно демонстрирую горсть всякой жбони из кармана. Внимательно рассматривает, берет монетку, оттирает пальцем.

– Серебро? Хотя зеленая какая-то.

– 10 копеек, царские.

– И золото бывает?

– Пока не было.

– Но бывает?

– Где-то же лежит...

Протягивает мне пачку «Кэмела» (92 год, ну очень круто), я ответно чиркаю зажигалкой. Курим...

Нукеры, увидев такое дело, медленно подтягиваются к нам.

– Меня Юнус зовут.

– Дима.

– Я тебя не первый раз тут вижу. Короче, помощь нужна.

– ???

– Двор посмотреть надо. Говорят, кто-то что-то где-то зарыл. Ты как?

– Можно, конечно... Хотя таких сказок в каждом дворе...

– Найдешь-не найдешь – я заплачу.

– Да ладно. Далеко?

– Тут рядом. Поехали?

По дороге он оборачивается ко мне, зажатому сзади между двумя джигитами.

– Вот сразу видно, человек городской... И простых вещей не понимаешь.

– Чего же?

– В селе знаешь как? Тут же сразу знают – кто ходил, с чем ходил, когда ходил.

– И что? Не ворую, никого не трогаю, не мешаю, хожу по ничьей земле.

– Ты знаешь... Можешь и воровать, и трогать, и что хочешь делать – но...

– И что?

– Главное – чтобы ты был по-нят-ным.

– Понятным?

– Вот именно! Сельский человек – он простой человек. Он не любит того, чего не понимает. Ходишь – ходи, ищешь – ищи, только все должны знать – вот этот человек ходит вот с этой палкой и ищет золото. И все! Нормальный-ненормальный – это уже другой вопрос. Но ты будешь понятный, и никто тебя не тронет и ненужных вопросов не зададут...

– Мне что, плакат с собой носить?

– Зачем плакат? Подойди к людям, к одним, к другим... Туда-сюда, так, мол, и так, кто старые деньги находил, может, кто золото-серебро видел, подскажите, мол, найду – поделюсь... Сами и расскажут, сами и подскажут, если так.

– Да золото в земле найти нереально...

– Согласен. Но ты говори – золото.

– Зачем???

– А потому, что это ПО-НЯТ-НО! А эти зеленые фигли-мигли – НЕпонятно, и никто тебе не поверит. Я верю, потому что товарищ у меня есть тоже головой больной, собирает...

Нукеры заржали, но под взглядом шефа сразу заткнулись.

– Я шучу, дело хорошее...

(А ведь прав он был, сто раз потом убеждался).

Крепкий дом в полтора этажа из белого силикатного кирпича, ажурная резьба по оцинковке, железные ворота, которые распахнулись сразу же после первого сигнала.

На пороге встречает семейство – с дисциплиной в этом доме все поставлено...

– Закусим?

– Нет, сначала работа, – ответил я, оглядывая соток тридцать «объекта».

Утопанный десятилетиями двор пока трогать не стал, начали с сада-огорода.

Сцена – два джигита с серьезнейшим видом геодезистов разбивают 25-метровой резинкой участок на полосы шириной по два метра (ну, не было веревки в сельпо), внутри полос прибором сканирую я, за мной идет водитель со связкой шампуров и по команде втыкает очередной шампур в указанную точку, за нами идут «геодезисты» с лопатами и самозабвенно роют по меткам. Замыкает цепочку Юнус, ногой засыпающий ямы за своими орлами.

В отдалении стоит семейство и с интересом наблюдает, как из земли появляются проржавевшая керосиновая лампа, треснутый чугунок, две крышки от кастрюли, ржавый перочинный нож, чугунные кольца от печки, латунная дверная ручка...

Особенный восторг проявляет бабушка, хлопая то в ладоши, то по коленкам при виде очередной находки – половину из них она узнает и охотно рассказывает домочадцам историю каждой вещи и ее потери.

Перерыв, сели батарейки. Их у меня только на два часа хватало, импульсник-самodelка, что вы хотите... Три штуки плоских КБС-Л-0,5, по 4,5 вольта, были такие.

Пока меняю, джигиты вокруг стараются не дышать, молча и уже с уважением наблюдают за моими манипуляциями. И при этом гордо поглядывают на собравшихся в отдалении домочадцев и соседей, как бы подчеркивая свою причастность к священнодействию.

Те же, не смея переступить через натянутую резинку, тянут шеи, чтобы все видеть и ничего не пропустить.

Юнус стоит рядом с ними, объясняя ситуацию зашедшим соседям. Наверное, чтобы быть ПО-НЯТ-НЫМ.

Загнав последнюю клемму, отверткой завинчиваю крышку и для проверки делаю несколько махов катушкой над корнями алычового дерева.

Резкий короткий дребезжащий сигнал – ап! Такое не спутаешь ни с чем...

Стоя на коленях, разгребаю старую листву, протягиваю руку за лопатой, которую тут же услужливо подсовывает кто-то из парней. Нет, не надо лопаты – скovyряв рукой несколько сантиметров рыхлой земли, натыкаюсь пальцем и вынимаю на свет божий крупный серебряный перстень с чернью.

Оттираю об штаны и картинно кладу на ладонь – любуйтесь...

– Ввух!!! – хором произносят джигиты, хлопают себя по ляжкам и в восторге разводят руками.

Юнус, не торопясь, с достоинством подходит к нам. Я протягиваю ему ладонь и...

И вдруг я вижу, как каменеет его лицо. Он осторожно берет перстень, с минуту смотрит на него, потом вдруг резко вскидывает на меня взгляд.

Таких бешеных глаз я никогда не видел у человека ни до того случая, ни после...

Резко отвернувшись, он делает несколько нетвердых шагов в глубину сада, опускается на колени и, прижав руки к животу, упирается лбом в землю.

И начинается тихий вой... что-то вроде «У-й-й-у-й-й, вуй-й-й-й-й». И так много раз.

Мы очумело переглядываемся. Водитель, быстрее всех сообразив, делает нам жест – отваливаем!

Мы тихонько отходим метров на двадцать, отворачиваемся и начинаем разглядывать окрестные горы. Я, типа, что-то у них спрашиваю, они, типа, мне что-то живо объясняют... Когда мужчины плачут, свидетелей быть не должно.

К Юнусу суетливо бегут жена и бабушка, но он уже встал, и они так же деликатно тормозят в сторонке – дисциплина.

Постояв несколько минут спиной к нам, он поворачивается и идет на нас, наклонив голову. Но мы и не замечаем его покрасневших глаз, увлеченные спором – сойдет ли лавина во-он с того склона или все обойдется...

На ходу он достает из кармана смятый комок денег, сует их водителю и что-то говорит на своем языке. Тот молча бросается к машине, а я киваю джигитам, они разбирают лопаты и мы продолжаем.

Через полчаса возвращается водила, еще через десять минут в калитку втаскивают упирающегося барана, за бараном суетливо поспешает местный мулла.

– Дмитрий!

– Что?

– Бросай, иди сюда...

– Еще немного осталось, дай закончу!

– Брось, давай сюда, говорю.

Во дворе уже с десятков соседей, с чадами и домочадцами получается небольшой митинг.

В центре стоит Юнус и держит перед ними речь. О чем говорит – непонятно, но на лицах неподдельный интерес. В заключение он подходит ко мне, обнимает за плечо и поднимает в воздух найденный перстень.

Все хором выдыхают «Вайалла!», старики молитвенно проводят ладонями по лицу.

– Ну, спасибо, Юнус...

– Что такое?

– Все все поняли, один я, как дурак, ни черта не пойму...

– Потом объясню, мучайся...

– Я пойду закончу.

– Нет, все. Теперь будем пить водку.

– Без меня. У меня автобус через два часа.

– Будем пить водку, я сказал... Ты мой гость, терпи.

– Мне домой надо, какая водка?

– Телефон дома есть? Иди позвони. Завтра Муса тебя прямо домой отвезет.

– Ты что? 150 километров!

– Я сказал – все. Сегодня будем пить.

Пока мы беседовали, жертвенный баран успешно испустил дух и под умелыми ножами нукеров стал постепенно превращаться в баранину.

Во дворе поставили козлы, на них уложили доски, принесли скамейки и табуретки.

Сели за стол. Меня Юнус усадил напротив себя. Мулла что-то прочитал, потом долго и красиво говорил, видимо, благословляя дом и всех в нем живущих, и, наконец, дал отмашку на уничтожение дымящегося мяса. Тосты, восхваления, много водки – все как обычно...

– Так, все-таки, Юнус, объясни наконец, что это было? С чего такой шухер?

«– Ну, что тебе, внучек, подарить?

– Подари этот перстень!

– Ты знаешь, пока не могу. Это перстень моего деда. А ты еще маленький, вон и пальчик какой – куда тебе такой перстень?

– А когда вырасту?

– А когда вырастешь – обязательно подарю.

– А если забудешь?

- Я разве что-то для своего внука забывал?
- А если умрешь раньше и не подаришь?
- Подарю, обязательно подарю. И умру – подарю.
- Не забудешь?
- Клянусь!»

– А когда он совсем старый стал, пальцы высохли и он его потерял. И не помнил где. Переживал старик...

Когда он умирал восемь лет назад, я еще пошутил, мол, не торопись умирать, ты еще свое слово должен сдержать – найти наш родовой перстень и мне передать...

А он поднял голову, посмотрел на меня серьезно и сказал, как тогда: «Я разве что-то для своего внука забывал? Твой перстень, твой... Носи и помни своих дедов...» И потом он умер.

- И сегодня он выполнил свое обещание, как я понимаю?
- Да. Сегодня выполнил... И ты знаешь...

Он оглянулся, придвинул голову поближе к моему уху и почти шепотом:

- Так, значит, ТАМ и правда – что-то есть?!

А утром Муса, так звали водителя, действительно отвез меня на «Мерседесе» в Пятигорск.

Когда мы подъехали к дому, он сунул мне в карман куртки какие-то деньги, судя по всему немаленькие.

- Как договаривались. Юнус передал, самому неудобно было...

Я, не глядя, вынул бумажки и вложил их в наружный карман его пиджака.

- Передай спасибо, но мне не надо.

Муса пожал плечами, но когда я вышел, открыл дверцу и сказал вдогонку:

- А он так и сказал, что не возьмешь! Держи, тут еще! Это – на память!

Положил на край бордюра маленькую желтую коробочку, посигналил и уехал.

В коробочке лежал золотой перстень, еще с биркой и аккуратно отрезанным ценником.

Или пустая шутка.
Такого быть не может,
Не может быть по логике вещей,
Вне логики тем боле быть не может!
Что мы одни
Средь звезд неисчислимых...
Такого быть не может,
Такого быть не может никогда!

Матери

Не зря ушедшие
Живущим на земле
Оставили слова:
В день смерти матери
Для сына
Встает с востока черное солнце.
Какая тьма повсюду в мире,
Угас в нем голос матери моей.
Какая боль...
Какая неземная боль –
Могильный холмик матери.

Что за шум и что за беготня?
Не дают мне думу долепить.
Ах да, это ветер одинокий
В узких улочках квартала
Ищет лихорадочно меня.
Хочет мне в жилет поплакать.
Хочет мне печаль оставить.
И уже с веселым сердцем
В поле вольное убежать.

Как будто эта ночь пришла
Из старых, старых сказок.
Иду дорогой лунной.
Я все забыл,
Но робко бьется мысль одна:
Вот в это или в следующее мгновение
Вдруг вскрикнет тишина,
Не выдержав очарованья мира,
И ночь осыплется, как одуванчик.

Тридцать лет прошло.
Но зримей настоящего он видел:
Ночь. Луна. Река.
И она вдруг шепчет,
Восторгом тихим опьяненная:
– Смотри, смотри,
Дорожка лунная на воде.
Я поплыву по ней.
Нет, но ходи.

Ты оставайся тут.
Я поплыву одна.
Я буду плыть всю ночь
И доплыву до лунного царства.

К берегу на цыпочках подкралась,
Как бабочку,
Смахнула платье с плеч.
Сто лет или одно мгновенье
Входила в воду.

И поплыла...
Когда она из царств вернулась тех
И вышла из воды,
Какая женщина земли
Могла бы стать ее прелестней?!
Тридцать лет прошло.
Но зримей настоящего он видел:
Ночь. Луна. Река.
Лунная дорожка на воде.
И женщина...
Одна-единственная в мире.

О красота!
Пряжу тысячи ночей потратил я,
Запечатлеть пытаюсь образ твой,
Пока с печалью не постиг,
Что все, что есть
В мирах надзвездных
И в подлунном мире,
К короне твоей робко жметяся –
И ты невыразима.

Я вышел в ночь,
Мечтой тщеславною горя:
В упорной думе добытую мысль
До мудрой простоты додумать.
Но за оградой сада встретила меня
Царица ночи, вольная луна,
И пригласила уctивым кавалером
С ней коротать
короткую летнюю ночь.
Не смог я отказать кудеснице небесной
И праздно пробродил с ней до утра,
Пока у врат земли
Звонко не раздался
Веселый крик трудолюбивого солнца.

Дебют**Марет Батукаева**

Родилась в селе Старая Сунжа в 1993 г. В 2015 году с отличием окончила юридический факультет ЧГУ. В русской поэзии особенно любимо и послужило источником вдохновения творчество поэтессы Серебряного века Анны Ахматовой. В журнале публикуется впервые.

Молчаньем распятая...

И в мрачности стен
одинокого дома
Ты к окнам протянешь
уставшие руки,
В тебе забушует и вспенится море
Солеными каплями
горькой разлуки.

Прибоем завоет и грохотом волн,
На сердце твоём
отпечатавшись шрамом,
В тебе не сойтись океанам с рекой,
Твоя безвозвратно
изранена память.

Я слышу тебя через столько дорог,
В туманных ночах
я пою про утрату,
Опавшей листвой
заметанный порог
Остынет, истоптанный
счастьем когда-то.

Такие, как я, не вскрывают вены,
Такие ночами не воют луне,
Мы молча ломаем
постылые стены,
Мы твердо уверены только в себе.

Такие не лгут, но таким и не верят,
Свобода в глазах,
за плечами – рассвет.
Для таких открывают
запретные двери,
У таких для всего есть
готовый ответ.

Толпе ненавистны,
как дикие звери,
Мы ринемся в бой ради тех,
кто нас ждет.
Слепым покаянием
больше не верим –
Предавшие раз, опять предадут.

В отдалении звезд мерцания,
Где касается неба заря,
Под тоскливый мотив ожидания
Одиноко стояла скала.

Неизвестная и забытая,
Словно яркого мира изъян,
Омывал ее ступни гранитные
Лишь влюбленный в нее океан.

Он прибоем к ней
мчался с закатами,
Когда тускло светила луна,
А она, будто кем-то распятая,
Оставалась, как сталь, холодна.

Он волной обнимал ее теплою,
Попадая в солнечный плен,
Ее слезы смывал он, прогорклые,
Ничего не прося взамен.

В ее сердце ни света, ни жалости.
Для любви в нем и места нет.
Лишь знакомое чувство усталости
Уже многие тысячи лет.

Ну а небо грозою раздвоено,
Только слышалось, будто орган:

«Мне любить ее не позволено...»
Громко плакал в ночи океан.

Сколько вас еще таких –
Ожиданием тяжким
Изъеденных,
Никогда и никем
Неизведанных,
Так и ждущих с
Небес откровения,
С переполненной чашей
Терпения.
От судьбы и скитаний
Уставшие,
Но себя до конца
Не познавшие,
По пустынным дорогам
Бредущие
И сердец теплоту
Отдающие.
И приюта вам нет,
Неприкаянные,
Ледяными дождями
Умытые,
Вы кружите ветрами
Изгнания,
Кем-то важным для вас
Позабытые.

Мне, быть может, уйти ко сну.
Время громко заплачет минутами.
Я навек, я на вечность засну,
Не разбуженная солнцем утренним.

В моих снах заискрят звездопады,
Что погасли давно, незамечено.
Их мерцанием, тусклым и слабым,
Мое сердце печалью отмечено.

Я, наверное, уйду ко сну –
Зимних красок унылых палитрами.
Незаметно и тихо засну,
Не разбуженная их молитвами.

Рассекай,
Разрежь канаты
И не верь, что
Мне прошлое жаль.
Отзвучали глухие
Набаты кораблей,
Уплывающих вдаль.

Рассекай, я в
Штормящее море
Без опаски по
Вязкому дну.
Чайки белые – вестницы
Горя – в поднебесье
Развеют тоску.

Капитан, мы по
Самому краю,
Уже поздно бросать
якоря,
горизонт
Загражден кораблями,
И по струнам звучит
Тишина.

Лишь в глазах твоих
Тонут рассветы,
В этой буре один
Рулевой,
И, нарушив немые заветы, –
Я ко дну, до конца,
За тобой.

Лишь мрачное небо
В прохладе потонет,
Я жду наступленья зимы,
Читай по стигматам
На хрупких ладонях –
Меня никому не спасти.

Молчаньем распятая,
Снами влекущая,
Рисуя на темном окне,
Печально воспетая
Комнатой душною,
Сгоревшая в адском огне.

В вены вводила свои печали,
Кричала отчаянием,
Плечи дрожали...
Я отпускала – и тихо стирала.
В косы тоску по тебе заплетала.

Не уходила, стояла, боялась,
Сном и забвением
Где-то металась,
Образ печальный
Ночами мне снился,
Все позабыла,
Лишь ты не забылся.

Переулки холодного города
В предрассветном тумане
 скрывали печаль,
Бился ток с оголенного провода,
Ну а я отпустила
 уставший февраль.

Мне не снилась весна,
Только блик фонарей и неярко
 мигавшие лампочки.
Я стояла одна и смотрела на свет,
На в огне догорающих бабочек.

Мне гудели такси,
 возмущался трамвай,
И прохожие злились по поводу,
Я молчала, а сердце
 кричало: «Прощай!»
Моему опустевшему городу.

Пьяный ветер целует
 дыханием крыши,
Город вновь под стеной темноты.
Я бегу от своей
 опостылевшей ниши,
За спиной оставляя мосты.

И слова собираю в ненужную кучу,
Раз за разом сжигая мечты,
Заклинаю тебя, исцели мою душу,
Залечи, как умел только ты.

Когда солнца заигрывал след,
Россыпь звезд
 разложив по карманам,
С Приозерного бульвара на свет
Выходила, чуть шурясь, дама.

Ее знали по серому платью,
По хромой и неспешной походке,
Волосам с посеребренной прядью
И нефритовой странной заколке.

Узнавали по нотам молчания,
По умению скрытое слышать,
По глазам с ледящей печалью
И коту, что спускался
 к ней с крыши.

Ее звали «старухой» и «бабкой»,
Раздраженно ей вслед бормотали...
И глядели сердито, украдкой –
Как по ветру платки трепетали.

Она куталась в плотные шали,
Закрывая дрожащие руки,
Холода ей ничуть не мешали,
Не тревожили громкие звуки.

Каждый день ее сердце стучало
И надежда огнями искрилась –
Промелькнет на бульваре усталом
Вновь лицо,
 что когда-то ей снилось.

И за годы нелегкой разлуки
По глазам в окруженьи морщин
Он бы понял всю суть ее муки –
За стеной судьбоносных причин.

Но рассвет за рассветом ступает,
И толпа неизменно спешит.
Город, дни незаметно сменяя,
Отчего-то печальный молчит.

Не мелькнет среди лиц
 тех прохожих...
Столь желанных ей черт –
 не видать!
Даже птицы, что грустью
 с ней схожи,
Улетают на юг зимовать.

И когда гладь небес озаряет
Предвечернего зарева цвет,
Одиноко старушка ступает,
Вновь устало прищурясь на свет.

Шепот губ

Уноси рекой сомнения,
Вверх смотри,
У тропинок разветвления
Подожди.

Утопи в озерах солнце,
Сто дорог
Не размоют вереницы
Этих вод.

Я иду, танцуя с ветром
В этот раз,
Напоследок насмотреться
В омут глаз.

Амина Садыкова**О красоте**

Отсекай пустоту излишнюю:
что посадишь – то лишь вырастет.
Привлекает конфета внешне,
но фантик пустой просто выбросят.

Уход за душой сложнее
побега в наш грешный мир.
Уход за душой больнее
ухода в телесный пир.

Ложным человек пленился,
жизнь на ветер прожил.
Так нужно – собой чтоб гордился?
Гордился, а не корил?

Покой придет с пониманием
тщетности мнений общества.
Тогда лишь будет признание
твоего «великого творчества».

Наполовину

Мне нужен человек,
который не будет «наполовину».
С меня хватит на век
людей, судящих по внешнему виду.

Мне нужен такой человек,
кому нужно мое присутствие.
Которому важен мой бред –
а также его отсутствие.

Мне нужен человек с юмором –
чтобы капризы мои отражать
с улыбкой... и шепотом...
А в награду я буду всегда его ждать.

Мой человек будет меня защищать –
от нищеты, боли, обиды.
А я от него ничего не буду скрывать
И просить за нас буду в молитве.

Я буду о чем-то болтать –
и... слушать его молчание.

Мы будем о многом мечтать
(или – слушать мои мечтания).

Он будет меня хвалить,
а я – конечно, отнекиваться.
Я буду его любить,
а он – он мне просто доверится.

Поиграем вместе в снежки,
поплаваем в синем море.
Воспитаем наших детей так –
как никто и никогда более.

Мы придумаем шифры свои –
И это все будет нашим, личным.
А также – разные языки...
По-моему, вполне романтично.

Он будет умным.
А я – послушной.
Нам вместе не будет скучно.

Мы пройдемся по свету
и скажем друг другу миллионы фраз.
И в глаза посмотрим друг другу –
Миллионы и тысячи раз...

Волны отдают пеной,
дышит морской прибой.
Я буду его королевой.
Он же – моей стеной.

Сквозь асфальт

Угрюмой походкой, не веря в себя,
я шла по тропинке, под ноги глядя.

И стал мне находкой
цветок небольшой,
который совсем не блистал красотой.

Но так поражал он покоем среди бурь,
Что выбил сейчас же всю с меня дурь!

Повеяв надеждой среди суеты,
он остановил и меня на пути.

Совсем на живую сменилась походка,
Ведь так поразила среди бури находка:

Как ни было трудно,
как ни было плохо –
Пробила асфальт эта милая кроха!

Моим лучшим посвящается

Меня восхищает
друзей гениальность.
Удивляет, пленяет,
возвращает в реальность.

Такие активные, оптимистичные,
сильные духом и гармоничные.
Красивые, умные, полные веры.
Лучшие души нашей эры!

Каждый является в чем-то гигантом!
В каждом скрыта бездна талантов.
Мое удивление – неиссякаемо,
Когда в человеке столько черпаемо!

Грамотна речь, есть грация слова.
Нигде во всем мире
нет «круга» такого!

Знание жизни, ошибок, людей.
А сколько сознания, сколько идей!

Ни одной капли противостояния.
Хочу погрузиться я в ваше влияние.

Лучшие люди
меня окружают.
Интересно, а они это знают?

Если счастье – молчи

Когда не для кого – боязно.
Когда ни за что – болезненно.
Когда уже поздно – совестно.
Когда тебя ранят – жизненно.

Если боязно – делись.
Если больно – пиши.
Если радость – гордись.
Если счастье – молчи...

Одинокие и сильные

Сильные, честные, яркие.
Стройные, бойкие, ярые.
Твердые, умные, высокие.
И все почти – одинокие.

Спокойно и боязно.
Страшно и грустно.
Глупеть когда – поздно,
с глупыми – пусто.

Все преодолимо.
Все терпимо.
Но дамам с характером тоже
настоящие нужны мужчины.

И взгляд их как будто строже,
не могут, не будут ныть...
Но сильным девушкам тоже
хочется слабыми быть...

Говори молча

«Привет! Что делаешь?
Чем занимаешься?» –
ни о чем разговор протяжный.
Говорить надо о том,
в чем разбираешься...
и молчать о самом важном.

Зачем стихи?

Никогда не пишут поэты
о том, что им безразлично.
Скажу-таки по секрету...
Я то узнавала лично.

Скучать по кому-то не грех –
то поэты выражают искусно.
Поэты пишут о тех,
к кому у них сильные чувства.

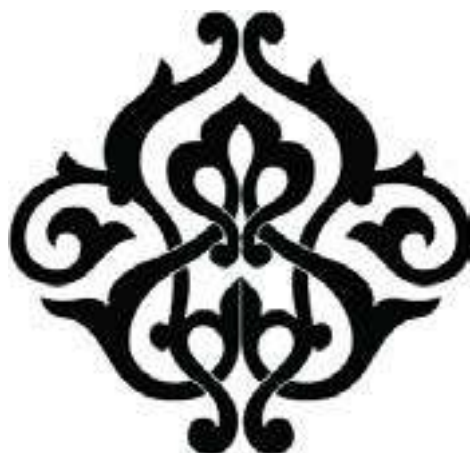
От чувств, когда все огнем,
чтоб не было передоза,
Поэты пишут о том,
что сердце их занимает – не мозг.

И если вдруг стихи посвятили –
то многих дороже подарков.
Тебя словно бы погрузили
в любовь, заботу и ласку.

Ведь сколько эмоций нужно,
чтоб в строки все уместить?!
Поэтам чувства не чужды –
и с этим так сложно жить!

Уголек

Пустые кресла ждали двоих –
двоих самых близких.
И асфальт этой ночью подозрительно
стих...
и туман стоял очень низко.
Погода всегда понимает людей –
людей самых близких.
Когда от обиды вдруг станет больней,
когда падают... слишком низко.
В камине потухшем догорал уголек –
один из самых бесстрашных.
Не губите в себе любви огонек,
Он один из самых важных...

Казбеги Александр**Циция**

Повесть

*Тлаъхье. Юъхь еша №11–12 (2015), 1–2.***XIII**

Ах сахът хан елира. Са метта деана парг I атдаьлла Цицияй, Солтий вовшашца хабаре делира, шен дуй биана волчу вешех хIумма а ца лачкыйра йоIа. Цо цунна дийцира шена везавелла кIант къен хилар, цундела ша дас цуьнга яла дуьхьало яр, шена тIехыйза кIант ша ядо кечлуш хилла хилар, шашшиь дуьненахь мел деха вовшийн деза шашь дуй биана хилар.

Ойла а йина, цара сацам бира хIара буйса кхузахь яккха, кханалерчу дийнахь герггачу юьрта а дахана, цигахь Циция а йитина, ткъа Солта Бежия кхуза схъавало дIагIур волуш. ХIорш массо а буха берзар кхераме хир дара: дIаыханчу буса Дарьялан боьрахь хилларг хиллачул тIаьхьа, чIогIа ларлуш а, сема а хир бара гIароллехь болу гIалгIазкхий.

Дукьал дехъара говр а, ткъа цунна тIаьххье Муртазан кортий, белшашший гучаевлачу хенахь суьйре тIекхочуш лаьттара. Цуьнан белш тIехь керлачу алан боккха цIов бара. Боьрахула алан цIов ша схъабогIуш санна хеталора. Цунна генара дуьйна гора дитта кIел вовшашца бертахь хабар дуьйцуш Iаш долу Цицияй, Содтий.

«Тайна хъуна и ший!» – боху ойла хиллачу цо сацамбира: «Кхин а цхъажимма цхъаьна Iер и ший», – аьлла, болар лах а деш. Амма «вовшашка безам бахнарш» иза гучавалар тергал а ца деш, бертахь къамел деш дара.

«ЭхIе, иза бу хъуна безам! И докх цо стагах... Царна-м со ган а ца го», – аьлла, дагаиккхинчу Муртазан собар кхачадала доладелира.

Говраш мохь бетташ лехка, шед етта, тхулгаш кхийса, говраш шега ца совцалуш санна, гIовгIа ян волавелира иза, гуттар а кхеран арIора а хьобжуш. И ший, тохара санна, вовшашна духь-дуьхьал а хиьна, хабар дуьйцуш дара, гергга кхочуш лаьтта догтагI тергал а ца веш. Муртаз саца а сецна, цецваьлла цаьрга дIахьобжура, дайн Iадаташ Солтас муха дицдина техьа, бохуш. ТIаьххьаре а царна дуьхьал дIа тIевахара хIара.

– Мичара хъаькхна ахьа оццул дукха буц? – хаьттира цуьнга Солтас, хилларг хIумма а доцуш санна.

– Лаха боьра чохь, буйсана шийла хир ю, кIел яржо оьшур ю хIара.

Муртазана ца лаара ша иза цхъана Цициян дуьхьа еана хиларна мукIарло дан.

– Сан йиша, – элира Солтас, Муртазана хеза долчу кепара, – Муртаза хьан дуьхьа яккхина и буц, амма оцунна къера хила эхье хета цунна.

Цецваьлла Муртаз Iадийча санна лаьттара, бIаьргаш а къарзийна, цо чIогIа лаьтта охъакхьоссира бацан цIов.

– Суна хезнарг хIун ду, со хъекъалах-м ца тилла? – хаьттира цо Солтега.

– ХIан-хIа... Тхойша йиший, ваший хила, – Муртаза Цициягахьа дIа а вирзина, цуьнга аьрру куьг дIахховдийра, ткъа аьгтучуьнца коьртара куй дIа а баьккхина. элира цо:

– Солта сай дуй биана ваша ву, хьо а цуьнан дуй биана йиша хилла дIахIоьттина... ХIинца дуьйна дIа сан йиша а хир ю хьо... Дуй къарбинарг бала кхачначохь дала вицвойла!

«Амин» олуш чекхбаьккхира цо шен дуй.

– Х1инца со хьан ваша ву, хьайна луьург де ала соьга! – олуш мохь туьйхира цо.

Йо1а Муртазана баркалла элира, х1оруй берриш а ц1арна гонаха охьахевшира.

Малх д1абуьзира, буьйсанан махо х1аваь шелдира. Меллаша, дозаллица гучабелира бутт, дог хьобьстунш йолу шен з1аьнарш комаьршша д1аса а яржош. Олхазарийн исбаьхьа хазчу декарийн, эшарийн метта хезара1обху чанг1алкхаш а, угу берзалоу а. Малх чубуьзначул т1аьхьа ца довззал хийцаделлера дерриге а1алам.

Иштгачу буса безамах дегнаш дуьзнарш вовшийн хьеста лууш хуьлу, доьналлин г1уллакх дан лаам болуш хуьлу божарий, амма вайн турпалхой дийнахь шайгахь хиллачу г1айг1анний, кийрахь кьийланчу балиний дукха г1елбаларна, ур-атгалла г1айг1ане ойла ян а ницкьаш боцуш бара.

Цхьа Муртаз вара суьйрана х1ума яа дезар диддаланза. Ницкь ма-кхоччу хьалхе суьйрана баа мерза кхача кечбира цо.

Ц1енчу х1аваэхь схьакхеташ яра кхаьрзинчу жижиган мерза хьожа, даа дог доуьйтуш. Муртаза дан дезарг дира шашлыках, амма иза кхеташ вацара, уьстаг1ан жижиган кхаьрзинчу дакьошна ша санна хьашт долуш шен доттаг1ий цахиларх.

Суьйрана кхача бианчул т1аьхьа, Солтас Циция юха ц1а йига болчу шен сацамах лаьцна дийцира Муртазана. Ойланашка велира Муртаз.

– Амма х1етте а юха цига ваха мегар дац, – элира цо, т1аьхьаре а.

– Х1унда мегар дац?

– Дера мегар дац, хьан коьртах дуккха а мах биллина хиларна, ткьа х1окху к1айчу дуьненахь ямарт адамаш к1езиг дац.

– Х1ун дича бакьахьа ду?

– Со г1ур ву.

– Х1ан-х1а, Муртаз, иза мегар дац, хьо а со волччу иштгачу хьолехь ву.

– Ахьа х1ун дуьйцу? Со муха нислур ву хьобца? Суна дахар деза ца хета, сан мах дийна волуш а, велча а цхьаь бу.

Дукха г1айг1ане хилла юьхь т1ехь хийцавелла д1ах1обьтира Муртаз, цхьана ханна цхьа а вист ца хуьлара.

Цхьа цатам беш йолу сингаттаме ойланаш обхура, схьагарехь, цуьннан дагчу, амма цо уьш сихха д1алаькхира, лаккха корта хьала а айбина, г1айг1ане мархаш д1асаекьялийта г1ерташ, бегаш бан, визлавелира иза. Амма Цицияй, Солтий ца1ехийра цу бегаша а: царна хаара, мел ира лазар доллу оцу стеган даг чохь. Муьлхха а догьэцар, кьахетар кхузахь эрна дара, цхьа а х1ума шайна ца гуш, ца хаалуш санна кеп х1итто делира х1ара шиь.

Дукха хан ялале доттаг1ий набарна охьабийшира. Керлачу баца т1е д1анисьелира Циция, ткьа божарий шайн кхекхийн кетарш хьарчийна, цунна гено дуьххьалд1а лаьтта охьабийшира.

Вайн шина турпалхочун дахар цкьа а дацара синтем болуш а, г1айг1а йоцуш а. Амма таханлерчу дийнахь т1енисделларш1аламат хала а, даккхий а г1уллакхаш дара, цундела бехк бацара кхарна атта наб ца кхетарх. Гонаха дерриге а тийна дара, наггахь тийналла хадайора терсачу говраший, агано бер санна ойла техкочу, охьадог1учу хинан г1овг1аной. Меллаша а, курра а стигалхула д1ашершара бутт.

Иштта, ахнабарехь сахуьлунга бевлира вайн турпалхой. Сатоссушехь Джайраханан лаьмнашкахьа д1абуьйлабелира уьш. Аьрзонан бен санна, ламанан цхьана басех д1алетта йоллура Орцаханан юрт, лахахула ч1уг егташ боьдучу готгачу некьей, чопа йохуш охьауьдучу хиней шен локхаллера чу а хьобьжуш.

Юьртана т1екхочуш царна дуьхьал кхийтира кхиина дог1учу божаберийн тоба. Х1ораннан юкьах я шаьлта, я талча йоллура. Береш гучубевлча геннара дуьйна уьш муьлш бу тергалбан бевлира х1орш.

– Анзор хила декхар ду,– аьлла, мохь белира цхьаьнга.

– Х1ан-х1а, иза Чербижан Сослан хила мега! – Иштта, хьешех баккхийбеш,

– хьешаша шайца даима а диканиг дахьа, – уьдуш вавшел хьалха а буйлуш, говрашкахь боглу чарна гергга дуьхьал бахара хlorш.

– Ткъа иза-м вайн Солта ма ву! – аьлла, мохь туьйхира кхарах воккхаха волчо, иза хлинца кхиина воглуш жима стаг вара. Лаккха куьйгаш хьала а ойбуш, хьешашка маршалла хьагтира кхара.

– Маршалла хуьлда шуна, боргалаш! – олуш, велавелира Солта. – Джанчlor цлахь вуй?

– Цлахь ву, муха хир вац! Тхан деза де тлекхачале, къаьркъа доккхуш ву иза.

– Делахь хlета, тхо шен хеннахь кхаьчна! – аьлла бегаш бира Солтас. – Ткъа тхоьга шен къаьркъанан чам боккхуьтур буй цо?

– Дера боккхуьтур бу! Шуьга ца баккхийтина, хьаьнга бохкхуьтур бара! – аьлла, маьхьарий туьйхира божабераша.

Хlorш юьрта чукхаьчна а бовлале, божабераш кхиинера хьеший боглуш хиларан хьокъехь Джанчlore хайта, хlorш тleэца цуьнан цлийна хьалха кегий нах гулбелира. Хьешашна говрашкара охьабисса glo дира цара.

Хьешашца зуда хилар а хьйна, цунна дуьхьал арабевлира цла чуьра зударий, цара шаш болчу чу йигира Циция.

Джанчlor лекхачу дeглахь, чlorla къежвелла, амма ламанан наха юкьахь чlorla сийдеш, лоруш воккха стаг вара, хьешашка маршалла хьагтира цо.

– Сан цла чуьра товха екаш ю, ткъа цлийнан тхов айьабелла шу сан nelcarlex чохьадевлчаьхана, – элира цо.

– Джанчlorан цла – массарна а тешам болуш хlусам ю... Оха дозалла до тхайн иштга хlусамда хиларх, – элира хьешаша.

Кхузахь гулбеллачу шен доьзалей, лулахошкий dla а хьаьжна, воккхачу стага элира:

– Хlan, же ма lел! Хьакъ ма-дду хьеший тlaэца кечлол!

Кегийчу наха хlorш хьешашна кечдинчу цла чу бигира, кхаьргара герзаш схьа а эцна, гловталийн, чоийн туьйдаргаш дладаста glo а дина, нарана тлера миндарш то а дина, царна тle Солтий, Муртаззий охьахаййра. Царна юххе цхьа Джанчlorрий бен охьа ца хиира, важаберш пенаца dlaхлиттира, цлентлехь баккхий хьешашка леррина ла а доьглуш, муьлхха а церан лаам кхочушбан кийчча а; болуш.

Цицияна верасалла деш бара зударий, цунна шашь клорда ца бойтуш, амма даггара цуьнга хьобжуш, терго еш бара уьш.

Той дладоладелира. Делкъанна хlума йиинчул тlaьхьа, суьйренан шун а хlorттийра, дерриге дийнахь ца хеддаш деш хелхарш дара, локкхуш эшарш яра, иллеш олура.

Шолгlачу дийнахь lуьйранна хьешийн lуьйре дика ян Джанчlor веанчу хенахь, дерриге ма-дарра ца дийцинехь а, амма шашь лелийначех лаьцна коьрта дерг цунна дийцира Солтас. Амма цо элира, Циция шен дуй биина йиша ю, шена везаш волчу стаге маре ялархьама лачкъийна шашь иза йолчу ден.

– Ткъа хлинца Муртаз цуьнан тlехьийза клант схьавало воьдуш ву! – аьлла, чекхдаьккхара шен дийцар Солтас.

Хьекъале а, хlумнах кхуьш а волу воккха стаг оцу сохьта дерригенах а кхийтира, Солтина йol шена езаш хиларх а, ша дуй биина цуьнан ваша хилла dlaхlorтарна, иза оцул боккхачу безамах юха волуш хиларх а. Амма цо цхьана а дашца ца хаадалийтира ша оцу дерригенах а шера кхетар.

lуьйренан пхьор диинчул тlaьхьа тle нуьйр а тиллина говр ялийра Муртазана. Кетlарчу кевнехь лаьтташ бара кегий нах, нуьйран хlоьах дуьрстанан урхаш dla а тесна. Шайн юьртан дозана л арахьа бовллалца хьеший новкъа баха декхарийлахь бара уьш, кхузахь кхеран некъан маршонах жоп луш верг хlусамда вара.

Некъа йовларх самукъадаьлла говраш, лергаш дусийна, «хурр» бохуш lара. Муьлххачунна а, цаьрга хьаьжначунна, гур дара, уьш дика дай хилар, муьлхха а некъ лалур болуш, бере юьхьlаьржча хlorтор воцуш. Муртаз говра тle хиира. Шега схьаелла топ белш тlехьа dla а тесна, дуьрстанан геннаш схьаозийра. Говр тохаелира, цуьнан массо а меже юлаелира, тlехьарчу когаш

тле а хлұыттуш, длаэккха кийчча яра иза. Говран бляргаш лизпаш дара, меран лұыргаш шорьеллера. Беречо говрана шед туьйхира, ша йолччохь тлехьарчу когашна тле а хлұыттина, кхосса а елла, хлаваэь корта дласа а ластийна, стелахьштиг санна хьалхяхьа длахьаьдира иза.

Схьагарехь, массарна а члогла дезаделира Муртаза ша лаьттачуьра дин длаэккхийтар, массарга а белабалар иккхира, хлара новкьа воккхуш берш а говрашна тлехевшира, цара а хьешашна тлаьхьа хаькхира.

Шен говр ира-кара хлотторхьама, берех хлорамма а шед тухуш а, дуьрстанан урхаш меттах хьайой а, ловзабора ша тлехь волу дин, башха исбаьхьа хаза, дахарх, кегийчу нехан доьналлех дуьзна долу сурт дара иза.

Хлора бере шен динах длаэвелча санна хетара, нуьйра тлехь нисвелла, тоьлладу говрахь, говран яре терра цхьана эшшара тамехь дласа а лешаш вогура. Говраш чехкка хьалхяхьа длайоблхуш яра, цкьа ерриш а цхьана гуллой, цкьа генна хьалха дла а йоблхий юханехьа хехкалуш. Ткьа береш оцу хенахь говрашна тлехь ловзура, цкьа нуьйра чуьра охьа а буьссий, цхьа ког луьитан чохь а болуш, лаьтгара кегий тлулгаш схьаобьцуш, говрашна тлехула дехьа а, сехьа а лелхаш, чожа клелхьахула, некхана хьалхяхула буьйлуш, лаьттахула белш текхош.

Массарел а генна говр хаьккина хьалха велира берех цхьаь. Тлаккха чобина хьалхара бустам чуьра патарма схьа а баьккхина лаьтта охьабиллира цо. Цунна тлаьхье хаьккина вогура кхин бере, цуьнан аьрру куьг баттахь йоллучу тоьпан буха тле диллина дара. Блярган негар тухучу сохьтана хлаваэь кьегаш бара тоьпан бух – оцул чехкка батгара схьабаьккхинера цо иза. Беречо, нис а велла, члогла а тухуш, хаьккина воьддушехь топ, мосуьйттазза лакха ирх а кхоьссина, схьалецира. Гуш дара ша кьона, хаза, тлахьаьлла, каде, ницкь болуш парглат хиларх иза воккхавеш хилар...

Патарма болчу кхоччушехь атта говра тлера охьа а таьлна, парглат тле топ а хьажийна лаг оьзначу цо патармин аьхкаш хлаваэ ирх яхийтира.

Нуьйра тлехь нис а велла, топ белш тлехьа тесира до. Тлаккха шегара патарма схьа а баьккхина некьа охьакхоьссира цо: «Хлахл, хлинца кхечо а зуьйр шен бляргийн, куьйгийн тешаме хилар!» – аьлла. Карзахьаьлла говр юха а ерзийна, сих ца луш шен топ цланьян хлұыттира иза.

Хьалхяхьа велира кхин бере. Мосуьйттазза кхоссаелла, шен ден сий лардарх шена тлехь долчу жоьпаллех кхеташ санна, чехка, дозаллица длаиккхира оцу беречун говр а. Цунна тлаьхье длаиккхира кхоалгла а, воьалгла а бере, гуттар жимачохь дуьйна говрашкахь лела а, тлахьаьллий, кадей, ницкь болушший хила лемина а болу ламанан кегий нах шайгара доьнналлин хьуьнар гайта бевлира.

Иштта, самукьадоккхуш, сакьералуш Терка тле иза дехьа волучу метте кхаччалц Муртаз новкьа а ваьккхина, кхузахь цуьнан некь дика а бина, юхабирзира кегий нах.

Дарьялан боьра Муртаз кхочучу хенахь ларжьелла длахлұыттинера. Деле гло дар доьхуш дола а дина, тлулган шина орцан готтачу юккьехула, некь шен йоккхачу глаттийначу бага длахьулбинчу, саьрмакан бага воьдуш санна, длаволавелира иза.

Дуьненахь хуьлчу зуламей, харцоней хьежа клордийначу шен бляргашка садоуьйтуш санна, мархашна тлехьахула длаобьхура бугт.

Дукха хан ялале Муртазана геннара схьа говран тата хезара. Говр а сацийна, вай-й хьалхяхьа дла а хилла, леррина ла дуьйгира цо. Цлехьхана нуьйра тлехь нисвелира иза.

– Говрашна тоьхна дерш оьрсийн ленаш ду! Глалглакхий хила декхар ду уьш! – элира цо ша-шега.

Кхузахь цунна хезира: «Чибари, чибари, чибари!» – бохучу иллин дешнаш.

Муртаза яй шед а тоьхна, юханехьа хаькхира шен говр, зен-зулам доцуш боьра ша кхачаре дог дохуш, ткьа цигахь хьаннашний, арцнашний юккьехь кьайлавала.

Ма-йогггу говр хаьккина воггура иза. Схьагарехь, хлара ца гора глалглазкхашна.

Готгачу боьрахула длахаьккира Муртаза – кхин цхьа жимма гена ваьлча кхерам боцчохь хир ву хлара.

Цлеххьана цунна хезира буьрса тоьхна мохь:

– Мила ву воглург?

Муртаза дуьрстан архаш озийра. Кхерам хилар хааделла говр оцу сохьта юхаиккхира.

– Мила ву воглург? – аьлла юха а бодашкара схьа мохь а белира, оцу сохьта топ а елира.

Муртаза говр юха а ерзийна длахаьккира, амма сихха иза сацо дийзира цуьнан: тоьпан тата а хезна хьалхахьа шена дуьхьал хаьккина боггу глалглазкхий гира цунна.

Клелонна тлелоттавелира иза, шина а аглор хадийна бара кхуьнан некъ.

Кхерамех воьлла вара ламанан нохчо, иза воха ца вуьйхира. Некъа йистошца лаьтгаш дара лакхара охьашершина даккхий тлулгаш. Некъа тлера говр дла а ерзийна, царна тлехьа паргглат длаlechкьира Муртаз. Говр а, стаг а чохь са доцуш длалаглделира, ур-атталла дийнахь а хала хир дара хлорш ган. Шен говран хуьнарх вуьззина тешна вара бере.

Кхерам боцуш шайна хиллачу синкьерамах баккхийбеш, юххехула хаьккина длабахара глалглазкхий. Уьш сел тентагаш хиларна мелхо а обглазвахара Муртаз. «Москалш санна, цхьанхьа длауьду-кх», – боху ойла хилира цуьнан.

Цлеххьана цунна дагадеара, тлехь «безамна» цхьа билгало а йоцуш уьш длабахийта ца беца, бохург. Хаьккина боьлхучу глалглазкхашна тлаьхьа а хьажийна топ ялийтира цо. Схьагарехь, тлехь ца тиллера иза – глалглазкхашна юкьахь йоккха гловгла елира.

Говран урх мал а йина, Дарьялехьа хаьккира цо. Глалглазкхаша цунна тлаьхьахаьккира, амма хьекъале а, тешаме а болчу дино, кхес дласа тесна, чехка длавуьгура шен бере, лобхуш болчушна тлеттла гена воккхура цо иза. Ткъа говрах воккхавеш, цунна муьтлахь волчу беречо хлор минотехь охьа а телаш, хьобстура шен говр, иза ира-кара хлотто глерташ санна, цо говран лерехь олура:

– Ядалахь, сан говр, тлема ялалахь!.. Хезий хьуна, тлаьхьадоггу орца? Шуьйрра дласатаса тлаьхьара когаш, яда атта хир ду хьуна. Ткъа уьш кхуьу вайшинна тлаьхьа?!

Шен ден дешнех кхеташ санна, берриге ницкъаш гулбеш йоьду говр.

Тлаьхье хир ю.

Гочийнарг МАРГОШВИЛИ Юсуп.

Борис Гусалов

Родился 20 марта 1940 г. в селе Зилга Правобережного района Северной Осетии. В г. Орджоникидзе (Владикавказ) окончил филологический факультет педагогического института. С 1963 года по 1968 год работал преподавателем русского языка и литературы в средних школах Осетии и Чечни, после этого являлся литературным сотрудником районных и республиканских газет. С 1988 года и по сегодняшний день – ответственный секретарь литературных журналов – сначала на протяжении трех лет русскоязычного «Дарьяла», потом осетинского журнала «Мах дуг» («Наша эпоха»). Печататься начал с 14 лет. Автор 5 книг прозы. Член СП РФ.

Разрыв-трава

Отрывки из романа

На которой траве коса переломится
в Иванову ночь, та и разрыв-трава.

Владимир Даль

Дуб прямо-таки с истинно чеченским упрямством и напором врос в желтой глины взгорок, возвышающийся перед самой их саклей.

Неведомыми ли путями занесло его сюда в бытность еще желудем, и он утоп в эту каменистую землю, неожиданно оказавшуюся для него благодатной; или же кто из чистого любопытства – приживется-нет – посадил, принеся из недалекого лесу невзрачным махоньким росточком, о том семейное предание Тайсултановых никаких сведений не передало от отца к сыну.

Но, как бы то ни было, при каждом восхищенном – немом! – созерцании дуба ему казалось, что это могучее дерево, исполненное чувства собственного несуетного величия, зорко и настороженно, словно боевая башня предков, чуть ли не со времен Атана и Амана¹ вглядывается в расстилающийся под ним простор прикаспийских равнин Чечни и Дагестана. Отсюда само собой вытекало, что и его, Али, родной аул Ишхой-Юрт вполне мог обосноваться тут, у подножья снежных вершин на крутом левом берегу неумолчной Ак-су, еще до восшествия на престол дуба.

Ага. Есть? Есть!

Если что и можно припомнить – позволив себе хотя бы короткое вздыхание – не мужское ведь это дело, охи да вздохи – в жизни Али по-настоящему хорошего, что хотелось бы ему пережить заново, так это те непорочного счастья дни, проведенные им в детстве и отрочестве на берегах Ак-су. О, какая же она бывала радость во все огромное летнее небо, когда ты не рыбину-усача выдергивал из неведомых глубин черной воды, а сверкнувшую на солнце серебристую живую молнию на крючке своей самодельной уды!

И-йах!

А дуб, гордость не только их аула, но и всего ущелья, одной своей могущественной ветвью, как десницей, прикрывал приземистую их саклю с плоской по-горски крышей, устланной плитняком. Прикрывал – и в это верилось – от норовящих случаться именно что неожиданно-негаданно напастей, на которые так изобретательна жизнь.

Если бы ислам столь жестко не требовал неукоснительного исполнения заветов и предписаний священного Корана, то вполне возможно, что по традициям адата дуб остался бы прежним капищем, местом поклонения многих поколений. А тут еще эта без масла в голове новая, невидаль-власть...

Ага, ей-богу!..

Но каким духом непоказного мужества повеяло оттуда, из эпохи предков, да не вздрогнут они в ахерете – загробном своем мире тишины и покоя!

И тут ему неожиданно стало жарко и душно: его охватило чувство непроизвольного стыда перед пращурами за то, что он, Али, более прославившийся как Хромой Али, гяур такой, все так-таки умудрился запачкать их знамя позорным проступком. Позорным, недостойным горского мужчины, да, раз он из-за женщины, к тому же из-за такой-сякой бабы, совершил... это... это самое...

И-йах!..

И в результате он снова оказался там, куда вход широк, а выход – щель, лишь можно протиснуться, и то, если...

Но он, Хромой Али, и теперь постарается сдюжить, не уронить себя, чеченца. Ибо, раз ты не до конца, не полностью есть чеченец, а с примесью, допустим, чего-нибудь советского – дело швах. Жизнь, не переставая, убеждала его в этом с того самого знакового дня... На примере дуба.

...Небо словно бы разрослось, раздалось от слепяще-яркого света, исходящего будто не только от самого солнца, но низвергающегося и из высей над ним. Сердце его, еще незбылемо, неисправимо молодого Али, тревожно застучало-заклопотилось набатно, предчувствуя такую небывалую беду, предотвратить которую не дано даже всем семи небесным силам, а Аллах почему-то предпочел не вмешиваться. Но ведь и это Его воля. Хвала Ему!

Припав к круто выпуклой груди горной вершины Черное Седло, взбитое белое облачко зловеще-озорно так засверкало, засияло расплавленным золотом изнутри – вообще-то, было не понять, откуда оно вдруг взялось-появилось в чисто-синем, как глаз козленка, небе. Оно стало разбухать и разрастаться теперь уж с таким угрожающим видом, что можно было подумать: оно наконец-то за какую-то старую кровную обиду решило поквитаться со всем миром, с виду таким добродетельным, одинаково горячо любящим и привечающим всех, а по настоящей-то сути своей!..

Ого-го!

Однако облачко это вполне могло сойти и за наивного белого ягненочка, ни о каком зле в поднебесном мире не то чтобы не помышляющего, но и не догадывающегося о его наличии, зла то есть. Но вот его самого обрекли на заклятие, и он подставляет костру солнца на поджарку то один свой бок, то второй – классный должен получиться шашлычок для небесных волков, вконец оголодавшими стаями нагрянувших из расщелин гор. И они утробно заурчали, зарычали, сухо загремели, открыв праздничную канонаду – заляцкали клыками, предвкушая кровавый пир.

Эти тучи были чернее черных мыслей подлых людей.

И дуб тоже весь мелко-мелко затрепетал, задрожал от макушки до самых корней-нитей. И тут нависший над Ак-су желтый карниз ею же самой подмытого берега, не выдержав напряжения, обрушился на по-прежнему невозмутимые воды реки – ухнуло так, что наверняка от силы удара кто куда шарахнулись торпеды-осетры и пули-рыбешки Каспия.

А гора Черное Седло сохраняла привычную невозмутимость, оставаясь завидно хладнокровной, даже до обидного безразличной ко всему: ничего такого и на этот раз не совершит небо с землей, чего бы она до сего дня ни испытала и с достоинством ни пережила-ни выдержала!..

Мир был кипуче, энергично живым, и все происходящее в нем непосредственно касалось и тебя, человека – плоть от плоти его.

Ага...

Вся их семья от мала до велика, всполошившись не на шутку, высыпала во двор. Только Мовлади-хаджи, дед его, старейшина не только их дома, но и всего

рода-тейпа, степенно, даже медленнее, чем обычно, проследовал за ними.

Его невозмутимость приободрила остальных. А он, вскинув голову в провисшее чуть ли не до косогор от тяжести грозовых туч небо, грузно возвел белые свои руки на уровень груди и взмолился, к радости Али впаад арабским словам шевеля тонкими сухими губами – тогда он, Али, еще понимал напевно проговариваемый дедом текст молитвы:

– О Аллах! Молю Тебя одарить нас благодатью этого ветра и благодатью того, что он несет в себе, и благом от того, с каким умыслом он ниспослан на нас, и прошу Твоей защиты от напасти сего ветра и напасти того, что есть его суть, и обороны нас от напасти того, с какой целью низвергнется небесная кара на нас!

Сверхславен Тот, кого благодарно превозносит гром и восхваляют ангелы, одновременно и пугаясь и истово чтя Его.

О Аллах, не погуби нас во гневе Своем и не обрекай нас на погибель Своей карой за прегрешения наши – вольные и невольные.

О Аллах! Отврати от нас не заслуженный нами бала².

Пусть возродится зачахнувший, и да поднимется рухнувший, и да воссияет потухший!

Старик слегка неверной, шаткой походкой направился к дубу и, словно обнадеживая его верой своей в благополучный исход всего, приобнял, потом погладил по изборожденной вкривь и вкось канавками коре, сохранившей дневное тепло. И прижался к нему согбенной многотрудными годами спиной, приятно ощущая все бугорочки его надежного ствола.

Древним, очень древним был Мовлади-хаджи, однако таким вот ясным огнем его глаза не сияли, быть может, даже в самую удалую пору жизни – во дни закалки молодецкой его смелости в холодный булат несуетного мужества.

И-йах!

Обернувшись к ним, к семье, он приглушенным голосом сказал:

– Беда не та беда, которая грянет чуть погоды, а... – снова воздев руки на уровень груди, взмолился. – О Аллах акбар! Творец и Вседержитель мира, ниспошли на нас любое испытание, только вот не дай нам обернуться народом с двойным дном, с двумя ликами, с рассеченным, как хвост ласточки, двойным языком!

Это беда так беда, это горе так горе, – лучший праздник для наших недругов... – старик, безбоязненно взглянув на готовое обрушиться небо, скрылся в доме.

Стоило и им проследовать было за ним, но задержаться в сених, как небо выхватило свою ятаганно изогнутую саблю и как бы пробно рубануло наискосок полог над горами. Пришелся бы этот удар всего лишь с этим пробным замахом в вершину горы Черное Седло – неминуемо бы образовалось на ее месте новое ущелье с текущей по его дну развеселой речкой – сиди на ее бережку на пригретом солнцем валуне, любуйся белопенным ее потоком, слушай монотонное воркование ее – вовеки не наскучит...

И тут...

И тут вполнеба сверкнула раскаленная добела извилистая цепь и стрелой вонзилась в дуб – рассекла его от верхушки до середины ствола. Обнажилась белая костистая рана. Отхваченная молнией часть дуба на некоторое время еще как бы застыла, задержалась в раздумье – падать ей вбок или как-то возможно еще слепиться с материнским стволом, – а потом нехотя, преодолевая некое внутреннее нежелание, тяжело так повалилась и соскользнула по склону взгорка, и, ломая, круша свои ветки, да еще по пути калеча кусты орешника, упала бездыханная на груду камней.

На оставшееся стоять, превозмогая нестерпимую боль, полдерева было жалко смотреть – кора содрана и висит ошметками, оголившиеся места мертвенно белели. Там, куда пришелся разлом, торчали острые кости живого существа – они нещадно кололи глаза. Однако изувеченный дуб и не думал отказаться, отречься от исполнения своего священного долга: его ветвь-десница вся так же простиралась над домом, готовая скорее погибнуть, чем лишиться его своей защиты.

Через долгую минуту у неба обрушилось дно: вода, ликуя, тугими канатами струй неистово хлестала землю – в пору было опасаться, что эти взбесившиеся

потоки смоют даже сами горы, сравниют их со столешницей равнин. А плоская земля – это уже не Чечня, не Кавказ...

Настал каймат³. Вновь. Пришел День Ахарата⁴.

Да, тревога оказалась ложной: земля, с тщанием омытая тугострунным небесным душем, заблестала первозданной чистотой, задышала звончатой, хрустящей свежестью.

Живи, человек, и будь человеком по-людски. Чтобы минувшие века, смотрящие через частокол эпох на тебя – на свое далекое потомство, на весь мир, – не тревожились более за тебя, а убедились в том, что нет, не станешь ты легкой добычей сладкоречивого Дьявола-Иблиса.

И-йах!

У всех на глаза наворачивались слезы, глядя на истерзанный дуб – любимец их. И только несмысленныш-сын самого Али многозначительно, как это умеют только дети, изрек:

– Теперь дуб больше не будет насылать на нас ветер, мешая играть.

И-йах!

Налетел другой ветер, не дал беззаботно доиграть свои игры и ему, и еще тысячам мальчишек и девчонок...

Он один – что, он сам по себе, один – не проблема. Он один, в ответе лишь за себя, и в волчьей яме будет благоденствовать, не ропща на предопределенную, назначенную Аллахом судьбу.

Но – чур!

Единственное счастье, на которое он претендовал бы и тогда – это умереть на свободе. И самая большая роскошь – умереть в пятницу или же в пятничную ночь! Получив у земли свою посмертную долю – два аршина...

Ага...

Но это тогда, когда ты разгруженный, нет никаких забот о других, не на кого в тревоге оглядываться, мол, как она у них, жизнь, без тебя-то сложится...

А теперь – и-йах! – как ему превозмочь эту боль, охватившую все его шестьдесят четыре года задымления им неба; весь мрак жизни; весь свет в промежутках черных дней и ночей; обжигающие ветры-суховеи астраханских и калмыцких степей; годы – века тех прежних лет заточения?..

Превозмочь боль...

Опять.

После стольких лет.

И каких лет!..

Как свернуть, скатать свою жизнь настолько, чтобы сделать ее тяжесть, ее груз подъемным, иметь силы нести его по новой по камерам, по баракам, по зонам...

И-йах!

Есть счастье жизни. Но не менее желанно и везение с адзалом⁵ – своевременная встреча с двумя черно-синими ангелами вечносветлого, не ведающего ни перемен, ни измен мира – Мункаром и Накиром...

Али знает, досконально знает от верных людей, что Умалат поклялся небом и землей, кровью поклялся – кровью брата, что он отомстит за его смерть непосредственно его убийце – Али то есть. И в знак этого обвязал голову полоской черной материи. И с тех пор охотится на него.

И куда бы лучше было, если бы он его уже настиг, тем самым предотвратив вторую ходку Али в ад...

Но, как он не удостоился от Аллаха достойной жизни, так, видимо, не дождетя от Него и смерти по-мужски. Всю жизнь счастье сторонится, избегает его, будто он отвратно, дурно пахнет для него, капризного... Горем, бедой он навсегда окликнутый.

И-йах!

Если дело коснулось смерти, то у него есть еще одно пожелание: хорошо бы умереть от мстящей доблестной руки. Ибо – слава уважаемому всеми врагу!

Ага...

Али встал, широко потянулся, до хруста костей, для приличия покряхтел по-

стариковски, потом почему-то топнул левой, хромой ногой о бетонный пол СИЗО⁶ Министерства внутренних дел Северо-Осетинской Советской Социалистической Республики – это тебе не халам-балам, и стал с силой тереть обеими руками затекшие бока – ныли старые кости, ныли, жалуясь на негостеприимную жесткость голых напольных нар-мостков, хоть он давным-давно отвык от мягких перин, насланных вдобавок на пружинящиеся сетки кроватей.

Скоро, совсем скоро придут за ним и... Кто они есть и что они есть, те, к кому его поделят – каким, ага, преступным элементом он станет долговременным сокамерником? Никому другому так не нужен товарищ, которому ты полностью доверяешь, полагаешься на него, как на самого себя, как тому, кто оказался в любовных тисках тюрьмы, особенно радушно встречающей-привечающей оголенного человека.

Есть?

Есть!

Оголенным-то он, Али, считает того, в защиту которого некому сказать слово с весом, весомое то есть слово, слово заступничества перед избирательно поворачивающимся туды-сюды дышлом закона. Одна надежда такого бедолаги лишь на всемогущего Аллаха – Аллаху акбар! ИншаАлла!

Русский ведь тоже хорошо сообразил сказать о боевой башне надежды: Бог не выдаст – свинья не съест!

Али смачно сплюнул на пол, растер подошвой босоножки:

– Прости уж, Творец всего сущего, но от этого слова-харам во рту грязно стало...

Если же случится так, что и Он выдаст, и длинноухая землеройка закусит тобой, и тогда не ропщи, пеняй только на себя самого: значит, чем-то настолько прогневил Его, что впал к Нему в такую немилость, что Он отвернулся от тебя.

И-йах!

И снова малолетки будут петь традиционный свой слезный гимн:

Опять по пятницам
пойдут свидания,
Слезы горькие
моей родни!

А у него-то никаких свиданий не предвидится – нет родни такой, чтобы по тюрьмам его навещать. Что ему остается и в камере, и на зоне? Еще тогда, в первую ходку, затверженный девиз: никого и ничего не бойся, никого ни о чем не проси, сдачу за обиду не откладывая на потом – простишь, что с твоей головы сбили шапку, недолго час, когда снесут и саму голову.

Ага!

Ей-богу!

А для сокамерников, пока тоже всего лишь подследственных, неосужденных, он – неопытный сиделец, впервой захомотованный, жучок-мужичок, недалекий умишкой. Однако трогать его, чеченца, – задевать, стесаться над ним – поостерегись! Ибо не раскается тот, кто крепко-накрепко наматает на ус мудрость старого чеченца: «Взбесившийся конь наткнулся на кол». Это такой кол, который, заострив, косо всаживали в землю... На случай нападения верховых супостатов.

И-йах, выдавать-то себя за мужичонка-простофилю будет, но вряд ли ему удастся спрятать теман⁷ в мешке – он имеет в виду опыт своей прошлой жизни, так сказать, диплом осторожной высшей школы...

Если у ада тоже есть врата, то они должны скрипеть, как эта сучья дверь их Шестой камеры. Но – хрен с ним, со скрипом, с завыванием кошек марта – сейчас главное не это, а явление вновь прибывшего в сию, параллельную с волей, жизнь.

Ну и дверь!

Да чтобы тот, кто сколотил ее, оббил жестью и навесил, больше в жизни не смог взять в руки ни молотка, ни гвоздя!

Неужели и в деле этого мужичонка наличествует всешний спотыкач «шерше ля

фам» – ищите женщину?! Однако Урусхан бы поклялся на чем угодно и дал бы какую угодно клятву, принес присягу, что – да, и тут замешана она, прекрасная половина человечества. Хотя по виду ее жертвы ни при каком раскладе версий об этом никому не догадаться. Ого, выходит, что это дано единственно ему, самому Урусхану... Но – как?! Но – кто она?

Надзиратель со всего размаху захлопнул обреченную на черную ругань дверь, да так, что она даже застонать-скрипнуть не успела, и давай наворачивать запор на все три оборота ключа длиной в гвоздь-двухсотку.

Не сказать, что мужичок-сморчок задержался у порога в растерянности, но с минуту все-таки постоял, давая всем насмешливо-оценивающе рассмотреть себя: пусть встретят по одежке, а там предельно неспешное время покажет, кто есть кто и кто есть что! А посмотреть-разглядеть было что – было, было! Из-под штанин ядовито-зеленых брюк выпирали мальчишески острые колени – тут вельветовая ткань штанов заметно полиняла, стала намного светлее. На ногах обувь коверного клоуна – огромного размера, не менее двух-трех номеров больше необходимого, босоножки-плетенки. И именно что на босу ногу – в чем его ментяры сцапали, в том и благословили тянуть ляжку, волочить срок. Если и были на нем носки, он мог их давно выбросить в мусор – где их стирать ему было, где сушить... Из явно коротких для него рукавов заношенной донельзя куртки торчали его руки – большие, толстопалые, натруженные руки-тудяги. И топор им не чужд, и молоток, и даже пила двуручная в одиночку, и ножовка, и лопата, и сучковатая палка, а то и чабаний посох с крюком для ловли овец – ярыга. А еще в них ладно сидится оружию – и холодному, и любому.

Другие части тела мужичонки скрывались за свернутыми в огромную охапку тюремными постельными принадлежностями – набитым огромными комками ваты матрасом, подушкой такого же наполнения, истертым до лысин тонким летним одеялом и мутной белизны простынями. В глубине их могли быть спрятаны личные, дозволенные к проносу, вещи. Если, конечно, таковые у него имеются.

Наконец босоножки решили, что пора сделать первый шаг к знакомству со староселами.

Что-то неуловимое задышало в затхлом, прокуренном насквозь воздухе камеры и известило Урусхана, что вновь введенный в эту преисподнюю не осетинских кровей. Тогда – кто?

Увидит вблизи лицо его, рассмотрит глаза, поймает его взгляд – вполне гарантированно может вычислить его национальную прописку – это для русских кавказцы на одно усатое грузинское лицо, а для Востока – все черкесы...

И вот новообращенный член Шестого узилища сдвинулся с места. Сделал пару шагов и вдруг не положил, а выронил всю свою охапку на мокрый цементный пол. Одного беглого взгляда было предостаточно, чтобы решить: перед тобой действительно старательно мятый-крученный-верченный жизнью человек, то обжигаемый-поджариваемый нещадным солнцем, то сбиваемый с ног прикаспийскими ветрами, не раз и не два проклинавший судьбу за ее непрошенные дары-подношения. Не старый еще, но – да, пожилой мужчина. Горец.

И что же он еще смог наговорить, он, уже спускающийся с горы жизни вниз по уклону, крутизна которого не позволяет ходить размеренным шагом, а принуждает к бегу?... Потому возможно споткнуться так, что недолго и шею сломать.

Урусхан для себя отрезал: это вайнах – и, скорее всего, чеченец, взгляд его с прозеленью глаз пронзителен по-чеченски. Но ручаться на все сто не стал бы – найдется и такой ингуш, с точно таким же пронизывающим взглядом.

Бетонный пол же потому был мокрым, что они его часто по выбоинам-яминам заливали водой и потом размазывали лужи по всей камере – влага, испаряясь, создавала эффект свежести, дышать становилось чуточку легче, или хотя бы они думали, что на самом деле повеяло прохладой – аутотренинг, говорят, ухитрись смотреть цветные сны, теща свое сердце грезами...

Выронил, значит, весь свой багаж на пол, и охапка так и осталась охапкой

– да и как иначе: нечему ведь было в ней распрямляться и вываливать из себя содержимое.

Старик одарил всех испытующим взглядом, никого особо не выделяя, на каждом задерживаясь ровно столько же, сколько на его соседе. И, не проронив ни слова, порывисто нагнулся и сгреб свою охапку. И опять стали ясно видны лишь одни его ноги в этих замечательных клоунских босоножках. Черная материя матраса покрылась более темными пятнами – намокла. И тут охапка за два широких шага одолела пространство до стола и совершила – грязная! – на него мягкую посадку! На обеденный их стол! На святое место!

Пора было, давно пора было как смеяться, так и возмутиться хотя бы этим святотатством, но дед-то явно не баклан какой – с какого перепугу бы тот мог затесаться в плотные их слои, их – должников крови... И потому даже Сергей хранил любопытное молчание, даже он без всякой реакции взирал на него, он, задира, еще в голозадом детстве объевшийся смешинок.

Но тут возмущенно всплеснул своими худющими руками Рачик, на вольной большой земле Рачик Акоюнц, да не успел сказать-проорать ни слова: дедуля, поняв свою оплошность, сгреб матрас со всей хурдой-бурдой и застыл, озираясь в поисках места, куда бы, не вызывая нареканий, пристроить свой скарб.

Не в чудака ли, случаем, не в ротозея-рохлю какого-то он играет, вместо себя настоящего впарывая им сельского самодеятельного дурачка, эдакого чертилу из Нижнего Тагила?.. Но – странно: эта тягомотина с устройством их не раздражала, а, скорее, забавляла.

И снова первым о наигранности, нарочитости такого его поведения догадался Урусхан, а, догадавшись, перестал наблюдать за ним – отвернулся и старался вызвать в воображении его настоящее обличье. Одно было уже предельно ясно: этот старче отнюдь не новичок в этих, равнодушных к любому горю, стенах. Но что же так безотчетно привлекло, располагало к нему сердце Урусхана? Вообще-то, старики сами по себе вселяют мужество в более молодых заключенных, укрепляют их дух, придают им силы терпеть, выносить все и держать себя более достойно. Они одним своим невозмутимым видом служат как бы подпоркой твоему пошатнувшемуся душевному здоровью, вдохновляют тебя не сдаваться при сжатии-растяжке, не ломаться, ибо у тебя-то впереди – жизнь, какая она ни на есть...

Старик снова потоптался на месте и спустил свою злосчастную поклажу с живота до колен и теперь держал ее с таким видом, что можно было подумать: вот-вот кинет ее, и пусть летит она хоть под семь подземелий. Однако через секунду, как бы высмеяв самого себя за такое бестолковое поведение, неожиданно широко заулыбался: ба, знакомые же, родные же все рожи! И громко, будто он находился за калдой кошары и старается перекричать бляение зовущих своих матерей ягнят, проговорил:

– А вот теперь всем вам поровну ассалам алейкум! – и поспешно добавил, не дожидаясь их ответных эмоций на его приветствие. – Я – чечен, Аллахом отмечен! Пусть это знает даже тот, кто знать ничего не желает: пригодится на каком-нибудь выраже-заносе. И-йах! О Аллах! Не дай баллах! Так говорят хирий, то есть осетины. Да, а я с макушки головы до самых пят есть чеченец. Тот, кто будет меня любить и жаловать, тот будет поступать очень умно и правильно. У меня КРУ⁸ обнаружил большой дефицит любви, очень большую ее недостачу. Но если кто-то сочтет для себя удобством не награждать меня сходу любовью, тоже окажется не совсем дурак. Ага. Есть? Есть! Тогда я поверну свои глаза вовнутрь себя и начну искать причину в себе – гнилой недостаток свой. Есть? Есть! И тогда я вам доложу мнение умного предка чеченцев – он долго и внимательно рассматривал своими глазами горного орла жизнь и сделал вывод, не подлежащий обжалованию: «Для мудрого человека вся вселенная, любая страна – его отечество!»

– Ты чеченец?! – Рачик, казалось, был настолько сильно удивлен, точно воочию увидел своего прапрадедушку, явившегося с того света. Потом, не удержавшись, продекламировал стих, который почти у всех на кончике языка:

Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал!..

– Поздно точить, раз уже ползешь! Загодя должен сделать кинжал бритвой... Ты знаешь, на какой берег он ползет?

– На левый. Терека...

– Не на левый и даже не на правый, а на свой! Чтобы освободить его от уруса – незваного гостя! – он пробежался глазами по нарам, выясняя, есть ли свободное место и если есть, то где оно – вверху, внизу?... Вверху – тогда жди лучших времен, когда переведут в камеру для осужденных кого-либо с нижних нар; или же из вежливости – уважения к твоим годам – пока не уступят тебе льготное место внизу.

Свободным оказалось место наверху. Али с некоторым усилием закинул туда свое барахло и принялся стелить постель.

Нижнюю полку этих нар занимал ингуш Местоев Магомед, молодой широкоплечий мужчина, большеголовый, с тонкогубым ртом, весь будто наспех, но зато крепко-накрепко сколоченный. Одет он был в кавказскую косоворотку, просторные галифе, мягкие сафьяновые сапоги. Все это время Магомед одетым дремал на застланной постели, только ноги свесил на пол.

Теперь он, спохватившись, порывисто вскочил и, приобняв старика, уставился на него радостными глазами:

– Ты нохчи? А я ингуш...

Они обнялись, раз и два прикоснулись щеками и лишь после этого пожали друг другу руки. Чуть погодя старик, заметно прихлопывая и шумно шлепая босоножками по бетонному полу, шел от одной нары к другой и со всеми здоровался за руку. Все ему обрадовались так, словно после долгих ненастных дней проглянуло солнышко, пробилось сквозь набухшие тяжелые тучи, и вот они вновь стали походить на людей – к птицам в их клетку влетела свежая пташка, ясное дело, что отнюдь не по своей доброй воле, но они все-таки радостно загалдели: встряхнулись, захлопали своими скованными крыльями...

Пока чеченец пожимал всем руки, Магомед скатал свою постель, закинул ее на верхнюю полку, а на своем месте постелил старику, сообщив ему:

– Это будет наша с тобой шконка – ты на почетном месте внизу, а я, как младший, над тобой. Но вот матрац твой!.. Уж лучше бы дрыхнуть на голых досках, но и их где взять-то... Потерпи, старина, совсем немного осталось ждать, – тут он кивнул на лежащего сверху на соседских нарах немолодого мужчину. – Через неделю-другую Мясоруба спровадят в Потаенное Село, чтобы он больше не коптил синее небо с востока Моздока. И вот тогда мы распотрошим его матрац и набьем ватой твой полупустой чехол. Кому, говорили досточтимые предки, не достается наследства, тот не разбогатеет, не оперится...

Али уловил произошедший в Рачике внутренний надлом. И примирительно сказал:

– Ты есть то, что ты есть. Ты – сам, и – все! Никто, ей-богу, вместо тебя тобой не будет. И – не мохай. Армян тоже родился для жизни, вот и накачивай в себя жизнь каждую секунду так, чтобы тебе твои враги завидовали. Назло им. А кому в радость – сам смотри. Каждый чешет свою лысину. Ага! Есть? Есть! И-йах, а я Али. Вот уже ровным точным счетом шестьдесят четыре года я топчу землю и копчу небо. Кому-то это совсем не нравится, и – пусть, это его собачье дело. А я вот есть Али – всегда и всюду, и здесь, и везде. Ага! Ей-богу. Уточнить только надо: Хромой Али, – он совершил на месте полный оборот, одновременно обводя правой рукой вокруг себя. – В круглом мире все меня так кличут: Хромой Али, – тут он поднял указательный палец дулом пистолета вверх. – Но, однако, тут тоже уточнить надо: хромой только на ногу! Ага. Есть? Есть! – он взялся за оба борта куртки, распахнул ее. – Это чужая черкеска, – топнул ногой. – И это не мои чувяки. Брюки тоже носил хозяин куртки. Очень давно чечен придумал поговорку, что на короткое время и ложь пригодна, а навеки необходима правда, иначе тебе как человеку каюк. Ага... Вот только рубашка моя собственная, все мое другое менты конфисковали, чтобы, сказали, анализ провести, узнать, где чья кровь что запачкала. Есть? Есть!

– Рубашка твоя потому, что она новая и чистая? – Рачик еще попытался неуклюже пошутить, но никто не поддержал его. Но это уже неважно было для него: голос его, слова Али, тон, каким они были сказаны – повелительно-ласковый, – сделали свое доброе дело: Рачик неожиданно приободрился, и в эту минуту он бесстрашно смотрел бы даже в остекленевшие глаза смерти.

Али прихватил сигарету краешками губ, Сергей поднес огонь. Старик сладострастно-жадно затянулся, посмаковал в легких лечебный яд табака, выдохнул дым струей через нос. И – все, потушил сигарету: сплюнув в ладонь, сунул горящий нос сигареты в плевок – раздалось легкое короткое шипение. Положив здоровенный окурок в верхний кармашек куртки, Али снова сел спиной к столу, откинулся на него.

– Ты, давай, мели, Емеля, – твоя неделя. И не бойсь: здесь нет никого, кто бы вынес отсюда хоть звук, хоть полслова...

– И-йах, мальчик, полосатик-волосатик мой, касатик! Как давно это было, когда я выучился ничего и никого уже не бояться... Пусть дрожит тот, кто живет ворованной жизнью, у кого совесть вся заштопана... – Али, сжав руку в кулак, постучал им по груди, застонал. – Как здесь болит, какой здесь камень лег! Камень мук лично моих и всех до одного чеченцев. И ингуши тоже рядом там... Ага! Есть? Есть! Так много на воле дармового воздуха, а нам такой ничтожный кусок отрезают – дышать не хватает... – он разом высоко вскинул ноги, перебросил их через скамью и, сев к столу лицом, опустил на него локти, подпер голову обеими руками.

Николай шумно спрыгнул на пол, уселся напротив Али, сочувственно посмотрел на него и как можно мягче сказал:

– Али, ты смотри прямо на меня и представь себе, что рассказываешь все лишь одному мне – так тебе будет легче...

Но тут впритык рядом с Николаем тяжело опустился Магомед:

– А почему тебе, Николай Иванович, а не мне? Его боль тебе что, больше моего болит?

Али слабо улыбнулся:

– А вы давайте, поборитесь. Кто победит, тот и будет моим батыром! Слушайте все во все ваши уши, но истину правды до конца я и сам не знаю... Но Николай прав: лучше рассказывать так, как будто одному кладешь на стол свой очень красный партбилет. Ага... Есть? Есть! – сказал, и тут же глаза его стали смотреть вверх их голов и сквозь крепостные стены тюрьмы. Стало тихо.

Али начал, как бы разговаривая сам с собой:

– И-йах, Аллах! Сейчас солнце наставило свой огромный глаз на наш Ишхой-Юрт, и дуб наш полощет в его свете свои иззубренные листья. Машет, как зеленым флагом, новым побегом вместо обрубленного молнией. Ага... Это же лучший месяц из всех двенадцати детей года – август... Как много там, в нашем ущелье, в нашем селе, в нашем дворе хорошего солнца – все небо там поместилось. И как солнцу всегда приятно было смотреть туда. А теперича... И-йах! Ничего тяжелее нету для сердца, как видеть дом своего детства пустым – твой родной, отца родной, деда родной, прадеда родной дом... И – заглохла жизнь, порог колючим бурьяном зарос – никто не выходит, никто не заходит. Ни мышей даже, ни крыс – где нет человека, у которого можно чем-то пожить, там их тоже нет. Иблис-черт и иблис-женщина есть брат и сестра. Ага! Потому никак невозможно мужчине одержать победу над женщиной. Ей-богу! И вот я и мой жена...

Магомед не дал ему продолжить, тоже напросился к нему в учителя русского языка:

– Уважаемый Али, следует называть ее «моя», а не «мой» – жена женского рода.

– Спасибо, Магомед, знаю сам, какого она рода-племени, но сейчас меня тянет так гнуть язык урусов. Она собачьего рода, а не нормального женцинского. И еще: я мужчина, и никому не надо в этом сомневаться. Значит, надо говорить не «моя», как женщине полагается называть все вокруг, а «мой», раз ты настоящий мужского рода. Есть? Есть! Больше никто пусть не говорит под руку – это все равно, как оглоблю совать в спицы колеса... Лучше я верного друга позову, –

он указательным и средним пальцами достал из кармашка только что накануне припасенный бычок. Рачик поднес зажженную спичку. Али поблагодарил его долгим кивком головы, несколько раз глубоко затянулся, затем порциями, уже через рот, выпускал дым. Он заранее знал, что не сможет выговориться, и потому не облегчение почувствует, а досаду на самого себя, что все-таки раскрыл рот. Но ведь и молчать нельзя – закон камеры не позволяет!

Ополовиненную сигарету положил на самый краешек столешницы – пусть сама погаснет, а там и в третий раз можно ее использовать.

Но она не гасла, неспешно курится и курится, пуская вверх тонкую струйку синего дыма. И тогда Али затушил ее, слегка прижав к торцу стола, а окурочок опять спрятал в кармашек.

– Ага, Николай. Ага, Магомед, и ага всем тоже. Всем ушам одинаковая свобода слушать. Тот день был еще до рождения проклятый день – тринадцатое августа. Я и мой проклятая жена были стукнуты в голову такой мыслью: поехать в Моздок за книжками-тетрадками, карандашами-марандашами для детей – у них уже школа медный колокольчик приготовила позвонить, садиться, прямо держа спину, за парту. И тут нам совсем крепко повезло: шофер наш пседахский туда ехал как раз на «Газ – пятьдесят один» и повез в кузове бесплатно, плюс с ветерком. И-йах! Какой это большой праздник, когда тебе по одной дороге с хорошим человеком – два века потом живи и два века будет сердце греться на солнце такого праздника. Ага, ей-богу!

Али прямо-таки засветился изнутри, его круглые зеленоватые глаза чеченца засияли; постарались разглядиться и морщины на лице, но это им не совсем удалось...

– Но я вот какой всем бесплатно урок открою... Может, не всем, – он стал смотреть не на самого Урусхана, а на нары, чуть поверх нар, на которых он лежал на спине, закинув руки за голову. – Не всем в науку мой дармовой, бесплатный совет, но все-таки открою одну подпольную тайну радости. Ага... Вот я сказал, что шофер с нас не взял денег, даром привез в Моздок, и была радость праздника от мысли, что есть и такие по-человечески людские шофера. Однако часто то, что досталось даром, потом вымогает у тебя двойной расход. Есть? Есть! О чем я говорил, когда начал? – Али вопросительно смотрел то на Николая, то на Магомеда. Те только недоуменно переглянулись, один пожал плечами, другой широко развел руками.

– Ага, сам вспомнил. Пусть на меня Аллах не положит в запас обиду, но то, что я сделаю ради Него, то же самое не пожалею сделать ради моих детей. Но колдунья и ведьма-сердце стало оказывать мне сопротивление еще накануне – не хотело меня, собака, пускать в Моздок. Но дети же, дети! И школа же в медный колокольчик через день-два зазвонит. Выхода никуда нет. Деньги взял я, а жена ворчит-бурчит и чуть не кричит, что, мол, без моего полного доверия к ней – она запросто может отказаться и от своей малооплачиваемой должности матери для моих детей. Знает женщина, какой клапан в мужчине следует до конца нажимать. Я тогда незаметно для ее сыщицких глаз спрятал семь рублей в потайной пистончик, вот сюда, – Али показал на карманчик под самым поясом.

И тут большие глаза Рачика заиграли-заблестели радостью следователя, наконец-то уличившего подследственного во лжи благодаря своей железной логике! Он, обеими руками опершись о стол, не сдержал торжества:

– Но ты же не признаешь эти брюки своими!

– А что, шомихи-армянчик, мои свои брюки... свои мои персональные штаны были из такой крепкой стали сшиты, что в них никакой бурав не мог пробурить карманчик-пистончик?! Есть? Есть! Ага... И очень не надо, предупреждение сделал я, переезжать мою речь, давить ее шланг для воздуха – я и так насильничаю себя видеть то, что не хочу вспоминать – клещами вытаскиваю слова из груди, так глубоко они там застряли. Откуда вытащу – там кровь начинает сочиться. Такое дело, ага...

– И у меня самого такое бывает, – смиренно сказал Рачик.

– Вот видишь! А детей мне Аллах целых девять доверил!

Сергей по-женски всплеснул руками:

– Вот это передовик социалистического производства детей! Что, совсем свет не тушили?

– Еще больше их было, Шешо-Шошо, еще сверх того, и-йах, трое было. Но Аллах их обратно потребовал – наверное, на том свете у Него недостача детей вышла. И это по вине осетин: когда жениться пора – они на тормоза жмут, а когда все-таки берут девочку, детей штуки две-три всего дают Родине – тушат свет во всех комнатах, раз у него, у осетина, язык вывалился и – все, больше не может... Скоро за границей будут покупать осетины детей, как Китай воробьев! Но мы ушли лично от меня в сторону: вы мешаете мне курс речи держать... И-йах! Сперва Аллах призвал к Себе их мать, этих троих. А теперь вот других детей лишил меня. Отнял их... Нет! Меня отнял у них, отца лишил живых, которых девять штук. Ага... Но никак нельзя разрешать себе на Него жаловаться, всегда только благодарным быть надо – ты ведь не видишь того, что видит Он! Есть? Есть! Человек делает предложение, Аллах устраивает расположение. У тебя – слово, у Него – дело. И-йах! Очень трудное это занятие – жить. Долг. Перед сегодня. Перед вчера – предки очень зорко следят из ахерета за каждым. И – перед завтра тоже у нас долг. Поэтому абсолютно нелегко быть чеченцем. Тяжело быть и осетином. И – всем. Даже русским. Вообще груз большой таскать надо, если тебя назначили человеком. Да, так есть. Сам каждый пусть кругом подумает, сколько мыслер его может проскакать вдоль берегов неба, туда, где оно вместе с землей шатер образует, купол. Ага...

Николай аж вскинулся:

– А почему это ты, Али, про нас, про русских, так отзываешься – пренебрежительно?

– Когда? – искренне удивился тот.

– А тогда, когда сказал «даже русским». Всем быть собой, настоящим, трудно – безоговорочно трудно быть, а вот русским с оговоркой!

– Закрой, Мясоруб, поддувало – кишки простудишь! Каждый из нас, между прочим, больше русский, чем ты!

– Мальчик! Не лази прежде старшего в топку, он хороший вопрос на попа поставил, – Али подвинулся так, чтобы оказаться вполоборота к Николаю. – Ты свой кинжал – кровную обиду – не выхватывай из кардзама⁹. Русским быть легче. Хочешь знать, почему? Хочешь, ага. У вас за кровь платить надо? Нет. У вас к незнакомым... Даже знакомым в одном ауле... селе... деревне... хуторе на похороны ходят? Нет. Только к родственникам. У вас старший в особом месте почета? Нет. У вас женщина знает свое женское место? Нет. У вас русский, встретив русского в Японии, будет рад ему как брату? Нет. Хватит пока разницу ставить на попа? Молчишь? Правильно решил. Но я, Хромой Али, большое уважение имею к русскому человеку – он и враг хороший, убить не жалко; и друг хороший – потерять жалко. Ага! Есть? Есть! Теперь я толкаю свой вагон биографический назад – по ржавым от моей, чеченской крови, рельсам. Опять даю согласие: других кровь тоже много соли имеет и тоже обильно текла... Ох, курить как тянет, но отложу. Ага, вперед по шпалам... Советскому волку многих безвинных овец слезы должны отлиться! Ага, ей-богу! Из детей только двое не бегают с утра в школу – это Илим, который еще держится за хвост всех, и тот, который Юсуп, старший из мальчиков – все четырнадцать лет уже на свой личный счет записал. И – мне хватит, говорит, я лошадь больше урока люблю, говорит, люблю на ней сидеть-скакать и овец-баранов пасти. Уши заткнул нынешней молодежной наглостью и не слушается, еще хорошие слова впридачу придумал: хочу, говорит, отец, своих братьев и сестер растить, поить-кормить помогать тебе, вывести на такую правильную дорогу, которая ведет в хорошую и красивую нашу советскую жизнь. Ага... Где так, подлец, обучился головой работать и языком слова молот, этого я как-то не успел заметить... А дочка Патима, самая впереди идущая, уже им команды дает. По голове погладит редко, по месту сзади часто как задаст – длинная рука, очень удобно хлестать на благо уму. Но тут еще дальше вперед лезет моя тревога, в рельс бьет, набат организует... Юсуп из чеченских

корней берет чеченский сок, умные глаза у него, смелые. И ружье есть чабанское, и нож острый. Но кровь еще с водой – быстро закипает. Рядом с ним беда в кустах прячется – в любой момент выскочит сделать большое горе. Которое не поправляется... это... непоправимо то есть. Ага, ей-богу. Как теперь, кто теперь мозги Юсупа будет держать в прохладе ума, чтобы кровь не так быстро закипала?... Некому делать хорошее это дело – пожар молодости заливать умной водой... А Патима... Много раз я это, и-йах, вынужден буду по ее поводу сокрушаться: девка же. Плюс красивая. В крайний класс пойдет – который первый у выхода из школы, с аттестатом зрелости-спелости. Совсем ее дело пропащее – Дзубараевы каждую минуту готовы ее схватить и умыкнуть, похитить. Я когда стоял впереди, не подпускал их так близко, чтобы протянуть руку и утащить. Теперь там, впереди нее – никого. Юсуп у них не в счет, тем более знают они, что он хочет еще и велосипед рядом с конем. Купят. Подарят. Он тогда отойдет в сторону, а ты подходи и бери себе Патиму. Но она очень приглянулась и Гайтаевым – как раз в жены его сыну, говорит, подходит такая девочка: все умеет, а еще все оценки пятерки, которые выделяют их классу, она приносит домой полную сумку-портфель. Ага... Если бы только один Николай был со мной рядом, я бы выругался так, как не положено старику, но зато стало бы немного легче этот воздух глотать. Но сейчас нельзя: кругом молодежь, а Магомед тоже поймет, если я отведу душу по-чеченски. Поэтому опять нельзя. Совсем в капкане, ага. Есть? Есть! Не знаю, почему Аллах решил, что меня тоже еще не поздно отправлять туда, где выдают масло для головы, из которой оно вытекло. Это для того, наверное, чтобы я – с поверхности земли, отсюда туда – под траву, на всякий случай умным ушел. Или же еще пригожусь на что-нибудь в верхней жизни? Я знаю: мир потому так красиво сделан, таким разным в картинках – горы есть, степи есть, леса есть, реки, озера, болота; есть даже такие места, где в одном месте собраны горы, леса, моря, а еще вдоволь солнца. Но есть самое красивое место, где больше всех собрано солнца – это наш дом под дубом... И в дуба сыграть самое желательное тоже бы там. Ага, ей-богу. Не на миру она красна, лучший друг наш – наша смерть, а в своей постели, когда кругом твои дети, семья, и дела идут по порядку, как им полагается. Но на нее, на друга-смерть, не надо терять ни минуты своей жизни, все надо использовать до капли для нее – для жизни. Ага!

Али докурил сигарету, не оставив бычка – выбросил, когда огонь уже стал обжигать ему подушечки пальцев.

– Ага... Хороша история про курицу. А нас довез, значит, шофер, не взяв денег. Надо же! Шофер, а сам денег не взял! Если жить, кого только не встретишь в лесу жизни! И вот мы, я и мой жена, где? На жидивокзале Моздока. На железной дороге вокзале. Мы так на два своих ума решили, что ночь проведем там, по очереди посним на сиденьях зала ожидания, а совсем рано утром пойдем на базар, посмотрим цены, может, что и купим, закрыв глаза, а потом хайда марш от магазина к магазину. Но неожиданно вдруг жена говорит, ты, говорит, Али, здесь посиди в прохладе – в Моздоке солнце всегда не бережет дрова – хорошо топит, печка постоянно горячая – а я, говорит она, сбегая тут близко на маленький вечерний базарчик и прихватив что-нибудь на ужин нам здесь, в сухую мятку, – теперь он обратился уже к Магомеду. – Правильно тут я собрал русские слова вместе?

– Где тут? – встрепенулся тот.

– Тут, в сухую мятку? Это русский тоже так тут скажет? Ты, Иванович, совсем молчи.

Магомед стал тарашить глаза, не врубаясь в суть вопроса. Урусхан хмыкнул про себя – ему понравилось это: сухая мятка; Рачик пока тоже не улавливал юмор ситуации; Николай прыснул, а Сергей торжествующе-ликующе вскрикнул:

– Яичница всмятку из сапог! Каша у Маши из топора! Кушать всухомятку, то есть когда нечем промочить горло.

– И-йах, Магомед, не поймал ты мою муху. Я забыл – шустрый мальчик напомнил: надо выговаривать так – всухомятку. Всу-хо-мят-ку!

– Я знаю, но сразу не врубился.

– Но надо сразу, Магомед. Сразу! Ничего, ты еще от меня на полпути позади, будешь долго жить и учиться стрелять сразу, пока заяц не убежал. Ага. Есть? Есть! И вот второй раз в тот день – тринадцатого, значит, августа – я, который считаю себя с начала до конца нохчи, явным чеченцем, послушался жены: первый раз – это когда ей всю кучу денег отдал, всего семь рублей в пистон спрятав; а второй раз – это когда на вокзале отпустил ее на базар, а сам остался ждать ее возврата с моря вместе с хорошей погодой – то есть с ужином имел на уме. И-йах! Каким дурак-идиотом умеют делать нас они, не до конца человеки женщины, этому даже Аллах удивляется всю жизнь... Ага... И вот я, уже полностью готовый дурак-идиот, сижу, хожу, сижу, выхожу на улицу посмотреть, нет ли еще никакой погоды со стороны не моря – а Терека... Нет. Тогда я иду куда? Я иду в буфет, который полный мух и вина «Агдам», беру одну бормотуху, беру еще твердую, как подметка, булочку с ливером будто бы внутри, еще плюс очень красную пачку «Примы», ухожу в самый угол зала ожидания погоды и там соображаю пир горой: делаю жадный глоток будто бы вина, с трудом откусываю пирожок и включаюсь ждать дальше. Потом пирожок только нюхал, а «Агдам» глотками-глотками завершаю. В голове начал бить сперва колокольчик – дзинг, дзинг, потом как забухает целый кузнечный молот – это мой гнев начал делаться вдрызг пьяным от вина и злости. Это ни для кого не хорошо, а для чеченца вообще категорически против показано исламом. Есть? Есть! Вышел. Курю. Хожу туда, иду обратно сюда, будто я ищу пропавшие ключи. Не уронил никаких ключей, значит, и найти ничего не найду. Но точно так же не вижу мой жена, которая ушла ведь, была ведь, есть же она на самом деле, а вот – нет ее до сих пор. Когда уже Моздок все свои фонари на улице зажег, и в домах свет – вижу – включили. Там, в домах, у всех мужчин их жены вот, рядом, им ужин сейчас подадут, а мой... И-йах! Мой гнев совсем залез на печь, где горит огонь этого пойла-дурмана «Агдам», и кипит уже, переход совершил в злобу, в ярость. Потом в тревогу: а вдруг ее ограбили? Увидели столько денег и... Я же их, когда из Пседаха выезжали, в старый, рваный кошелек-рухлядь положил, в грязный носовой платок нарочно завернул – упадут если и если кто найдет, чтобы побрезговал разворачивать, да и с земли кто поднимет такое барахло – ногой стукнет прочь с дороги. Ага... Я иду куда? Я прямым ходом держу курс на базар, на тот самый маленький, не воскресный который – он-то будет завтра, воскресный. Там уже почти пустынно, один солдат еще ошалело бегаёт – ищет подешевле малосольные огурцы на закуску к какому-нибудь «Агдаму». Одну женщину-огуречницу спрашиваю: ты, говорю, случайно не видела женщину тут, чтобы на мой жена она близко смахивала? Не случайно, отвечает она, а даже специальным образом очень хорошо рассмотрела ее, такую породную-дородную. Но она, говорит продавщица соленых огурцов, не одна была... И-йах! Почему небо так крепко держится за другое небо, которое над ним, а вот в такую минуту не падает-рушится вниз, чтобы... Надо быть чеченцем, чтобы дошло до тебя, какую пакость-новость такую мне сообщила торговка. Это же как поместить мне в голову, где и так полно злости и тревоги, что мой... Мой! Что мой, чеченца жена, была не одна, а... «С кем, с кем?» – уточняя на всякий случай, вдруг она, хозяйка вкусных по виду огурцов, неправильно провела опознание и мне выложила на прилавок такую соленую и горького перца шутку-огурчик! Они такие, эти язык-бритва казачки, шутки шутить любят, но чтобы такие забавы играть с кавказским горцем, тем более, когда он до кипения разогрелся «Агдамом» – этой бормотухой моздокского собственного залива в бутылки!.. – сказал Али, приложив кулак у сердца. – Здесь уже не хватало емкости для боли. Боль и горе от стыда... Ага... Я опозорил себя, раз мой жена на базаре не одна... Я опозорил имя любого чеченца, раз позвал в жены такую женщину и хоть одну ночь провел с ней под одной крышей... И познакомился я с ней, будущей женой то есть, моздокской казачкой, здесь же, на базаре...

Али, словно совершая намаз, воздел руки к небу, пошептал что-то про себя, потом указательным и большим пальцем, образовав из них дугу-серп, несколько раз слегка сжал горло, сдерживая стон.

– Ага... Еще не готов у Аллаха мужчина, который напишет на поверженном рейхстаге женщины, что он разгромил ее, победил! Заставил полностью капитулировать. Почему? Потому, говорю, что она есть женщина, которая не мужской человек, а совсем наоборот: она абсолютно совсем другой кто-то. Ты будешь с ней жить под одной черепицей хоть целых двести сорок лет, но будет ошибкой с твоей мужской стороны, если ты народу вслух скажешь, что тебе вот известно, кто и что она есть, женщина – твой жена, мать твоих детей. Теперь я кто был? Я был милицейский пес-собака, который идет по следу. Где след и куда поведет? Если с ней вдруг был наш общий знакомый – нормально. А если это... А если рядом пристроился вовсе не знакомый, а посторонний бык, и она его, вместо того чтобы отшить, наоборот, пришла к груди хотя бы на бильярдский час-другой, то... Если же все-таки общий наш знакомый, то они пойдут на вокзал. Возвращаюсь туда. Завидую собаке, которая бы взяла их след, а я не собачья собака, а человеческая ничемная собака. Пусто на вокзале, совершенно тоскливо. Люди есть, но другие, а ее и никакого нашего общего знакомого тоже не видать. Мысль насильно влезла в голову: иди спросить у советской народной милиции. Она там, на вокзале, всегда есть. И подхожу к дежурному, говорю, мой жена так и так, а сюда не вернулась. Надо розыск дать. Он на меня своего полкана спустил, иди, говорит, отсюда, бочка барды. И еще обиднее этого приговор вынес: ты, сказал, никакой не чеченец, а карикатура, самодельный чеченец – у настоящих, у них таких жен, которые пропадают, сроду еще не водилось! Не стал я его разубеждать в моих качествах чеченца – тогда бы мое дело совсем швах стало. На рубль добавку он еще подбросил, такая жена, говорит, не пропадет – подберут... Сижу опять. Перебираю несколько без спросу опять пробравшихся в голову мыслей, бракую остальные и выбираю из них на почетное место умной ту, которая подскажет выход из положения дурака-идиота. Ни одна не выдерживает такой экзамен. И буфет уже закрыт, а то бы еще повезло «Агдаму» – обрадовался бы, что он не такой уж дрянной, раз я его второй раз выше подбородка поднимаю... Хорошо, хоть курить пока есть. Я обзываю по-всякому себя, ишаком там старым, тряпкой ноги выгирать назначаю, еще индюком без присутствия мозгов и так далее. Но это не приносит мне облегчения, тут нужен кто-то такой посторонний спасатель, который бы часть твоей боли взял на себя, а не взял бы – тогда бы ты имел причину сорвать все свое зло на нем, раз он сам добровольно подвернулся под очень горячую руку. А еще желательнее, чтобы кто-то один на самом деле был перед тобой кругом виноват! Хорошо всегда иметь перед собой виноватого в том, что ты есть несомненный дурак-идиот! И-йах! Есть? Есть! Одно еще везение: пока продолжается лето, потому и ночь еще короткая. Вот-вот солнце решит, что хватит ему спать и встанет. А мне что-то, не знаю конкретно, что и кто, но подсказ такой поручил, иди, мол, к Тереку. Там – камыш, там кусты, там есть места, куда можно заманить чужую жену, говоря ей для приманки в скоростную любовь, что она такая породная-дородная, что ой-ой какая! Что она такая, какая до сих пор ему, охотнику базарному, ни попадалась, сколько он ни бродил вокруг да около. Подсобит своему мужскому делу, если не ленится часто говорить женщине «люблю». Я сам, если на мой жена не зло смотрю – это уже надо так считать, что тоже сказал такое круглое слово, гладкое со всех сторон. Терека берег – трава по пояс. Была бы до головы, но она пригнулась от тяжести крупной и холодной воды-росы. В траву зашел – в воду вошел. И кустов тут хватит на всех жен Моздока, если кто из них на базар пошла подцепить на свой крюк мужчину на одну ночь мимо мужа. Ага... Есть? Есть! Тут я переведу дыхание на другую скорость, подготовлюсь к самому ответственному моменту, – Али по очереди посмотрел на Николая, Магомед и Сергея. – Это... А у вас кто тут завхоз, у кого брать разрешение взять еще одну сигарету взаймы – верну, – коротко засмеялся, – на воле, которую мне уже век не видать, или если мне сюда от кого-либо что-либо как-нибудь придет вроде передачи... И-йах!

– О чем разговор, дед?! – Сергей привскочил, выхватил из пачки сигарету, прикурил ее от зажженной Рачиком спички и так, уже дымящую, преподнес – торжественно, только туша не хватало! – Али. – Кури, отец, на здоровье. Пусть с дымом уйдут все твои болячки, хвори сердца!

Недолго и на этот раз курил Али – вдохнул два-три раза взхлеб целебный дым и снова потушил сигарету, как в первый раз – сплюнув на ладонь... И спрятал туда же – в кармашек куртки.

– Ага! Где я привал рассказу сделал?... Я искупался, значит, в росе, весь промок, но пры дальше к кустам – снова подсказка изнутри привалила мне, чтобы там проверил. Мои глаза уже хорошо видят – не куст целый даже, а отдельные ветки; уши же все слышали с самого начала охоты – муравей бы в это время побежал по своим на потом не откладываемым делам – наверное, услышал бы, настолько слух был обостренный... слышимость сама была сначала такая, потом в роще птички радость хором подняли, что вон солнце свое красное колесо вкатывает в небо, и у них, у пташек, которые совсем даром песни поют всем без разбору, не выделяя хороший – плохой человек. Ага... А я тут что? Тут я слышу поверх песни птички стон. Женщинский легко узнаваемый стон. И за ним сразу крик, чтобы люди, которые добрые, ей помогли. Крик такой, какой только женский в испуге голос нарисует. Я попер в этом направлении напролом – какой тут еще заслон трав, росы-воды, мокрой одежды и другой чепухи – нет мне преграды... И-йах! Есть? Есть! И, думаете, что я вижу вот этими, – Али поднес к глазам указательный и средний пальцы, – глазами? Вижу, отлично вижу что? Ясно вижу, как... И-йах! И еще раз и-йах! – Али задышал часто, часто. И лишь потом, сделав глубокий вдох, продолжил. – Вдруг мне стало так тоскливо, до того мне обидно-горько стало за себя, за всю мою жизнь, за то, что я, как-никак чеченец, по намешке неба очутился в положении таком исключительно позорном! Кругом такой для справедливой жизни мир: туман красиво поднимается, солнцем раскрашенный: вдали роща черной стеной смиренно стоит; Терек недалеко тут такой большой, такой сильный – течет, будто он не жидкую воду уносит, а наше время уносит – время растаяло и стало водой, и Терек ее уносит, чтобы море Каспий чувствовало себя хорошо, оставался морем – кому счастьем, кому – горем. Ага... И солнце так красно-красно будто смеется, радуется, видя горы, море, степь Моздока, местами черно-зеленые острова леса; видя во всю длину честь и гордость Северного нашего Кавказа – храбрый Терек. Все прибыли сюда жить по его берегам: грузины, осетины, ингуши, кабардинцы, русские, казаки, чеченцы, ногайцы, кумыки, еще дагестанцы из других наций... Ага... Такой Аллаха изумительный мир, а я, Али, который еще и Хромой Али, иду куда? И – вообще здесь зачем? За что Аллах повернулся ко мне спиной? И-йах! Иду туда. Никто и ничто мне сейчас не шлагбаум, не светофор, не тормоз! Голова – трезвая. «Агдам» давно в пар ушел. И глаза зоркие – им вино давно не мешает отличать мертвые предметы от живых. И вот у куста стоит большой мужчина и что он делает в этот момент? И что я вижу дальше? Гляжу, а там еще один мужчина. Вдруг тот, второй, обернулся и через плечо увидел меня. И он, когда развернулся всем оборотом, разглядел меня целиком. И, крикнув что-то, давай деру прочь. Ей-богу! Другой пошел на меня в лобовую танковую атаку. И еще кричит, куда, говорит, ты приперся, ишак хромой?! Есть? Есть! Логика сует мне подсказку, что он знает меня лично-персонально, раз знает, что я хромой! То, что обозвал меня ишаким, мимо ушей улетело в сторону Терека, а вот это, что я хромой, меня как молнией бабахнуло, – Али снова постучал по груди, – в самое сердце. И тут раздается знакомый женщинский голос, такой, какой имеет мой жена: «Али! Убегай! У него нож с кнопкой!» Как это так, чтобы я, пусть даже самый паршивый из всех чеченцев, из всех никудышных мужчин, но вдобавок еще и убегал?! Кто и когда и где видел убегавшего в страхе чеченца? Пусть доложит. Да пусть у него даже не кнопочный нож, а водородная ракета с кнопкой! Ага. Есть? Есть! Это... – Али оглядел снова внимательно-изучающе сидящих рядом Николая, Сергея и Магомеда, после, вытянув шею, посмотрел на Урусхана и Рачика. – Я это... Я не очень гладко вру? Нет, не вру, а не слишком себя показываю этим... смелым? Дурацки смелым?... Страх у себя дома забывшим?

– Нет, нет, Али. Все в норме. Ты прервал свое кино на самом интересном месте. То есть, так в кино рвется лента на самом прикольном месте...

– Тебе мой беда – кино, а, мальчик?

– Что ты, Али! Мне за тебя так обидно – как бы я хотел оказаться там рядом с тобой! Я бы этому бугаю!..

– Спасибо за помощь... Ага, за помощь, если бы ты оказался там... Значит, я не умею с самого детства убежать и стою, а тот прет танком в задуманную свою атаку, смело идет: нож ему служит вместо фронтowych ста грамм. А еще он видит, что мои руки голые, что я рядом с ним старый, что у него обе ноги здоровые, и он мне рога обломает. И тут, когда он уже рукой мог меня достать, из его сжатого кулака вперед нож выскочил, то есть лезвие, и на солнце блеск издало. Он, окончательный, не поддающийся под лечение, дурак, раз не знает заранее о том, что я, Али, умею кое-что хорошо делать. А я умею кое-что, умею. Ага... Ей-богу! А он прямо мне в живот уже направил жало кнопочного ножа. Я же не боюсь, не в плане у меня бояться, и если бы у него водка не вымыла из головы масло, то он бы в обязательном порядке удивился, почему это я его, такого вооруженного, не боюсь, не убегаю спиной к нему, а спокойно стою к нему лицом и жду, опустив руки, как веревки. Но они у меня готовы – в них силу я уже загнал, как в ствол ружья патрон загоняешь, и только ты курок спустил – смерть вперед прыгнула в грудь кому-то. Он – еще шаг до меня. Я тут руки на большой скорости скрестил – нож вперед до меня не пройдет, я остановлю, схвачу эту руку, которая нож держит и – раз, поверну наоборот. Очень быстро это надо делать. Сделал. Он, ой-йо-йой, больно-то как, говорит. И роняет нож, как еще его держать, когда больно ему так, что молодой бык-мужчина говорит ой-йо-йой. Падает нож в траву, а я хватаю его. Он бьет меня ногой в пах. Хотел еще раз, но я-то не хотел уже, и тут что-то порвалось в голове, так, кучерявый мальчик, твой кино рвется: не помню, как это я ему расцарапал живот. На все, говорит суда экспертиза, двадцать пять сантиметров. Жалко, конечно, живот-то молодой еще у глупой головы, но я был в эффекте... Так же, Николай, это называется у вас, у урусов?

– В аффекте. А можно и так: «В эффективном аффекте!»

– Ага, в аффекте в афтеке¹⁰... И что, говорю следывателю Бондаренко, которого туда вызвал первый убежавший бугай, что я не хотел совсем никого ни царапать... Я что натворил? Я всего лишь, говорю так следывателю Бондаренко, открыл вам, для советской, очень народной милиции, скрытого от ваших зорких глаз преступного элемента, который для трудового общества представлял большую общественную опасность. А ты, Бондаренко, меня вместо благодарности куда направил – в КПЗ, потом в Белую тюрьму столицы Осетии. Ага... Он смеется себе в очень радостное удовольствие. Не верит, что я был тогда хуже раненого зверя – это я вам до конца честно, досконально правдиво признаюсь. Человеческого сердца у меня уже не осталось ни грамма, его у меня вытащили и под чужие ноги, которым нравится топтать чужие сердца, тем более им особенно приятно, когда узнают, что под ногами у них не какое-нибудь чепуховое сердце, а именно сердце злого чеченца. Всем же им, ясно дело, жалко Баранова – так ему фамилия, у которого я живот немного попортил...

Перевод с осетинского автора.

Продолжение следует.

¹ Атан и Аман – Адам и Ева в осетинской мифологии. (Здесь и далее прим. автора).

² Бала – горе, бедствие, несчастье.

³ Каймаг – всемирный потоп; День воскресения.

⁴ Ахарат – День Страшного суда.

⁵ Адзал – смертный час; образ, вид смерти.

⁶ СИЗО – следственный изолятор.

⁷ Теман – большая игла для стачивания теплых одеял, матрасов.

⁸ КРУ – контрольно-ревизионное управление.

⁹ Карддзам – ножны.

¹⁰ Афтек (*искаж.*) – аптека.

Драматурги

Арсанукаев Муса

«Хъан гергарчу стеган гергара стаг ву со»

Сценка

Дакъалоцурш:

КАТУХАЕВ – хъаким, к1оштанан администацин
куыйгалхочун заместитель, 35-40 шо
ДЕЗАЕВ – дехархо, 45-50 шо

ДЕЗАЕВ: Собардехъа, дукхаяхарг, сан кху чохъ доккха г1уллакх а дацара, со х1инцца араволу хъуна... (*т1ехъа хъоьжуш, лен а луйиш, чохъаволу Децаев. Кабинета чохъ стоьла хъалха Иаш Баштар Даштарович Катухаев ву*). Де дика хуьлда хъан, Баштар Даштарович!

КАТУХАЕВ: Диканца вехийла! Хъо лаа варий? Сан нах т1еоьцу хан чекхъьялла.

ДЕЗАЕВ: Валлах1, пхи сахът хан ма ю со, хъуна т1екхача г1ерташ, оцу учахъ Иаш волу!

КАТУХАЕВ: Ойн, ахъ х1ун дуйьцу? Оццул веа хъо х1унда Иаш вара? Кхана хъалххе юхавог1ур вара-кх...

ДЕЗАЕВ: Со тахана духъхъара веана ма вац. Хъалха со веача, шун оперативни совешшани яра, цул хъалха веача специални совешшани яра, цул хъалха веача хъо лакхарчу хъакамаша д1акхайкхинера – иштта, хъуна т1екхачар ца нислора сан. Бехк ма биллалахъ суна, ас хъан дукха хан а йойьур яц.

КАТУХАЕВ: Дика ду, схъадийцал хъайн г1уллакх сихонца, сан хан янне а яц хъуна.

ДЕЗАЕВ: Деллахъа, оцу компенсацина кехаташ дара вай чуделла. Х1инцца иза схъадала долийна бохуш, нахана юкъахъ цхъацца хабарш хезнера суна. Массара а хъоьга аьлча, г1уллакх хир ду бохура. Оцу т1ехъ накъосталла дан аьтто хир бацара те хъан аьлла, веанера со. Хъо вайн районерчу баккхийчу хъакамех цхъаь а вара... (*Катухаев шеконца хъоьжу Децаевга*).

КАТУХАЕВ: Хъан аьлла хъоьга суна т1е вола?

ДЕЗАЕВ: Деллахъа, иза-м шун гергара а волуш ву.

КАТУХАЕВ: Тхан гергара нах дуккха а бу, х1инцца къаьсттина алсам а бевлла уьш. Ц1е х1ун ю цуьнан?

ДЕЗАЕВ: Чомбаев Бакар, Дагарш а олу-кх цунах.

КАТУХАЕВ: И ц1е йолуш сан-м вац цхъа а гергара стаг.

ДЕЗАЕВ: Ойн, муха вац? Хъо шен ненан шичин к1ант ву ма бохура цо.

КАТУХАЕВ: Х1инцца ахъ вуьйцург суна дага-м ца вог1у.

ДЕЗАЕВ: Шегара ву аьлча, ахъ г1уллакх дийр ду бохура цо.

КАТУХАЕВ: Суна ца вевза и стаг. Кхин хъан ала х1умма а дацахъ...

ДЕЗАЕВ: Ойн, собардехъа Даштар Баштарович...

КАТУХАЕВ: Сан ц1е Баштар Даштарович ю. Х1инцца хъо парг1ат хила мегар ду, д1авало, болх бан новкъарло ма е!

ДЕЗАЕВ: Делан духъа ма билла бехк Даштар... аьлча а, Баштар ... Сихвеллачохъ ц1е нийса ца яккхира ас. Добху, цхъа-ши дош сайга алийтар. Гой хъуна, и хъан гергара стаг билггал хъан гергара ву. Шун ненан шичин Чомбин Гусманан к1ант ву иза. Чомбин Гусман дагавог1у хир ма ву хъуна, Даштар ... бехк ма биллалахъ, Баштар Даштарович? Хъо жима волчу хенахъ ша карахъ лелийна бохура цо.

КАТУХАЕВ: Ца вогу суна дага я Чомбин Иусман, я цуьнан ворххе да а! Битахь суна ца бевза нах. Ахь баха мукъане а хIун боху?

ДЕЗАЕВ: Юха а доьху хьобга бехк ца биллар! Гой хьуна, оцу... (*озалуш, Катухаевга хьожу*) Чомбин Иусманан кIант Бакар сан маьхча ларалуш ву, ткъа иза хьан маьхча а хуьлу. Иштта, хьан гергара стаг сан гергара хилча, вайшиь а ма хуьлу гергара. Ткъа юкъахь гергарло хилча, вовшийн гуллакхе хьовса ма деза вай. Вай-м вовшийн гIортораш яй!

КАТУХАЕВ: Хьажал, доттагIа, гIортораш-м яра вай, оьшуш меттиг хилча тIетовжа ца хилахь а. ХIинца айхьа деана гуллакх дийцал суна кхин цкъа а, со дика кхета а веш, ЧомбагIар а ца буьйцуш.

ДЕЗАЕВ: Ойн, дера дуьйцур дара-кх, ахь ладугIуш жимма собар дича-м. Теман заманахь гIишлош йохийна аьлла, компенсцина чуделла кехаташ ду вайн – сан, сан вешин, йишин, шичойн, маьхчойн, доцца аьлча, 18 стаг ву-кх тхо оцу списки тIехь. Тхо ДезаевгIар ду. ХIинца и ахча схьалуш, оцу юкъара тхо ма дахахьара аьлла, дехар дан веанера-кх со.

КАТУХАЕВ: Ахь хIун дуьйцу? БерхIитта стаг? Шун ураме чукхеттарг хIун герз дара? Билггал дохийна дуй шун цIенош?

ДЕЗАЕВ: Ду, дера, цхьаццанхьа ... кор, неI, тхевнаш а дохийна... вуьшта, комиссино акташ хIиттийна тхуна.

КАТУХАЕВ: ХIа-а, дика ду. Кхийти со дерригенах а. И акташ муха хIиттадо а хаа вайна. Гой хьуна, доттагIа, иза чолхе гуллакх ду. Хьалха хиллачу комиссино болх сихаллехь дика ца бина, дукха кхачамбацарш ду цу балха тIехь. ХIинца оха вовшахтоьхна керла комисси ю. Нагахь цо хIиттийна акташ мегаш хилахь, цхьана-шина,я, гергарчу хьесапехь аьлча, кхаа-деа шарахь дог даха йиш хир ю-кх шун.

ДЕЗАЕВ: Муха керла комисси? Кхин цхьаьий? Ойн, хIинца цара хIун боху а хьовса деза тхо? Хьалха хиллачаьрца-м, дIатоьхна-схьатоьхна, халла барт бинера оха. Даштар ... бехк ма биллалахь, Баштар Даштарович, кхин дан хIумма а дац? Тхан акташ, теллина, чекх а ма девллера...

КАТУХАЕВ: Чекхдевлла боху ахь? Дера, ойла ян ма еза цу белхан. Гой хьуна, сан цхьацца накьостех (*цо луларчу кабинетe пIелг хьажабo*) дагавала деза. Нагахь цара хьалха хIиттийна акташ магадахь, вай ницкъ кхочург дийр ду.

ДЕЗАЕВ: Дела резахуьлда хьуна, Баштар Даштарович! Тхо декхарийлахь дуьсур дац хьуна.

КАТУХАЕВ: Вот-вот, декхарх лаьцна жимма хьахо дезар ду. Вай муха ду хьуна аьлча, цхьа хIума дийца а дуьйций, гуллакх декхар схьадаларна тIедаьлча, къайладовлуш Iедал ду вайн. Хьо-м вац оцарах?

ДЕЗАЕВ: Мичара хьуна! Вац дера. Ас Делах дуй буу хьуна, ахь тхан гуллакх дахь, хьуна йогIу парцент оха дIалур ю аьлла.

КАТУХАЕВ: Сайна-м дукха хIума йохур яцара ас, сол лакхахь берш а ма бу вай хIун до хьобжуш Iаш. Хьо кхетий ас дуьйцучух?

ДЕЗАЕВ: ЧIогIа дика кхета, Баштар Даштарович!

КАТУХАЕВ: Кхетахь дика ду. Вай дийцинчух гуллакх хилахь, шуьгара хIорангара 50 процентов йогIур ю.

ДЕЗАЕВ: Муха 50 парцент? Тхобга-м 20 парцент ма аьллера.

КАТУХАЕВ: Дика ду хIета, хьайга иза аьллачуьнга хьайн гуллакх де ала. Вайшиннан къамел а ца хилла, суна хьо ган а ца гина хьуна. ХIинца дIавало кху чуьра!

ДЕЗАЕВ: Собардехьа, Даштар ...ойн, Баштар Даштарович, сих ма лохьа. Сан иштта дIаваха йиш ма яц, соьга хьобжуш кхин 17 стаг ма ву.

КАТУХАЕВ: Кхин сан хьобга ала хIумма а дац: я 50 процентов, я... (*цо неIарехьа пIелг хьажабo*).

ДЕЗАЕВ: ХIан, дика ду, 30 парцент тхобгара...

КАТУХАЕВ: Я 50, я... (*юха а неIарехьа пIелг хьажабo*)!

ДЕЗАЕВ: Ойн, тхуна хІун хир ю цу бухайисинчу шайнех? Къинхетам бехъа, Баштар... хьо наха цхъа дикачу агІор вуйцуш хезнера суна. Цул сов, вай гергара а ма ду. Хъан маьхча волу Чомбин Іусманан Дагарш...

КАТУХАЕВ: Ма вийца суна и Чомбин Іусман! Ас хьобга ца аьлла, суна уьш ца бевза? Хъада, аравала кху чуьра!

ДЕЗАЕВ: ОьгІаз ма эхахъа, Даштар... аьлча а, Баштар Даштарович. Сих ма ло

вай. Дика ду, 40 парцент дІаяла резахир ду тхо.

КАТУХАЕВ: Яхийгта кху чуьра! Ас хІинцца, охрана схъа а кхайкхина, вохуьйту хьо, докъан полла бина! ХІара хІун базар ю ахъ суна хІоттийнарг?

ДЕЗАЕВ: Хъайн Делан дуьхъа де собар! Хьо чогІа оьгІазвахана. Цхъажимма соьга ладогІахъ. Дика ду, 50 парцент а лур ю оха.

КАТУХАЕВ: Это другой разговор. ХІета, ас шун гІуллакх сайн ма-хуьллу сиха чекхдоккхур ду, ткъа аша шай-кай схъаэцарцаний шайгара йогІург схьалур ю. Банкехъ шуна юххехъ сан стаг хир ву, дерриг а цуьнгахула хила деза. Кхийтин хьо?

ДЕЗАЕВ: Кхийти дера, ца кхета хІун ду кхузахъ? Тхуна гІалди-булди, шуна – кай, божжий хуьлу-кх цунах.

КАТУХАЕВ: Ахъ хІун кай, божжий юьйцу? Хьо реза воцуш хІумма-м дац кхузахъ? Вацахъ, къамел доца хир ду! Хьо саннарш сан мел дукха бу хайи хьуна? Только свистни, сразу прибегут. Шен-шен гІуллакх дахъара бохуш, са даІа ма ца вуьту со цара.

ДЕЗАЕВ: Ойн, аса-м хІумма а ца боху, тхо реза ду.

КАТУХАЕВ: Делахъ, дика ду. Вайшиннан къамел шалха ма далийталахъ, иначе горга кепек а хир яц хьуна. Шайн гергарчу нехан список схьало, гІуллакх ма-хилли ас хаам бийр бу хьобга. Кхийтин хьо?

ДЕЗАЕВ: ЧогІа кхийти, дика кхийти. Дела резахуьлда хьуна! ХІан, хІара тхан списка ю хьуна. Деллахъ тхан гІуллакх ледара ма диталахъ, Даштар ... ойн, велла вала со, Баштар Даштарович! Іодика йойла хъан.

КАТУХАЕВ: Марша гІойла, ладугІуш хІума де.

Дезаев араволу. Катухаевн мобильни телефон ека.

ЛадугІуш ву. ВаІалайкум-салам! Шамиль Шапаевич, хьо ву иза? Спискаш? Кийча ю дукха хенахъ дуьйна. Москвара комисси еана? Цехала хьо белхан, хІорш мукъана хІун дан баьхкина? Со хІинцца дІавогІу хьуна, спискаш а яхъаш. (Ша-шега) Деллахъ, ма йиш яцара шу ца даьхкинехъ. ХІинца аш маса процент йохур ю те?

Кирхъа

2013 шо.

Марха Мазаева**Остаешься солью на губах**

Остаешься солью на губах,
никогда хоть плакать не умела.
Бледною рукою сделав взмах,
ты уходишь чистым, гордым, смелым.

Ты уходишь просто, навсегда,
будто бы ничто тебя не держит,
и в последний раз, открыв глаза,
нас увидел. Дальше – гаснут свечи.

Ослабела бледная рука,
пульса нет, давление упало...
Я прошу, прошу вас, облака,
мне и так его ведь было мало.

Каждый день – бинты, лекарства,
боль,
неспокойный сон, переживания.
С вечной раной, вечно видеть кровь,
каждый день все новые страдания.

Тихо в доме, нам нельзя шуметь,
я привычно наливаю чай.
Никогда ты не просил жалеть,
но глаза не могут ведь молчать.

И, срываясь каменной душой
с темных непокорных облаков,
я не знала, где найти покой,
как освободиться от оков.

Что бы ни встречала на земле,
оно было связано с тобой,
я кричала где-то в глубине
своих мыслей в тишине ночной.

P.S.

Я тебя всегда буду любить,
ты давно живешь в моих стихах.
Продолжая после смерти жить,
остаешься солью на губах.

Губами прижимаюсь я к земле

Пока не спится. Помню о тебе.
Я начинаю с боли этот стих.
Раз ритм сердца моего не стих,
Губами прижимаюсь я к земле.

Буду чуть ближе... Ну, хотя бы так.
Дотронуться бы до тебя рукой,

Обнять тебя бы крепко. И покой
Омыл бы мое сердце. Но никак!

Никак не успеваю я сказать
Тебе во снах: «Я знаю, тебя нет...
Я не успела попрощаться – свет
В твоих глазах застыл...» –
но вдруг опять

Я просыпаюсь. Вытру слезы вновь.
До завтрашнего сна, не забывай.
И не забуду я, пока что рай
Открыт, пока не стынет в жилах кровь.

И мне не спится, хочется к тебе
В объятия, чтоб горя зов затих.
Коль ритм сердца моего не стих,
Губами прижимаюсь я к земле.

Научи меня...

Научи меня, Господи,
воронов различать.
Я своей бесконечной
драмой окружена,
И живу для него.
Лишь умею одно – молчать.
Хоть и знаю, Ворону вовсе я не нужна.

Научи меня, Господи,
лучшего выбирать,
Не того, кто блаженно по жилам
течет, как яд.
Кто умеет смеяться
и кости мои ломать
Своим взглядом. Но, Господи,
как же красив тот взгляд...

Научи меня, Господи...
Господи, научи!
Разве я просила тебя о такой любви?!
Мне бы Ворона доброго –
жили бы с ним вдвоем –
А не демона злого,
что проживает в нем.

Как ходить, подняв взгляд?
Улыбаться и говорить?
Раз забыла давно,
как правильно мне дышать.
Все во мне ломается,
плачется и кричит.
Научи меня, Господи,
воронов различать...

Уходить, оставляя
густейший туман,
наслаждаясь волнением,
трепетом сердца больного,
и небрежно бросаться перчаткой,
не высчитать ран,
через плечо бросить острое,
режущее душу слово.

Наслаждаться растерянным взглядом
невиннейших глаз,
и букеты дарить с разноцветными
тайнами мук,
и бросаться бесчисленным
множеством красочных фраз.

И смеяться, смеяться, стирая
кровь с пламенных губ.

Он себе не позволит признаться,
кого же он любит,
лишь угаснувшим взглядом
уверенно скажет: «Забудь».
«Мне не стоило здесь появляться...» –
мгновенно рассудит.

Выдыхая привычно
впитавшуюся в тело ртуть.

Королевская мантия,
блещет узором корона –
лишь змеєю резвится
обида в подбитой груди.

Мне не нужно ни трона,
ни золота и ни дракона,
но прошу, умоляю,
пожалуйста, не уходи!

Умирает любовь и надежда,
обнявшись навечно:
отдаляется мною желанный
немой силуэт.

Лишь тепло его мне принесет
заблудившийся ветер,
да, желанней его и прекрасней
его в мире нет.

Застывает клочок, неустанно
дрожавший когда-то
(снова тянет обида к земле),
и я горько прощаюсь.

Он притворно посмотрит, подарит
свой взгляд виноватый.

«Эту боль позабыв, я для Вас,
мой Король, улыбаюсь».

Клише

Осталось молчать.
Все фразы – одно клише.

И звук, надорвавший голос,
совсем глухой.
На самом деле уютно моей душе –
Жить среди пустоты,
в идиллии, где покой.

Стихи разливая в бокал
преспокойных дней,
на полке подарок матери:
«Видишь, мам?
Писала стихи для тебя
о любви моей!»
И тихо рвала. Не нужно нам
лишних драм.

Что жило во мне
среди тысячи тех минут,
Писала в одной строке:
«Берегись любви».
Пришлось мне отдать всю душу
на строгий суд –
Один был вердикт,
пожизненный: Да, любить!

Слова о печальном
мне не вернуть уже.
Ответ не нахлынет
теплой морской волной.
Осталось молчать. Все фразы –
одно клише.
И звук, надорвавший голос,
совсем глухой.

Защищая знамя своей любви

Ни сорвать, ни спрятать, ни сжечь ее;
соскрести так, будто бы чешую...
Не дышу я жизнью и не гнию.
Остаюсь под его эгидой.

Ни рука не тронет, ни взгляд его;
и цвет глаз – серее, чем серебро.
Тянет душу, будто свое вино:
покровительствует, как идол.

Отцвела и выцвела без труда,
лишь крыло запуталось в проводах.

«Как же ты красива, как молода,
я забылся, скажи мне имя!»

Лепестки сжигая: один... сто пять,
ни сорвать, ни спрятать, ни соскрести,
ни украсть любовь мою, ни отнять...
Пусть и мрак свою пасть разинул.

Он – во мне ни ненависть, ни тоска,
но стучит привычно в моих висках.
Подниму пустой за него бокал,
не живу я, но и не тлею.

Боль змеєю тело мое обвив,
достигает самых души глубин,
защищая знамя своей любви,
я и жизни не пожалею.

Девочка девочкой

Белое платьеце,
шелковый легкий шарф –
так нарядилась она для тебя,
мой граф.
Светится личико, пламя горит в груди.
Осенью дышится,
спешно идут дожди.
Знала б хотя бы, сколько еще идти...

Мраком окутана, темной его волной,
девочка-солнышко,
что же теперь с тобой?
Пламенем страстным
снова горит печаль.
Сердце закрыто. Запрещено кричать.
Осенью дышится... с нею ее печаль.

Шьется лучами, вьется улыбки тень,
если бы знала, сколько еще терпеть?..
Это смешно ведь, драмой окружена.
Девочка девочкой, будет еще жена.
Только кому она, рыженькая, нужна?

Когда ты – друг

Ты – друг, а сердце хочет больше,
но тянет вниз привычно боль же.
Сильна я, знаю, я знаю, Боже...
Ты – мой недуг.

Намного выше, крупней намного.
И смотришь сверху остро и строго.
Идешь-шагаешь своей дорогой,
а сердца стук...

Забыл навеки свой ритм буйный.
А кто б увидел – назвал безумной,

гуляет ветер в душе, и струны
прервались вдруг.

Когда не знаешь, что я страдаю,
не вижу мира, не вижу рая,
со мной не будешь, я это знаю,
и все вокруг.

А ты смеешься, меня не видишь,
меня не знаешь иль ненавидишь.
Тебе б снаружи красивый вид лишь,
мой милый друг.

Внутри все сжалось, а сердце сводит:
«А, он гуляет, там где-то бродит.
К одной приходит, с другой уходит», –
с ума сойду!

Не верьте, девушки! вы не верьте!
Он вас не любит. Он – вольный ветер.
На сердце рану мою отмерьте,
я как в аду.

Я знаю, что я многого просила,
И знаю, что я многого прошу,
Всевышний, я прошу у тебя силы
И обещаю удержаться слезу.

Ты знаешь, у меня есть нежный ангел.
Она ранима очень и светла.
Но ее сердце превратили в камень.
Она жива. Пока еще жива.

Пожалуйста, Всевышний,
дай ей силы,
Чтоб выдержать удары от судьбы
Она могла. Ведь ангелам бескрылым
Не так легко сжигать любви мосты.

Ей трудно, слышишь,
Господи, ей трудно!..
Она... Она бросается ко мне
и обнимает, плача безрассудно,
и изливает боль, что дышит в ней.

Мне трудно видеть светлые глаза,
пропитанные болью и слезами.
Не можешь коли все вернуть назад,
дай силы ей уйти и бросить знамя!

Она о счастье так давно забыла,
я в своем сердце боль ее ношу.
Прошу тебя, Всевышний, дай ей силы.
Я попытаюсь удержаться слезу.

Лидия Довлеткиреева

Этноментальная экспертиза художественного текста (на примере рассказа М. Бексултанова «Этого он не знал»)

При переводе художественного текста неизбежно происходит утечка онтологической информации. Максимальная потеря бывает вызвана несовпадением языковых картин мира переводчика и автора оригинального текста. Однако даже при общих мировоззренческих установках, в случае, если переводчик и автор принадлежат к одной этнической группе, полной ментальной адекватности переведенного материала его источнику быть не может. Объективной причиной этого служит не только разница в лингвистическом строе, морфолого-синтаксических особенностях двух языков, но и в том, что языковые культуры содержат в неявной форме ментальную информацию, не поддающуюся переводу и не требующую пояснения для читателя той же национальности, что и создатель художественного произведения [1]. А следовательно, данные подспудные смыслы, отчетливые для «своих», ускользают, обедняют текст для «других», делают его порой не совсем понятным, о чем реципиенты и не догадываются.

«Мы никогда не поймем такого поразительного явления, как язык, если сначала не согласимся с тем, что речь в основном состоит из умолчаний. <...> Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое. Ибо всё сказать невозможно. Вот почему переводить так сложно: речь идет о том, чтобы на определенном языке сказать то, что этот язык склонен умалчивать» [2, с. 345].

Проследим, к примеру, из каких «умолчаний» состоит рассказ Мусы Бексултанова «Этого он не знал», переведенный с чеченского языка на русский.

Иноязычному читателю сразу же бросится в глаза следующее противоречие: Атаби обращается к своей жене со словами «Эй, Карибат! Да умри ты скоро!» [3, с. 8] Далее следует безобидная перепалка между стариками, которую автор называет подтруниванием и объявляет, что за время своего супружества они ни разу не бросили в адрес друг друга ни одного проклятья.

Может возникнуть недоумение: разве слова «Да умри ты скоро!» не являются теми самыми проклятьями? Действительно, в чеченском языке подобные выражения («Да умри ты (я) скоро!», «Да не умри ты (я)!», «Да умри твоя (моя) мать!» и др.) не несут смысловой нагрузки и выполняют, скорее, междометную функцию: выражая, в зависимости от контекста, всевозможные эмоции: возмущения, отчаяния, удивления, досады, сострадания и прочие. Причем это еще более непонятно русскоязычному читателю, который знает, что нецензурная лексика, которую русские воспринимают аналогичным образом, т.е. как выражение определенного душевного порыва, кавказцами понимается буквально и служит поводом для серьезной ссоры, если употреблена в их адрес.

Атаби, поддевая свою старуху, говорит ей, что в свое время был вынужден на ней, невестребованной никем невестой, жениться, так как случайно дотронулся до нее рукой. Возмущенная Карибат начинает доказывать, что у нее не было отбоя от женихов, но ей ничего не оставалось, как выйти замуж за Атаби, так как он дотронулся до нее. Этот факт тоже может быть истолкован иноментальным читателем искаженно. Можно подумать, что за глаголом «дотронулся» кроется нечто большее, вплоть до насилия над девушкой. И только человек, знающий чеченские обычаи и порядок этических взаимоотношений между мужчинами и женщинами в чеченском обществе, поймет, что речь идет, действительно, о легком прикосновении. Ведь не связанные друг с другом узами кровного родства, они не имеют права даже здороваться за руку. Девушка, в знак своего согласия выйти замуж, дает претенденту, помимо слова, какую-либо вещь: колечко, платочек... Ну а если парень требует, чтобы она подала руку, и девушка уступает,

она считается чуть ли не опозоренной и обязанной выйти замуж именно за этого молодого человека. «И это в XXI веке?!» – воскликнет европеец, для которого подобные отношения кажутся «дикими», «странными», «старомодными». Да, и в веке XXI тоже, однако для чеченцев это вовсе не проявление атавизма в чувствах, а один из способов сохранения нравственной чистоты нации. Естественно, что все эти, очевидные для «своего» читателя вещи, автор и не думает пояснять, и при переводе они просто ускользают от представителей других традиционных установок либо воспринимаются деформировано.

Бексултановская чета представляет собой типичную гармоничную чеченскую супружескую пару: пережито много, в том числе трагическая потеря детей в выселении, но в их взаимоотношениях царит уважение, доверие, забота друг о друге, сдобренные чеченским юмором, обязательными беззлобными шутками, чтобы жизнь не была пресной и скучной. О том, что уровень душевного слияния стариков достиг своего верхнего предела, свидетельствует следующая реплика автора: «Они уже называли друг друга по имени», которая также относится к разряду этноментальных пробелов для воспринимающей перевод культурной среды. Естественно, писатель не делает никаких пояснений, так как этой фразой он все выразил: старики стали настолько близки друг другу, что нет необходимости в церемонии соблюдения чеченского обычая не называть друг друга по имени. Муж и жена общаются, как правило, с помощью форм, привлекающих внимание, вроде: «Эй!», «Слышишь меня?», «Мужчина!», «Женщина!» и пр., особенно в присутствии других членов семьи или посторонних. И это табу сохраняется до сих пор. Не говоря уже о том, что невестка не вправе звать родственников по мужу их настоящими именами и, придя в новую семью, придумывает для них иносказательные имена, например Зезаг (Цветок) – для золовки или племянницы супруга, Хаза, Дика, Жима Йол (Клант) (Красивая (ый), Хорошая (ий), Младшая (ий) девушка (парень) – для золовок и деверей и множество других форм обращения для родных, двоюродных, троюродных родичей своего нареченного. В этом для чеченцев – один из способов выражения особого уважения, почитания, воспитанности, проявляемых снохой. Все это может показаться не столько странным и устаревшим, сколько даже глупым в наше прогрессивное время провозглашенных личностных свобод и равенства. Однако не следует спешить обвинять в невежестве, угнетении женщины или отсталости одних, не подумав о том, что в культуре каждого народа есть множество кажущихся естественными его представителям проявлений и смыслов, которые чужой ментальностью будут восприняты, мягко говоря, с неодобрением, порицанием, непониманием или насмешкой. К своему мы привыкаем, не замечаем, хотя многие ритуалы, обряды со стороны могут выглядеть смешными и не соответствующими определенным мировоззренческим установкам.

Например, приветствуя друг друга, чеченские мужчины, помимо традиционного европейского рукопожатия, заключают друг друга в короткие дружески-родственные объятия, аналогичными объятьями (без рукопожатий) встречают друг друга и женщины, а также мужчины и женщины, связанные родственными узами (кроме супругов). У европейцев другая культура приветствий (рукопожатия, поцелуи в щечку, руки и т.д., в зависимости от близости взаимоотношений, иерархической, гендерной, возрастной и другой дифференциации); на Королевских островах здоровающиеся сильно прижимаются друг к другу носами и трут ими; какие-то племена обнюхивают при встрече человека, вдыхая его запах, то есть символически принимая его своей душой.

Прилюдные поцелуи у мусульман и японцев недопустимы, для европейцев и американцев – это естественное выражение чувств, которое умиляет прохожих, создавая даже для совершенно посторонних людей ауру любви, нежности, особой эстетики.

Художественные произведения Мусы Бексултанова всегда отличаются тем, что максимально аккумулируют культурно-этнические смыслы. Как известно, «определяющим в этническом самосознании является «стереотип поведения»,

национальный характер, объединяющий всех представителей данной нации»[4, с. 60, 61]. Вербальный текст, помимо индивидуально-авторской ментальности, содержит информацию об этнической ментальности автора, а также отражает культурные, в том числе этнические, доминанты того или иного общества.

Рассмотрим некоторые стереотипы национального поведения и мышления, заложенные в текст небольшого рассказа, к которому мы обратились.

О значимости для чеченцев продолжения рода свидетельствует то нетерпеливое ожидание внука-первенца, которым чуть ли не одержимы старики Атаби и Карибат. При этом они не демонстрируют этого сыну и невестке из соображений приличия. Все их диалоги, действия, переживания связаны с этим тревожно затянувшимся ожиданием. Старики вдохновенно обсуждают, каким именем нарекут малыша (у иноплеменного читателя возникает мысль, с какой стати свекр со свекровью обеспокоены этим? А вот у чеченцев так и заведено: имя новорожденному дается родственниками по отцу); как устроят скачки в честь внука (становится понятным, как это для чеченцев важно – даже скачки устраивают в честь продолжателя рода! При том, что семья вовсе не из обеспеченных!); Атаби заполняет дровами весь двор, ведь малышу нужно тепло! От том, что это именно чеченское отношение к продолжению рода, свидетельствует реплика Карибат: «Второй год пошел, я стыжусь людей, каждый, кого ни встречу, спрашивает...» (В современной русской или общеевропейской ментальности – кому какое дело! Ведь это из области личного.) А ждут только мальчика (как будто первой не может появиться на свет девочка) – он и только он протянет нить от прошлого к будущему, станет хранителем вековых нравственных установок народа, новым носителем «нохчалла» (чеченскости), средоточием «чеченского мира», этнических ценностей. Это томительное ожидание стариками внука есть также своеобразное проявление культа мужчины у чеченцев.

Старики не могут «эвхъзбовла» (чеченское этическое понятие, не поддающееся точному переводу) – напрямую спросить у снохи или сына о том, почему до сих пор они не подарили им внука, расспросить невестку о ее положении, они не могут нарушить этическую дистанцию «старший – младший», встать на равных и проявить тем самым неделикатность, отсутствие такта, им остается только надеяться и гадать: вот поела молодая соленых огурчиков – может, свершилось наконец! Но нет! Открытые свекровью на радостях банки с различными маринадами стоят прокисшие.

И начинает Атаби искать причины. Они тоже носят ментальный колорит. Он перебирает ветви своего генеалогического древа, ищет, где же он либо его предки оступились, нарушили установленные веками законы чести, отчего их наказывает Всевышний. Чеченский концепт «семи предков» реализуется в тексте посредством экзистенциала «вины и ответственности» каждого звена родовой цепочки за происходящее в настоящем.

В чеченском сознании проступок, совершенный членом рода, ложится черным пятном на последующие семь поколений. Однако Атаби не находит причин в прошлом, в корнях. Писатель и в этой новелле поднимает актуальную для своего творчества проблему утраты национальной идентичности, конфликта поколений – «отцов», ориентированных на нравственно-этические идеалы прошлого, и «детей», руководствующихся современными принципами собственного комфорта.

Одним из средств раскрытия внутреннего состояния своих героев в рассказе М. Бексултанова также служит национальный стереотип поведения, точнее, его нарушение. О том, что в душе Карибат творится что-то неладное, чеченский читатель догадывается по тому, что она не встает со стула, когда в комнату входит супруг.

«– Ты не прилипла к этому стулу? – сказал он.

Старуха вскочила. Она прятала лицо. Молчала». [3, с. 11]

Еще одним национальным предвестием того, что произошло или должно произойти нечто непоправимое, является примета – крик ишака, который раздался следом за этим. «Чтоб тебя собаки съели, – сказал он сам себе, – неужели

не можешь кричать, отойдя подальше?» [3, с. 11] Читателю-чеченцу, конечно, ясно, что это предвестник несчастья, неминуемой беды, смерти. Для читателя иной культуры крик ишака – малозначимый элемент, всего лишь звуковая деталь художественного пространства.

И наконец, мир рушится для Атаби, когда он узнает страшную правду: сноха избавилась от еще не рожденного малыша в больнице. Он бросается в соседнюю комнату, надевает свои лучшие одежды – ичиги, черкеску, папаху и бежит к выходу. Его цель – объявить кровную месть родственникам снохи за убийство своего человека! Мальчика!!! (Хотя пол и возраст плода и неизвестен вовсе). Это естественная для чеченца, традиционно воспитанного, реакция и тоже проявление чеченского культа мужчины.

Однако еще большее потрясение ожидает старика при известии, что убийство произошло с ведома и согласия его сына. Громадность степени этого потрясения передается писателем проклятиями и оскорблениями, которые он впервые за долгие годы совместной жизни сыплет в адрес своей жены: «Отпусти меня, ва ослица! Будь ты проклята! Я сейчас раздроблю тебе голову, как змее». Проклятие в исламе трактуется как грех («Проклятие верующего равносильно его убийству» («Джамиуль-ахадис, №18451), хотя чеченцы в порыве гнева не раз прибегают к этому способу выражения своих негативных эмоций относительно кого-либо. Но только не благочестивый старик Атаби. Опомнившись, он просит у старухи прощения. Что же извиняет этот грех? Атаби дает исчерпывающее для каждого чеченца объяснение: «Я человек, чей род прервался, Карибат, прервался...» [3, с.12]

Как видим, данный рассказ М. Бексултанова насыщен этническими смыслами и отражает определенный способ восприятия и организации мира, свойственный чеченскому сознанию. Как и многие произведения этого художника слова, он является объективным и ненапорочным свидетельством об исконной специфике менталитета этого народа, отражает неповторимость национальной (чеченской) картины мира. Однако все нюансы этого своеобразия неуловимы взглядом со стороны из-за множества естественных умолчаний, которые не требуют для носителей чеченского языка и ментальности каких-либо дополнительных пояснений и комментариев, поэтому текст в восприятии читателя иной языковой культуры, безусловно, проигрывает, теряя некие оттенки заложенных в него коннотаций, а некоторые послы автора и вовсе могут быть искажены воспринимающим сознанием из-за ментального несовпадения.

И потому справедливым видится нам замечание о том, что требование «перевод должен читаться как оригинал» в полном объеме едва выполнимо (по крайней мере, к художественному переводу), так как оно подразумевает полную адаптацию к нормам другой культуры [5, с. 183]. Из-за «социально-культурного» барьера, обусловленного различиями между культурой отправителя текста и культурой воспринимающей среды, решение переводчика, как правило, носит компромиссный характер [4, с.102].

Литература:

1. Довлеткиреева Л.М. Отражение чеченского космо-психо-логоса в художественной словесности // Вестник АН ЧР, №1 (26), 2015. С. 87-89.
2. Ортега-и-Гассет. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-ГассетХ. Что такое философия? – М., 1991.
3. Бексултанов М. Этого он не знал. Дорога, спускающаяся в село. Рассказы. Перевод с чеч. Л. Довлеткиреевой // Вайнах. – 2012. №10. – С.8-16.
4. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 180 с.
5. Швейцер А.Д. Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция. – М., 1994.

Интервью**«Большая тень может быть только от большой горы»**

Заслуженный работник культуры КБР и народный поэт КЧР Салих Гуртуев является автором более 20 книг поэзии, литературных эссе, переводов на балкарский язык лучших произведений классиков русской и мировой литературы, а также поэтов народов Северного Кавказа, Грузии и Азербайджана.

За перевод на родной язык великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» он удостоен звания «Почетный гражданин города Тбилиси».

Особое место в его переводческой деятельности занял перевод на балкарский язык «Евгения Онегина» А. Пушкина, дважды выходявший отдельными изданиями в Нальчике. С. Гуртуев является также автором Антологии кабардинской поэзии в переводах на балкарский язык.

В беседе с писателем и публицистом из Белоруссии Еленой Стельмах Салих Гуртуев вспоминает о былом тесном литературном сотрудничестве, которое благоприятствовало взаимопроникновению культур, дружбе и согласию между народами. Представляет творческий потенциал современного литературного Кавказа. Знакомит с работой «Клуба писателей Кавказа», цель которого посредством литературы проложить братские мосты дружбы.

– Салих, прежде всего хочется вспомнить тот добрый советский лозунг, который объединял наши народы: «Дружба писателей – дружба литератур – дружба народов». Ведь это было даже больше, чем лозунг...

– Когда-то на слуху у всех народов Советского Союза были имена балкарца Кайсына Кулиева, кабардинца Алима Кешокова, чеченца Магомед Мамакаева, аварца Расула Гамзатова, даргинца Ахмедхана Абубакара, кумыка Аткая Аджаматова, ингуша Джемалдина Яндиева, осетина Георгия Кайтукова, карачаевки Халимат Байрамуковой, адыгейца Юнуса Чуяко, грузина Григола Абашидзе, армянки Сильвы Капутикян, азербайджанца Вургун Самеда...

Наши предшественники выражали озабоченность судьбой человека в контексте миропорядка того времени. Литература была в фарватере патриотического, интернационального воспитания людей на примерах героев Великой Отечественной войны, передовиков производства, лучших персоналий во всех отраслях человеческой жизнедеятельности. Нерушимая дружба народов являлась главной в художественной литературе. Ходили легенды о братских взаимоотношениях отдельных представителей национальных литератур. А через такие образцовые отношения писателей скреплялась дружба между народами. Это возвышало наши народы в глазах всего мира. Не случайно лозунг «Дружба писателей – дружба литератур – дружба народов» был самым популярным призывом тех времен и содействовал становлению нашей большой страны как оплота мира и стабильности на Земле.

– Салих, знаю, Вы человек очень творческий. Вы давно в литературных кругах. Знаете об известных людях немало интересного. Что их роднило?

– Я представляю балкарскую литературу, поэтому приведу примеры из жизни балкарского писателя, лауреата Государственной премии имени Горького в области литературы, лауреата Государственной премии СССР и Ленинской премии Кайсына Кулиева.

Братская дружба между балкарцем Кайсыном Кулиевым и кабардинцем Алимом Кешоковым – пример подражания для нас на все времена. Будучи секретарем правления Союза писателей СССР, председателем литературного фонда Союза писателей СССР, кабардинский писатель Алим Кешоков долгие годы находился в центре внимания писателей всего Союза.

Кайсын Кулиев – это образец умения дружить, объединять вокруг себя единомышленников. Он был очень близок с украинцами Миколой Бажаном, Олесем Гончаром, узбеками Шукрулло, Аскадом Мухтаром Зульфией, грузинами Георгием Леонидзе, Симоном Чиковани, Григолом Абашидзе, Ревазом Маргиани, туркменами Берды Кербабаевым, Беки Сейтаковым, калмыком Давидом Кугультиновым, киргизами Аалы Токомбаевым, Чингизом Айтматовым.

Отдельная история – взаимоотношения Кайсына Кулиева и Чингиза Айтматова. Отец Чингиза – Торекул – был репрессирован. Поэтому произведения Чингиза не печатали ни в журналах, ни в газетах.

Как известно, балкарский народ в 1944 году был депортирован. Кайсын получил разрешение от самого Сталина жить где хочет, кроме Москвы и Ленинграда. Но Кайсын не был бы Кайсыном, прими он эту поблажку, отличную от судьбы своего народа. Так он оказался в столице Киргизии городе Фрунзе. Здесь он возглавил русскую секцию Союза писателей Киргизии, стал членом редколлегии литературного журнала «Киргизстан», выходявшего на русском языке. И вот молодой талантливый, но гонимый Чингиз Айтматов пришел к Кайсыну с рассказом «Почтальон Дзуйдо», рассказал о себе. И Кайсын не мог не проникнуться уважением к молодому человеку одной с ним судьбы. Кайсын напечатал его рассказ. Оттуда его писательская судьба пошла, как и полагалось такому таланту, вверх. Об этом рассказал мне сам Чингиз Айтматов в 1962 году на его пресс-конференции в Литературном институте в Москве. Так писатели жили в те времена. Писательский труд влиял на жизнь каждого человека, потому что и человек, и его судьба были в центре внимания литераторов, основой их произведений.

– Многогранность личности Кайсына Кулиева оставила добрую память о нем и в Беларуси. Расскажите о его дружбе с моими земляками.

– Особенно трогательна дружба между Кайсыном Кулиевым и Аркадием Кулешовым и Василем Быковым. Их взаимоотношения вызывали у нас восхищение и удивление, стремление быть в этом деле хотя бы чуточку похожими на них. Писатели живо интересовались жизнью и творчеством друг друга, активно переводили произведения на свои языки. Созванивались, приезжали в гости, как к себе домой. Нас потряс тот факт, что на вечер, посвященный 60-летию Кайсына Кулиева, который проходил в зале им. Чайковского в Москве, Аркадий Кулешов приехал после третьего инфаркта, хотя ему был прописан строгий постельный режим.

Впечатлил и такой момент. В один и тот же год Кайсын Кулиев и Василь Быков были выдвинуты на соискание Государственных премий СССР в области литературы. Новости первыми из телетайпных лент узнавали мы, газетчики. Я в то время работал ответственным секретарем республиканской газеты. Когда начали передавать информацию о результатах голосования в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, Кайсын Кулиев звонил мне с просьбой узнать прежде всего о Василе Быкове. Списки передавались по алфавиту, хотя раньше они были по отраслям и жанрам. Меня это немного обескуражило, ибо меня интересовал список, в котором был прежде всего мой земляк – Кайсын. Фамилия Быкова, согласно алфавита, естественно, появилась

первой. Я тут же позвонил Кайсыну. Он ответил: «Спасибо за такое приятное сообщение!» Не сказав при этом ни слова о себе. Но, слава Богу, на букву «К» появился и Кайсын. Звоню ему, но на телефоне его не оказалось. Главную для себя информацию он уже получил...

С давних пор я поддерживаю братские отношения с Олесем Кожедубом. Он сейчас живет в Москве, но я считаю его белорусским писателем. Созваниваемся. Интересуемся делами друг друга. Иногда встречаемся и обсуждаем с глазу на глаз дела, волнующие нас обоих. У нас с ним много общего, и я дорожу этой дружбой.

– Что характерно современному литературному процессу на Кавказе? В чем выражается преемственность литератур?

– Можно еще много говорить о роли писателя, о взаимовлиянии литератур, но, думаю, достаточно этих примеров. Они очень показательны. Мы должны заниматься тем же, чем занимались и чем были озабочены наши литературные аксакалы, но уже в совершенно других условиях. Сейчас мы разобщены. Мало, а порой и вообще ничего, знаем друг о друге. Нам неизвестны отношения властей к писателям и их судьбам на местах. Переводческое дело из государственного переродилось в частный бизнес. Но, тем не менее, писатели Кавказа работают активно, пишут талантливо. Их произведения достойны внимания других литератур.

Чингиз Айтматов в середине 90-х годов прошлого века в газете «Известия» напоминал о том, что литераторы не могут работать разобщенно, горизонтальные связи культур, литератур, несмотря ни на какие политические ситуации, должны сохраняться и укрепляться, ибо людям важно общаться. Литература – лучшее тому подспорье. Нам необходимо, говорил он, научиться сожительствовать с новыми реалиями, чтобы не растерять своей национальной идентичности. Важно переводить произведения друг друга. Как и раньше, не превращая свое святое дело в политику, не подчиняться политической конъюнктуре, славить Человека и его труд во благо общества. Наше святое дело – сохранить дружбу и братство между писателями, не терять с ними связей. Вот смысл гуманистического завещания Чингиза Айтматова. Все мы сегодня: и кавказцы, и белорусы, и другие народы – должны придерживаться мудрого завета этого великого писателя!

– Назовите новые успешные имена литераторов, которые звучат на Кавказе.

– Произведения балкарцев Танзили Зумакуловой, Магомета Мокаева, Мурадина Ольмезова, кабардинцев Зубера Тхагазитова, Мдины Хакуашевой, Хасана Тхазеплова, лачки Миясат Муслимовой, чеченца Мусы Ахмадова, ингушки Раисы Дидиговой, осетина Бориса Гусалова, калмыка Эрдни Эльдышева, кумыка Бадрутдина Магомедова, аварца Магомеда Насрулаева, даргинки Аминат Абдулманановой, аварского публициста Керимхана Умаханова (кстати, он свой человек в Беларуси), карачаевца Биляла Аппаева и очень многих других членов нашего Клуба писателей Кавказа и не только их могли бы украсить и обогатить литературу любого народа. Возможности не те, но мы, нынешние писатели, должны следовать пожеланиям наших старших наставников, укреплять братские взаимосвязи, используя для этого универсальное средство – литературу. Это уж точно нам по силам!

– «Клуб писателей Кавказа» – это веление времени объединиться творческим людям в новом формате? Как возник клуб?

– Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа» создана именно исходя из задач, которые во всей остроте поставило перед

писателями время. Редакционная коллегия литературно-художественного журнала «Дружба народов» периодически проводит зональные совещания с приглашением писателей, редакторов литературно-художественных журналов. Такое совещание по региону Северного Кавказа в мае 2008 года проходило в столице Чеченской Республики городе Грозном. У участников встречи – представителей кавказской литературы – невольно возник вопрос: как так получилось, что мы, известные в своих регионах кавказские писатели, знакомимся на совещании только благодаря москвичам. И они искренне удивились тому, что мы не знаем о творчестве друг друга, ничего не можем сказать о художественном уровне наших произведений.

Народный писатель Чеченской Республики, член редакционной коллегии журнала «Дружба народов», Муса Ахмадов высказал вслух эту озабоченность всех кавказских писателей.

Тогда же мы с Мусой Ахмадовым решили создать организацию (потом она получила название «Клуб писателей Кавказа»), где бы могли встречаться писатели всего кавказского региона. «Клуб писателей Кавказа» предполагался стать местом, где можно говорить о своем творчестве, о своих народах, переводить произведения друг друга на родные языки, презентовать книги, ездить друг к другу в гости, рассказывать потом о поездках на страницах изданий на национальных языках. Планировали организовать и Дни литературы, как это было раньше, лет двадцать пять назад... На этой основе мы выразили намерение способствовать воссозданию былой дружбы и по-настоящему братских отношений между народами Кавказа.

Таким образом, в феврале 2009 года была создана Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа». Президентом Клуба был избран я, балкарский поэт, переводчик Салих Гуртуев, вице-президентом – народный писатель Чеченской Республики Муса Ахмадов.

– Чем определяется членство в Клубе?

– Членом Клуба может стать любой писатель, придерживающийся наших уставных требований. Клуб называется «кавказским», но двери, как сказал председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, открыты для всех писателей, где бы эти писатели ни находились. Связь литератур и культур, литераторов и деятелей культуры (хотя литература, как я считаю, есть самая материализованная – книгу можно держать в руках, носить с собой – часть культуры) не должна прерываться. Она, эта связь, должна пульсировать, как живой организм.

Сегодня в нашем Клубе состоят представители азербайджанской, армянской литератур. Тесно сотрудничаем с творческим Союзом писателей Грузии. У нас есть своя газета «Литературный Кавказ», свой сайт «Писатели Кавказа». В последнее время из-за материальных трудностей газету выпускаем в электронном варианте. Организация существует только за счет членских взносов. Некоторые члены Клуба, помимо взносов, выделяют средства для издания газеты, содержания сайта. Особая благодарность за это члену Клуба из Азербайджана Гафару Гусейнову. Писатели из регионов России тоже интересуются нашей работой, выражают желание примкнуть к ней.

– А какие творческие успехи участников Клуба Вас особенно радуют? Что удастся сделать сообщца?

– В балкарском журнале «Мингитау» осуществляем проект: «Братские литературы – наши гости». Публикуем переводы с других кавказских языков. Уже опубликованы подборки прозы и поэзии чеченской, ингушской, калмыцкой, аварской, кумыкской, лакской литератур. Причем все эти публикации предваряются сопроводительными письмами, где выражается одобрение

такой важной для сближения народов литературной миссии, руководителей субъектов Юга России – Рамзана Кадырова (Чеченская Республика), Мурата Зязикова (во время выхода ингушской подборки был во главе Республики Ингушетия), Кирсана Илюмжинова (Республика Калмыкия).

В каждом номере чеченского журнала «Вайнах» (журнал выходит на русском языке, возглавляет его упоминавшийся выше Муса Ахмадов) публикуются переводы с языков кавказских и закавказских народов.

В Калмыкии изданы отдельным сборником произведения балкарских поэтов в переводах на калмыцкий язык народного поэта Калмыкии Эрдни Эльдышева. Он же издал большой том своих переводов поэтов всего мира. Члены Клуба – кумык Бадрутдин Магомедов, даргинка Аминат Абдулманапова, аварец Абдулла Даганов, калмык Эрдни Эльдышев и я – по просьбе председателя творческого Союза писателей Грузии Маквалы Гонашвили перевели на свои языки поэму Важи Пшавелы «Гость и хозяин» и опубликовали ее в периодике. Эта поэма очень востребована сегодня, хотя и написана в конце XIX века. Все эти поэты были приглашены грузинскими коллегами на празднование юбилея Важа Пшавелы.

Отдельным литературам и литераторам посвящаем целые номера «Литературного Кавказа» и выкладываем их на наш сайт. В этом году издали большой том произведений членов Клуба под названием «В тени чинары». Презентовали его во всех республиках Северного Кавказа, в университетах, на телевидении, радио. Резонанс получился огромный.

– Салих, Вы очень мудрый человек и, видимо, по-своему скажете о том, что Вас волнует в общечеловеческом плане?

– Тут надо прежде всего сказать о душевном состоянии, чаяниях народов. Вся боль человеческая, все радости, повседневные заботы людей лежат в основе общечеловеческой культуры, а каждый из народов своими национальными традициями ее дополняет. Сегодня, к сожалению, разобщенность уменьшает наши возможности ежедневно соприкасаться с нашими культурами, которые в совокупности и составляют общечеловеческую культуру. Наше бездействие все больше удаляет нас от глубинного понимания друг друга. Большая тень может быть только от большой горы. Большая гора – это общечеловеческая культура, вобравшая и бережно сохраняющая разные культуры разных народов, составив из них единый букет.

– И каким Вы видите белорусский вектор работы «Клуба писателей Кавказа»?

– К Беларуси у нас всегда был особый интерес. В советские времена практически в лицо знали всех крупных деятелей белорусской культуры и литературы. Я прочитал и перечитываю сейчас всего Василя Быкова, Аркадия Кулешова, в моих переводах у нас есть Янка Купала... Все без исключения кавказские литературы заинтересованы в познании современной Беларуси. Писатели хотят знать, что нового в литературе? Новые белорусские писатели – кто они? Какие у них есть возможности издаваться, переводиться? Без этих знаний не может быть взаимовлияний литератур и их взаимообогащения, а, стало быть, нет достоверного знания о народе Беларуси. Нам, писателям, надо думать, как наладить эту творческую связь.

Беседовала Елена СТЕЛЬМАХ

Вахит Акаев

Духовно-культурное наследие народов Кавказа в статике и динамике

Сохранение, приумножение и развитие интеллектуального, духовно-культурного наследия народов Кавказа, осуществление культурного сотрудничества, взаимодействие с русским народом как основы цементирования и углубления межнациональных отношений – задача, без сомнения, актуальной научной и практической значимости. Более того, это масштабная комплексная задача, требующая объединения усилий многих ученых, специалистов, практиков с целью глубокого осознания, рефлексии и конструирования новой культурно-онтологической картины Юга России, а в целом и всей страны.

Онтология Кавказа

Кавказ является природно-географическим, историко-этнологическим, духовно-культурным пространством, уютно расположенным между двумя южными морями. Здесь протекали динамичные миграционные потоки, происходили завоевания, сражения, гибели и рождались люди, происходили разрушения, осуществлялись созидательные трансформации. Эти процессы имели место не только в глубокой древности, средние века, их наблюдает и современный человек. Разрушительно-созидательные процессы всегда составляют основу отрицания, затем признания, а в целом и взаимодействия, взаимовлияния культур, что в конечном итоге приводит к их обогащению, синтезу.

Метафизически Кавказ – это точка на земном шаре, где прочны, фундаментальны культурные обычаи, традиции, ценности населяющих его народов, где древность присутствует повсюду на этой заманчивой земле, она воспринимается нашими взорами, охватывающими разрушенные древние стены, башни, следы крепостей, храмов, языческих стел. Образ Кавказа проявляется в языках, легендах и преданиях его народов и тех, кто его любит. Он описывается путешественниками, археологами, этнографами, историками, поэтами, писателями.

Зафиксированные легенды, предания, изучаемые языки, верования, обычаи и традиции, сложившееся братство народов Кавказа и России – основа современного бытия кавказско-русского взаимодействия. Такая онтология Кавказа нерушима, всякие попытки ее видоизменить, перестроить контрпродуктивны. Это вовсе не означает, что Кавказ не нуждается в модернизации, переменах, но они не должны затрагивать его базисные, фундаментальные параметры, хотя вполне допустимы изменения в надстроечных явлениях, подвижных социальных отношениях.

Для Кавказа честь, достоинство, мера, справедливость, скромность, уважение старшего глубоко экзистенциальны, если хотите – сакральны. И всякие попытки их деконсервации под воздействием современной массмедийной агрессии не имеют перспективы. Кавказ – это протест против современности, где индивидуализм, безответственная свобода слова, нравов настойчиво навязываются, с попыткой придать им характер статичности путем вытеснения укорененных традиций народов. Кавказ – наглядный, осязаемый,

культурно-метафизический протест против современного западного мира с его гейпарадами, однополыми браками, новой тенденцией семейных отношений, нередко формируемых посредством инцеста.

Не только прошлый, но и нынешний Кавказ – это протест против распространения подобных цивилизационно-разрушительных новшеств, деконструирующих традиции.

Социокультурное сплетение кавказско-русских взаимоотношений

История, культура Кавказа и России вот уже несколько веков переплелись. Кавказско-русские отношения многообразны, сложны, противоречивы, синкретичны. В них можно обнаружить и разновекторные тенденции. Но для современников и их потомков важна тенденция, направленная на объединение народов и их культур в регионе и в стране в целом.

Кавказ в России и Россия в Кавказе – вот схема, концепция, которая, с нашей точки зрения, приемлема для кавказско-русского социокультурного сплетения. Она должна оформляться путем вычленения того положительного, ценного, что сохранилось в ходе становления кавказско-русских, русско-кавказских взаимоотношений. Естественно, они имеют свои приобретения, позитивные достижения, на базе которых сформировалось и продолжает формироваться бытие современной кавказско-русской идентичности.

Кавказу необходимо избежать разрушительных политических, экономических, духовно-культурных процессов. События на Украине губительны и для украинцев, и для русских. Их динамика осуществляется вопреки воле украинцев и русских. Сегодня народы не участвуют в принятии решений по нормализации политической, социально-экономической ситуации. Украинский сценарий на Кавказе – реальная угроза, неприемлемая экзистенциальная перспектива.

Несмотря на то, что Кавказ разделен, а на Южном Кавказе функционируют независимые государства, имеющие разные векторы социокультурного, геополитического развития, отличные от динамики северной части Кавказа, принципиально важно осуществление взаимодействия на уровне образования, науки, культуры, экономики интегрирующих кавказцев. Такая онтологическая картина будет иметь яркий характер, устойчивость компонентов на основе активного распространения русского языка, русской культуры, посредством которой в свое время обогащались этнонациональные культуры советских народов. Это влияние необходимо и сегодня, ибо через него происходит приобщение народов бывшего СССР «к мировому культурному достижению и к современной массовой культуре, а также транслируются в мир собственные культурные достижения» [9, с. 511].

На Южном Кавказе проживают миллионы людей, говорящих на русском языке, обучающихся на нем, но усилению его влияния здесь уделяется, с моей точки зрения, недостаточное внимание. Отсутствие настойчивой целенаправленной культурной политики государства ослабляет его внешнеполитические позиции, подвергая соответствующим рискам. Усиление влияния России на кавказские государства, Ближний Восток жизненно необходимо, ибо на расстоянии 800-1000 км от ее границ разворачиваются военно-политические события, идеологически обоснованные религиозно-экстремистскими, радикалистскими установками, следующие рассматривать как реальные угрозы политической ситуации, а тем более культурному наследию для всего Кавказа и России в целом.

Кавказско-русские отношения органически сплелись, попытки их разделить безуспешны. Но их консервативная основа едина, прочна, составляя базу

для объединения, успешной интеграции страны, ее многонационального народа. Кавказ также имеет возможность сплотиться, ибо он абсолютно един в консервации традиционных ценностей. Склоняюсь к мысли, что мир, цивилизация произошли от Кавказа, можно спрогнозировать, что они сюда вернуться, не находя иного выхода в своих тысячелетних блужданиях.

Пестрое, мозаичное, синкретическое культурное пространство Кавказа – результат взаимодействия многих племен, этносов, наций со своими укорененными нравственно-культурными ценностями, мировидением. Хочу привести такой пример. По книге «История» Геродота немецкий ученый Браун составил карту, на которую нанесены племена, народы, населявшие Кавказ в VI в. до н.э. Начиная с Черного моря (Pontus Euxinus) до Каспийского моря (Mare Caspium), имеются (перечисляю не всех) сарматы, синды, керкетаяе (керкеты), зихи, генеохи, абазги, колхи, гагары, мосхи, таохи, армени, албаны, легае, каспии, сасаены, матиани, гелее, кадусси, амарди и др. [6].

За редким исключением все эти народы по истечении 2,5 тыс. лет также живут на своих территориях, сохраняя свои древние обычаи и традиции, культурно взаимодействуя с теми, кто пришел на Кавказ. Несмотря на то, что разными завоевателями им нанесены глубокие раны, они в своем большинстве сохранили языки, культуры, территории, религиозные верования, они не ассимилировались, не растворились в иных народах и культурах.

Их созидательная деятельность по производству материальных и духовных культурных ценностей направлена как на сохранение собственных культур, так и на взаимодействие с иными культурами, обогащая культурное богатство страны. Легенды, предания, фольклор, литература, искусство, сопряженные с Кавказом, значительно обогатили отечественную культуру.

Некоторые известные герои греческой мифологии, например, такие, как Прометей, Геракл, освободивший его, могучий Атлант, подвиги которых стремились повторить древние греки, осмысливаются и современниками, являются, как сегодня говорят, «лицами кавказской национальности». Упомянув подвиг Прометея, героя поэмы Эсхила (VI-V вв. д.н.э.) «Прикованный Прометей», научившего людей «добывать огонь и пользоваться им» [4, с. 257], Гегель утверждает, что его родиной является Кавказ, а его отец – это библейский Яфет [там же, с. 75]. Прометей – один из родоначальников человечества, так называемой белой расы, именуемой и кавказской.

По мнению известного отечественного философа А.Н. Чанышева, Прометей научил людей всему: наделил их мыслью и речью, научил астрономии и математике, домостроению и земледелию и т.п. [10, с. 165]. Благодаря ему люди научились лечить болезни, облегчать горести жизни и делать ее счастливее и радостнее [там же, с. 77].

А швейцарский историк и культуролог Андре Боннар пишет, что с тех знаний и опыта, который передал людям Прометей, начинается первобытная человеческая цивилизация [3, с. 220].

Глубоко символично, что кавказец Прометей встает на защиту несчастных людей, преследуемых тираном, дает им божественный огонь, знания и ремесла, используя которые, они живут на земле. И этот подлинный героический поступок им был совершен, даже зная, что будет за это жестоко наказан. Деяния Прометея – осознанный протест против тирании, основанной на насилии, несправедливости. Миф о Прометее составляет мировоззренческую, духовно-культурную основу высшей цели человеческой экзистенции – жизни (в данном случае – подвига) во благо людей.

Кавказ является одной из колыбелей русской культуры. Во времена А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова он стал метафизическим истоком выдающейся

русской поэзии. Литературное творчество А.С. Пушкина, А.И. Полежаева, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого в XIX в. – непревзойденный реализм, отражающий трагедию народов Кавказа, выраженный в категориях высокой морали и гуманизма, указывающий лучшую перспективу русско-кавказских взаимоотношений. Высочайший эстетизм и духовность их сочинений составили классический образец, основу отечественной литературной культуры.

В 1830 году М.Ю. Лермонтов трагизм русско-кавказских взаимоотношений выразил в словах, посвященных Кавказу:

Кавказ! далекая страна!
 Жилище вольности простой!
 И ты несчастьями полна
 И окровавлена войной!..
 Ужель пещеры и скалы
 Под дикой пеленою мглы
 Услышат также крик страстей,
 Звон славы злата и цепей?..
 Нет! Прошлых лет не ожидай,
 Черкес, в отечестве свое:
 Свободе прежде милый край
 Приметно гибнет для нее.

В начале XX в. с трибуны Государственной Думы Российской империи Кавказ называли погибельным краем. Но этот край преобразился в советский период, и это нельзя сегодня отрицать, игнорировать. Ведь это тоже наше наследие.

Высокая поэтическая традиция, воспевавшая Кавказ, формирующая романтические образы его природы, народов и людей, продолжена в кавказской тематике И.А. Бунина, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, Н.Н. Асеева, Б.Л. Пастернака, Н.С. Тихонова, Н.А. Заболоцкого и многих других советских поэтов. Печально то, что изучающих это наследие специалистов становится все меньше, редкий школьник и студент может быть с ним знаком.

Оригинальное, многогранное, высокоидейное культурное наследие кавказских этносов передано посредством перевода на русский язык. Отечественную культуру обогатили общие сказания северокавказских народов – нартский эпос. В застольном тосте нартов выражен их дух, деяния, завещание потомкам:

Пью за то, чтоб слово нартов
 Нерушимым оставалось,
 Пью за то, чтоб слава нартов
 В поколениях умножалась!
 Пусть в веках свой след оставят
 Нартов думы, нартов стрелы
 И потомки пусть прославят
 Дух отважный, подвиг смелый!
 Да нетленными пребудут
 Их величия примеры;
 Да нетленными пребудут
 Их деянья и творенья... [2, с. 38].

Кавказ дал стране, миру немало выдающихся творческих личностей, поэтов, писателей, представителей науки и искусства, деяния и творения которых сохранились, не могут быть погребены пеплом забвения – это ученые Виктор Амбарцумян, Шалва Нуцубидзе, Арнольд Чикобава, Юнус Дешериев, Абдусалам Гусейнов, Гаджи Гамзатов, Руслан Хасбулатов, поэты и писатели Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Кезим Мечиев, Кайсын Кулиев, Исхак Машбаш, Магомед Мамакаев, Фатима Байрамукова, Идрис Базоркин, Коста Хетагуров, Абузар Айдамиров, «мыслитель в танце» Махмуд Эсамбаев, золотой голос СССР Муслим Магомаев, дирижер Юрий Темирханов и многие другие кавказцы, которые своим высоким творчеством, непрерывным трудом развивали и развивают культуру, науку, образование нашей страны.

Их творчество сложилось на основе национального фольклора, мусульманской культуры, произведений русской литературной классики А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Таков онтологический синтез становления творчества кавказцев.

Считаю, что культурное наследие на Кавказе не было бы столь ярким, если бы в его развитии не принимали участия такие выдающиеся современные представители русской науки и культуры, как незабвенной памяти Ю.А. Жданов, А.П. Пронштейн, В.П. Крикунов...

Эти ученые внесли существенный вклад в развитие образования, науки, культуры на юге России, подготовили специалистов, а их ученики продолжают это делать сегодня. Задача нынешних поколений – сохранить память о тех, кто способствовал развитию этнической культуры народов Северного Кавказа, ценил ее, выявлял в ней особенности и общечеловеческие ценности.

Значительный вклад в развитие образования, науки на юге России вносят профессора Ю.Г. Волков, Г.В. Драч, А.У. Альбеков... Профессор Виктор Черноус многие годы связан с Кавказом, внес колоссальный вклад в изучение кавказоведения, в сложное для Чечни время восстановил и развил творческие контакты с учеными. О нем заслуженно говорят, что он знает Кавказ лучше, чем сами кавказцы. Им выдвинута и обосновывается креативная, перспективная идея о северокавказской цивилизации, сформировавшейся под воздействием различных культурно-цивилизационных веяний [11].

Не иначе как парадоксом можно назвать искусственное сокращение в современных школьных и вузовских программах национально-регионального компонента, что стало возможно на основе нового закона об образовании. Республиканские министерства образования лишены возможности издавать учебники по родному языку, литературе, отражающие этнокультурное содержание.

СМИ страны и отдельные политики преуспели в создании крайне негативного образа лиц кавказской национальности, якобы угрожающих отдельным частям страны; Жириновский требует ограничить рождаемость на Северном Кавказе, он хотел бы видеть его за колючей проволокой. Сотни миллиардов долларов увели на Запад, разграбили и обессилили страну, а теперь скинхедов заставляют кричать: «хватит кормить Кавказ», «бей чичиков, спасай Россию»... Кто это делает? Имеет ли Кавказ врагов и чего они хотят?

Важно отметить, что кавказцы, защищая свою родину от внешних врагов, совершали немало подвигов. Враги кавказцев и русских ныне посягают на плодородные земли, теплые моря, леса и луга, наполненные дичью, живительные горные родники, омолаживающий и опьяняющий воздух, реки с многообразием рыб, «скифское» железо, золото... Ю.А. Жданов писал: «Сегодня Кавказ раскрылся как кладовая целой россыпи металлов, здесь имеется марганец, молибден, вольфрам, свинец, цинк, кадмий, таинственный

индий, медь, ртуть, никель, магний, стронций, друзья тяжелого барита». [7, с. 14] Далее он пишет, что хищные взоры и сегодня устремлены на Кавказ, поскольку «обширная зона Прикаспия является богатейшим месторождением нефти и газа, кладовых горючих ископаемых XXI в.» [там же]. Именно поэтому Кавказ объявлен «зоной геостратегических интересов США и Англии, Германии и Турции, даже Швеции» [там же, с. 29]. В связи с этим любопытна историческая параллель, которая в поэтической форме приведена в поэме Николая Асеева «Двадцать шесть», опубликованной в 1967 году, отражающей факт захвата Баку в 1918 году английским экспедиционным корпусом.

Британская Индия маршем шлет своих офицеров.
Им нефть нужна, им нужен хлопок.
А хлыст и поход – их страсть...
Но пуще – хочет английский сапог
советскую смять власть...

Советскую власть смяли, уничтожена социальная справедливость, парализована творческая энергия миллионов людей, многих ученых, мыслителей. Их социальный статус, уровень жизни сегодня ниже ловких, хищных клерков, маклеров, дилеров, так называемых успешных менеджеров и их сподручных.

Ненасытные олигархи со всех концов мира постепенно добираются до богатых углеводородных ресурсов Кавказа. Высасывая живительные соки, подвергают его параличу. Для реализации этой стратегии немало усилий они прилагают на то, чтобы поссорить его народы, не допустить их единства, не дать им развиваться интеллектуально, технологически, культурно. Не хотят они, чтобы недра Кавказа принадлежали его народам и использовались для улучшения их жизни, благосостояния, цивилизационного развития.

Кавказско-русский синтез

Нужно говорить о значительных достижениях Советского Союза в социально-экономическом, культурном развитии этносов, что способствовало их сближению, культурной интеграции, формированию общенациональных ценностей. Накануне и после распада СССР в России появляются научные труды, обосновывающие необходимость их локализации, дезинтеграции, гибели советских этносов, нового их конструирования, с применением интеллектуальных технологий западного постмодернизма. Концептуальные осмысление эти идеи получили в монографии «Реквием по этносу» В.А. Тишкова [8], поддержанной РГНФ. В ней отвергается научная значимость теории советского национализма, утверждается ее ошибочность, предлагается путь реконструирования «советских этносов», а затем нового их конструирования.

Справедливой критике эта позиция подвергается в исследовании Р.Г. Абдулатипова, посвященном выявлению особенностей российской нации, в этой работе сформулирован «закон сохранения этноса». Суть его заключается в том, что этносы формируются не на основе надуманных логических конструкций, а через взаимодействие, взаимовлияние, социально-экономическую, культурную интеграцию и дезинтеграцию, объединение разрозненных племенных, этнических осколков [1, с. 59-79].

Этнокультурная ситуация на Северном Кавказе, несмотря на драматические стороны, формировалась столетиями, складывалась на основе взаимообогащения

под воздействием соседей с юга и севера, востока и запада. Здесь удивительно сочетаются иудаизм, христианство и ислам, а также сформировавшиеся на их основе этнические культуры, видения мира. Об этом шла речь в Дербенте, где 25 марта 2015 г. проходила международная научная конференция на тему «Дербент – город трех религий». На территории Дербента сплетены иудаизм, христианство, ислам, зороастризм, здесь проживают приверженцы этих религиозных культур. Недалеко друг от друга стоят синагога, армянская церковь, Джума-мечеть шиитов.

Население нынешнего Северного Кавказа – это часть многонационального русского народа с выраженной российской идентичностью и лояльностью к России как к собственному народу» [9, с. 7]. Между тем, сохранение, развитие этой идентичности предполагает основательное освоение ее культурного наследия, нравственно-гуманистических ценностей, имеющих общечеловеческое значение. Укрепляя этнокультурную идентичность, нужно двигаться к формированию ценностей общероссийской идентичности. Это важно осуществлять, учитывая, что Россия, Северный Кавказ ныне подвержены культурным потокам, исходящим и с запада, и с востока, а восприимчивость к ним молодого поколения очевидна.

Прочная этническая культурная идентичность народов Северного Кавказа, на базе которой формируется общероссийская идентичность, – мощная преграда на пути разрушительных веяний, исходящих от неприемлемых для кавказско-русского синтеза культурно-цивилизационных систем.

Литература:

1. Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). – М.: Научная книга, 2005. – 472 с.
2. Андреев-Кривич С.А. Нартский эпос кабардинцев // Нарты. – М., 1957. – 384 с.
3. Боннар Андре. Греческая цивилизация. Т.1. От Илиады до Парфенона. – М.: Искусство, 1992. – 269 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: «Наука», 1993. – 480 с.
6. Геродот. История в девяти книгах. – Ленинград: Изд-во «Наука» Ленинград. отд-е, 1972. – 600 с.
7. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Учебная лекция по регионоведению. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999. – 40 с.
8. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
9. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
10. Чанышев А.Н. Философия древнего мира (история философии): Учеб. для вузов. – М.: Высш. шк., 2003. – 703 с.
11. Черноус Виктор. Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия // <http://evrazia.org/>

**Хасан Туркаев,
Хеда Сельмурзаева**

Язык и наше культурное наследие

Он, наш родной чеченский язык, данный нам Всевышним, прошедший сквозь шквальные огненные века, но не растерявший на этом пути ни толики своего словарного запаса, оставил нам в наследство изумительные шедевры устного словесно-образного восприятия и осмысления действительности. Эта культура народа многослойна и величественна. Если начало ее летоисчисления условно отнести ко времени возникновения нартского эпоса северокавказских народов, в их числе и чеченского (I в. до н.э.), то прошедшие после этого исторического рубежа эпохи отмечены интенсивным формированием особой и неповторимой, ясной и гуманной системы, в пластах которой трансформировались история и философия народа, спрессовано его художественное сознание.

Это открытие мира народом произошло на чеченском языке.

Если учесть, что на драматических поворотах истории утеряны или сильно деформированы многие ценностные представления народа, то тем большее восхищение у просвещенного мира вызывают его духовные сокровища, что дошли до наших дней. В них прочитываются художественное освоение мироздания, представления человека о своем внутреннем мире, его стремление соответствовать гармонии окружающего мира. В языковом, фольклорном наследии, материальных памятниках культуры, нравственно-этических воззрениях народа, по мнению известных ученых России, слышны отзвуки великих культур Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Греции, Персии, средневековой Европы и России.

Труды выдающихся археологов Е. Крупного, Р. Мунчаева, В. Марковина, В. Козенковой, М. Багаева, этнографов Б. Далгата, Я. Чеснова и других ученых убеждают нас в том, что длительный исторический процесс формирования у народа ценностей и норм, верований и образов, знаний и умений, обычаев и языка, художественного мышления образовал огромный пласт культуры, на котором позднее возникли ее новые формы, запечатлевшие характеры эпох, поиски народом общенациональной идеи самосохранения.

Все это осмыслено на чеченском языке.

Эпоха разложения родового строя и последовавшая затем «военная демократия» во многом способствовали индивидуализации образа человека в фольклоре, придали ему качественно новые черты: он уже начинает становиться выразителем народного идеала. Нартский эпос – новая ступень эпического творчества чеченцев. «Несмотря на свою мифологическую основу, – писала профессор У.Б. Далгат, – нартские сказания содержат много исторических реалий: поступки эпических героев определяются общественной психологией, интересами и нормами (Далгат У.Б. Типовые черты нартского эпоса. М. «Наука», 1975, с. 213).

Это было важным идейно-художественным достижением эпоса, своеобразно запечатлевшим образы защитников слабых от насильников. Вот, например, как нарисован образ женщины в сказании «Как умерли нарты» (запись, сделанная весной 1965 г. в горах Шатоя): «У речки, протекавшей мимо кладбища, сидела одна старушка. Прислонившись спиной к надмогильному камню, она стирала шерсть. Вдруг со стороны восхода солнца показалось семеро всадников. Приблизившись, они обратились к ней: «Баба, не найдется ли в этом селе человека, который накормил бы нас?» Это были нарт-орстхойцы, которые никогда не могли насытиться, даже если они съедали камни. Старушка не знала, кто перед ней, ответила, что такой человек найдется, и повела их к себе. Посадив гостей, она принялась готовить для них пищу. Отрезав от самого

маленького бараньего ребра тоненький кусочек мяса, бросила его в котел. Набрала наперсток муки и начала замешивать тесто. Нарт-орстхойцы, видя приготовления старушки, посмеивались, но ничего ей не сказали. Вскоре котел начал закипать. Кусок мяса варился и делался все больше и больше. Старушка лепила галушки, а тесто все не кончалось. Нарт-орстхойцы уже досыта наелись, а еды не уменьшалось. Удивленные этим, они спросили: «Баба, что это за чудо? Из какого добра ты приготовила нам пищу?» Старушка ответила: «Сейчас на земле живут голодные и злые нарты. С ними кончилась благодать. Это мясо и мука из того добра, что было на земле до их появления. Пусть сгинет их род».

Услышав это, нарт-орстхойцы вышли во двор и договорились между собой: «Раз наша жизнь обернулась горем для людей, мы должны умереть». Они пошли к стоящей неподалеку от них кузнице, выпили там расплавленную медь и умерли».

Как видно, в этом сказании старушка является хранительницей народной мудрости, добра, она живет мыслями о всеобщем народном благополучии.

Традиции эпического мышления, накопленные в мифах, героических сказках, преданиях и легендах, сыграли большую роль в возникновении и развитии в XVI-XIX веках нового жанра фольклора чеченцев – героико-исторических и эпических песен илли. Этот жанр отразил процессы консолидации народа в период его борьбы против чужеземных феодалов, царского самодержавия. Главным в илли стало обращение к реальному человеку, занятому социальным обустройством обездоленной части народа, и это является ярким примером воплощения поэтической мысли, духовного мира народа, достигшего в указанную эпоху своего расцвета.

Новизна и необычность выражения народного сознания в этом жанре заключались, кроме всего прочего, и в том, что на смену сказкам и исторической прозе фольклора пришла поэтическая форма фольклорного мышления.

Почему до возникновения жанра илли осмысление действительности происходило в прозе, а затем народ обратился к поэтическим формам выражения своих дум и чаяний, требующим от него большего напряжения духовных сил? Каким образом возможности языка достигли такого уровня, чтобы чрезвычайно красочно и точно, ассоциативно образно воспроизводить окружающий мир? Сложные вопросы, но бесспорно одно: период зарождения и развития жанра илли есть период наивысшего расцвета чеченского языка, позволившего его носителям создать фольклорные произведения, стоящие, согласно высказываниям Л.Н. Толстого, П.К. Услара, Л.И. Семенова и др., на уровне лучших достижений Запада и Востока.

Илли – это венец фольклорно-художественного мышления нашего народа более чем за две тысячи лет, в них проявились наивысшие возможности чеченского языка в поэтической форме осмысливать действительность.

Однако в формировании словесно-художественной культуры нашего народа, накоплении в ней непреходящих эстетических ценностей «участвовали» и другие языки, и от этого ее потенциал не только не ослабел, но неизмеримо возрос за счет того, что она начала интенсивно вбирать в себя из фольклорно-литературного наследия других народов все ценное, имеющее общечеловеческое значение.

В наступившее Новое время горцы Северного Кавказа, не имевшие своей письменности, сообразуясь с требованиями меняющегося мира, для решения встающих перед ними социальных и политических вопросов начали вести интенсивные поиски письменных языковых средств.

Чеченцы, например, до установления систематических дипломатических и культурно-экономических контактов с Россией на определенном этапе пользовались грузинским языком. В «Истории Грузии» (т. 2, Тбилиси, 1973, с.67) сказано: «В X веке грузинский язык получает распространение на Северном Кавказе». В.Н. Гамрекели отмечает: «В конце XVIII века, когда шла миграция грузин на Северный Кавказ, в их культурной деятельности в Притеречье намечается несколько линий. Одна из них – «культурно-

просветительская деятельность среди горцев Кавказа» (В.Н. Гамрекели. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1968, с. 76).

Но глубоких следов в художественной культуре горцев грузинский язык не оставил: на нем не написаны ни летописи, ни семейно-родовые тептары (хроника рода и семьи), ни тем более литературные произведения. Функциональная роль грузинского языка во взаимосвязях грузин и горцев, живших, прежде всего, на границе с Грузией, сводилась к тому, чтобы пользоваться им для делового общения, пропаганды грузинскими миссионерами идей христианства в горах Северного Кавказа.

Его активному распространению мешало то, что на Северном Кавказе происходило соперничество христианства и ислама. Решающее воздействие на результат противостояния двух религий оказали арабские походы на Кавказ, арабо-хазарские войны и татаро-монгольская экспансия.

В распространении арабского языка и литературы на Северном Кавказе академик И.Ю. Крачковский прослеживал две волны. «Первая, шедшая с ранними завоеваниями, неглубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нарастающая с XVI века, постепенно создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке». (Крачковский И.Ю. Сочинения. Т.6. 1960)

Постоянные для XIX века «бурные дни Кавказа» не способствовали сложению в Чечне развитой арабоязычной художественной системы. Только в последней трети XIX века, после окончания Кавказской войны (1864), появились у чеченцев крупные арабисты-богословы, создававшие оригинальную литературу на арабском языке, сыгравшие выдающуюся роль в религиозно-нравственном воспитании народа. Они писали проповеди, наставления, коранические предания о пророках, создавали особый духовный климат. Религиозные песнопения, мовлиды, элегии о святых, принесших себя в жертву, утверждая исламскую религию, – все эти художественные формы религиозно-философского содержания углубляли в народе нравственные искания, прививали ему строгие морально-нравственные нормы, строили образ возвышенного человека, сумевшего подняться выше благ и соблазнов «бренного мира» и служить высокому и вечному – Аллаху, вере. В целом это была просветительская литература.

Ее светское направление связано прежде всего с теми учеными-арабистами, кто тесно соприкасался с историей России и ее языковой и художественной культурой. Так, при составлении П.К. Усларом в 1862 году «Чеченской грамматики» активную роль сыграли в качестве консультантов прапорщик Кеди Досов и мулла Янгулбай Хасанов. В истории Чечни и России (40–70-е гг. XIX в.) яркий след оставил Атаби Атаев – руководитель национально-освободительного движения, один из образованнейших знатоков арабского языка, почетный пленник императора Александра II. В его поэтическом и эпистолярном наследии запечатлелись и новое, светское направление в арабоязычной литературе Чечни, и небывалая до него положительная трактовка образа России и ее исторических личностей.

После окончания монголо-татарского владычества, рухнувшего под ударами усилившегося русского государства, и с началом переселения горцев с гор на плоскость в середине XVI века у чеченцев установились добрые соседские отношения с появляющимися по-над Терекком и Сунжей первыми казачьими поселениями. М.О. Косвен на множестве примеров доказал, что «беглые российские люди нашли на Тереке приют и дружбу у чечено-ингушских и других горских племен». Из письменных источников известна, например, написанная на русском языке челобитная чеченского владетеля Ших-Мурзы Окоцкого, посланная царю Федору Иоанновичу, в которой Ших-Мурза говорит о том, что «и он, и отец его верою и правдой служили, и сейчас, если велишь где идти на службу, – и яз с теми своими слугами готов».

Таким образом, уже в середине XVI века чеченцы пользовались русским языком для дипломатической переписки с русскими властями, общения с русским населением, живущим по соседству. О характере складывавшихся тогда между чеченцами и русским народом отношений так сказал Л.Н. Толстой в своей повести «Казачьи»: «Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терекком между чеченцами на Гребне... Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там русский язык... Еще до сих пор казацкие роды считают родством с чеченскими».

Первым человеком, написавшим о Чечне и чеченцах серьезную работу в 1859 году, был А.П. Берже. В предисловии к своему исследованию «Чечня и чеченцы» А.П. Берже писал: «Чеченцы хотят приобщиться к России и со временем занять место в ряду образованных народов. Заключенные до того в неприступных горах и мрачных ущельях, они начали целыми аулами выселяться на плоскость, где скорее поймут выгоды мирной оседлой жизни, составляющей первую ступень к гражданственности». Так характеризует Берже начавшийся процесс поиска народом своего места в открывшейся для него новой истории.

А.П. Берже относился сочувственно к прошлому чеченского народа, желал, чтобы его будущее было прекрасным. Вскрывая объективные причины его отсталости, он писал: «Большая же часть его (чеченского населения), занятая в продолжении почти двадцати лет войною с нами, естественно, не имела возможности развить свои производственные силы, но ныне не замедлит наступить для чеченцев новая эра жизни, которым суждена самая светлая будущность...» Эти слова как нельзя полно характеризуют концепцию этого исследователя в вопросе о будущности горских народов.

«Нынешнее поколение горцев может учиться русскому языку не иначе как в русских школах, которые устраиваются исключительно там, где живут русские люди. Уже одно это условие поставляет в необходимость устраивать школы закрытия, принимать учащихся на полное содержание правительства», – столь откровенное заявление о необходимости обратить особое внимание на просвещение горских народов тогда впервые звучало из уст П.К. Услара – автора многих кавказоведческих и лингвистических трудов, посвященных языкам этих народов. «Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа: подчиняясь таковым условиям, сделаем, что можно, а сделать можем мы весьма много», – писал он в своей работе «Предположение об обустройстве горских школ».

А.П. Берже, П.К. Услар, И.А. Бартоломей и другие русские ученые усердно разъясняли читающей и мыслящей России, что просвещение горских народов имеет важное общественное значение для духовного сближения русского и горского народов. П.К. Услар писал тогда, что «мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы. К чести горцев должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже в зрелых летах не считается предосудительным».

Без заинтересованного и действенного участия русских ученых в постановке и решении широкого спектра проблем национальной жизни той сложной эпохи немногочисленной горской образованной прослойке, пожалуй, было бы трудно сориентироваться в определении концептуальных приоритетов в своем творчестве. Притом, и это очень знаковое явление, активное участие русских ученых в осмыслении национальной жизни привело к демократизации формирующейся общественной и просветительской мысли на Северном Кавказе и ее ускоренной интеграции в русский и общероссийский контекст.

Для этой высокой цели были предназначены такие актуальные не только для своего времени, но и по сей день не потерявшие научной значимости научно-популярные издания, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник для описания местностей и племен Кавказа» и др. периодическая печать на русском языке Закавказья и Северного Кавказа – газеты «Кавказ», «Терские ведомости», «Терский край» и др. На рубеже XIX и XX вв. на юге

России издавалось такое множество газет, что одно их перечисление заняло бы слишком много места.

В эту целенаправленную просветительскую работу свой весомый научный вклад вносили и различные общества, Российская академия наук, которые организовывали регулярные научные экспедиции на Северный Кавказ для изучения историко-этнографических особенностей горских народов, их культурного и духовно-нравственного наследия.

В национальных округах открывались начальные школы на русском языке для обучения детей горцев. Правда, их количество вовсе не удовлетворяло потребностей всего населения. Но если, к примеру, в Чечне воевавшей с царизмом до 1864 года и позже, таких школ было 37-40, то нетрудно представить себе, какое внимание уделялось просвещению других горских народов. Взрослые горцы приобщались к русскому языку и культуре в открытых для них в ряде городов Северного Кавказа воскресных школах. Для горских детей имелись вакансии в Ставропольской, Бакинской и Екатериноградской гимназиях, Тифлисской фельдшерской школе. В Ставропольской гимназии с 1850 по 1887 год прошли обучение 7191 человек, в том числе 1739 горцев. Из стен этой гимназии вышли выдающиеся общественные деятели и просветители, ученые народов Северного Кавказа.

Даже эти весьма краткие сведения из истории позволяют уверенно говорить, что во второй половине XIX – начале XX в. северокавказские народы переживали ренессансный период в своем развитии. Он наступил, помимо всего прочего, еще и потому, что в начале 60-х годов XIX века в России почти одновременно произошли два выдающихся события, круто изменивших судьбы ее народов: окончание десятилетиями продолжавшейся Кавказской войны (1864) и появление Манифеста Александра II об освобождении крестьян. Последовавшие затем реформы, обновившие значительные сферы жизни российских народов, прежде всего Реформа в области образования, и явились тем историческим рубежом, с которого начинается сближение в культурной и общественно-политической жизни России и народов Северного Кавказа и освоение ими русского языка.

Еще задолго до исторических реформ Александра II в сознании передовых слоев русского общества под воздействием кавказских произведений А. Бестужева-Марлинского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого сформировалось сочувственное отношение к кавказским горцам. А. Белинский, анализируя поэму А. Пушкина «Галуб» («Газит»), писал: «В «Галубе» показано, что и там (на Кавказе) есть человеческое достоинство, осужденное на трагическое страдание».

Такое историческое стечение благоприятных обстоятельств привело к тому, что народы Северного Кавказа пробудились к новой жизни, у них ускоренными темпами начала формироваться на русском языке общественно-просветительская мысль и новые формы художественного сознания – письменная литература. В этом историческая роль России и русского языка.

Идейные поиски русских просветителей, выступавших против невежества, мракобесия, абсолютистского режима, за политическую свободу, гражданское равенство нашли живой отклик в умах и сердцах горских просветителей. Они, преломляя эти идеи через реальную и тяжелую национальную действительность, рьяно взялись за составление букварей, собиравшие и публикацию фольклорных, историко-этнографических материалов, за литературное творчество.

Их деятельность занимает особое место в культурном наследии народов, так как является скачком от их фольклорного мышления к письменной литературе, от арабоязычной литературы до литературы просветительской, развивающейся на русском языке, поднимавшей вопросы социального переустройства действительности.

Горские писатели возвращены на культурной почве, подготовленной передовой мыслью России, но значение их подвига заключается в том, что они впервые

обратились к актуальным вопросам национальной жизни, поставленным в повестку дня всем ходом истории и задачами современности (И. Ялгузидзе и Хан-Гирей, Султан Казы-Гирей, произведения которого «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» А.С. Пушкин напечатал в 1836 году в первых номерах своего журнала «Современник»). Шора Ногмов в своем произведении «Черкесские предания» писал: «...Придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знаниям», «недолго осталось до сего счастливого времени».

По мере возрастания уровня художественного мышления в условиях развернувшейся просветительской работы начинает складываться, таким образом, художественная проза на русском языке, и концепция национальных просветителей воплощается в образах создаваемых ими произведений («Записки черкеса», рассказ «Абреки» адыгского просветителя 60-70-х годов XIX века Адиль-Гирей Кешева, «В осетинском ауле» осетинского просветителя 70-х годов XIX века Инала Канукова, рассказ «Лозы любви», очерки «Дикло и Шанако», «Картина Тушетии», «Записки о Тушетии» тушина чеченского происхождения Ивана Цискарова, историко-этнографическое исследование «Чеченское племя» Умалата Лаудаева, очерки «Присяга у ингушей», «Нравственные значения присяги у ингушей», «Об ингушских женщинах» Чаха Ахриева, «Горское паломничество» Асланбека Базоркина и др.).

В условиях нарастающих общественно-политических событий в России в 90-е годы XIX – начала XX века, вовлекших в свою орбиту и горские народы, в творчестве чеченской интеллигенции на первый план выдвигается публицистика, призванная пробуждать общественное и гражданское сознание народов (Т. Эльдарханов, А. Мутушев, И. Мутушев, Б. Саракаев, братья Денилбек, Заурбек и Асланбек Шериповы и др.).

После появления письменности на родных языках у народов Северного Кавказа в начале 20-х годов XX века русский язык не был ими отодвинут на второй план: их художественные литературы развивались на двух языках – родном и русском, продолжая традиции просветителей предшествовавших десятилетий.

Русский язык, образно говоря, явился родным братом национальным письменным языкам. Потому он заботится о них, обогащает их словарный состав, способствуя таким образом их дальнейшему развитию, предоставляет национальному мышлению неведомые ему ранее языковые и стилистические формы для творческого самовыражения. Именно благодаря такой гуманной и интернационалистской миссии русского языка и русских писателей национальные литературы через каких-то десять лет после их зарождения вышли на российский уровень, поведав широкому читателю о богатстве и разнообразии своего духовного мира.

В СССР развивалось 77 равноправных литератур. Их постоянное взаимодействие в решении сложных задач сложной действительности происходило путем взаимообмена между ними посредством русского языка накопленными духовными ценностями.

Нельзя также забывать, что становление новописьменных литератур, особенно в 20-40-е годы XX века, происходило при активной поддержке и постоянном участии в этом процессе русских писателей. Из истории советской многонациональной литературы хорошо известно, что на Северный Кавказ, в Среднюю Азию и другие регионы бывшего СССР постоянно выезжали бригады известных русских писателей и оказывали молодым писателям бескорыстную помощь в их творческом труде. Таково было это время – время высокого морального и духовного подъема людей, глубоко осознававших, что они делают одно общее дело во имя процветания их общей страны. Классик чеченской литературы М. Мамакаев, еще в юношеские годы сблизившись с выдающимися русскими писателями, учившийся у них мастерству художественного слова, на учредительском съезде Союза писателей РСФСР (1958) сказал в свои зрелые годы: «В нас, писателях старшего поколения, всегда живет чувство глубокой

благодарности к тем русским писателям, которые оказывали нам неустанную помощь в наших первых творческих исканиях. Теперь мы выросли и значительно окрепли... Няньки нам теперь, правда, не нужны, но от дружеской руки своих братьев мы никогда не собирались и не собираемся отказываться».

Русскоязычная литература национальных писателей... Не останавливаясь на спорах, которые вызваны творчеством писателей нерусского происхождения, пишущих на русском языке, скажу, что произведения киргиза Чингиза Айтматова, абхаза Фазиля Искандера, чукчи Юрия Рытхэу, осетинки Езетхан Ураймаговой, таджика Тимура Зульфикарова, казахов Олжеса Сулейменова, Ануара Алимжанова, Мурата Ауэзова, азербайджанца Чингиза Гусейнова, кабардинца Алима Кешокова, ингуша Идриса Базоркина, чеченца Саид-Бея Арсанова и многих других, писавших и пишущих на русском языке писателей, – великолепное доказательство исторической роли русского языка в раскрытии миру неисчерпаемой духовной энергии народов, разбуженных к жизни русской цивилизацией.

Такого феномена, когда язык и культура государствообразующей нации способствуют появлению языков и литератур, этносов и этнических групп, становятся для них неисчерпаемым источником для формирования национальной идентичности, в мире нет. Русский язык, являясь языком переводов художественных произведений национальных писателей, пропуская их через свой живой организм, очищает от сопутствующего словесного шлама, поверхностных трактовок образов и обогащает за счет своих неизмеримо глубоких эстетических возможностей. Поэтому мерилom роста мастерства национального писателя, свидетельством признания его в литературном мире являются переводы его творений на русский язык.

Философия национального мировосприятия стала достоянием всесоюзного и мирового читателя только на позднем этапе истории национальных литератур – в 60-80-е годы XX в., то есть тогда, когда в своем формировании они достигли высокого уровня. В эти годы одухотворяющая и оберегающая роль русского языка в интеграции художественной системы народов России во всесоюзную и мировую культуры была велика.

Сейчас, в условиях жестоких рыночных отношений, общественно-политических потрясений роль русского языка в судьбах национальных культур исподволь ослабевает. И это тревожит, ибо отсоединение национальных литератур от духовной пуповины русского языка непременно приведет к их обеднению, а затем и к выпадению из общероссийского и мирового контекста.

...Чеченский язык – язык наших матерей... Он является для нас духовной и нравственной опорой в этом «развороченном бурей быте». Он формирует нашу генетическую память, в нем закодировано наше историческое сознание, которое формирует нашу национальную идентичность, «подсказывает» писателям мотивы и образы, художникам кисти – сюжеты и композиции, а Рамзану Паскаеву – звуки прошедших эпох, и они выстраиваются в его памяти в волнительные и прекрасные мелодии, вливая в души его слушателей нетленную энергию, исходящую от закаленного вековыми невзгодами народного духа. На чеченском языке со дня обретения им письменности (1923) и до наших дней созданы волнующие мирового читателя поэтические шедевры, пробуждающие философское и гражданское сознание прозаические и драматургические произведения. Все это так. Но язык, словно живой организм, требует того, чтобы его любили, оберегали, изучали, обогащали. В противном случае он, как шагреновая кожа, суживается, теряет свой словарный запас, перестает существовать. Тому в истории мы тьму примеров знаем. А без языка люди, не имея нравственной опоры и поддержки, бродят по земле, словно неприкаянные тени.

Кати Чокаев

Таштемир Эльдарханов и книга Хасана Туркаева о нем

Книга профессора, доктора филологических наук, члена-корреспондента Академии наук ЧР Х.В. Туркаева так и называется «Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич – просветитель, политический и государственный деятель».

Таких феноменальных личностей, каким являлся Эльдарханов Т.Э. (1870–1934), были единицы не только у народов Кавказа, но и у других народов, населявших территорию царской России.

Припоминаются слова товарища из Казахстана, кандидата философских наук, доцента, преподавателя бывшего Чечено-Ингушского госпединститута в 70-80 годах прошлого века (к сожалению, память не сохранила его имени, фамилии и отчества): «О-о! Если бы у казахов был такой человек, то у нас при Академии Казахстана создали бы целый отдел, посвященный изучению его жизнедеятельности». Тогда мне припомнилась ссылка В.И. Ленина в труде «Развитие капитализма в России» на речь Эльдарханова, произнесенную им на заседании VII Государственной Думы, о бедственном положении народов Северного Кавказа из-за малоземелья.

Я привел этот эпизод давних лет, потому что имеющиеся труды о жизни Эльдарханова не исчерпали всю его многогранную просветительскую, общественно-политическую, государственную деятельность. Следовательно, предстоит большая исследовательская работа, чтобы охватить и осмыслить значимость пути нашего выдающегося соотечественника, чтобы на его примере воспитывалось подрастающее поколение чеченцев. Если во времена советской власти имена наших славных предков, таких, как Эльдарханов, Авторханов и др., были под запретом и у наших ученых не было возможности уделить им должное внимание, то в наше время в демократической России впору наверстать упущенное. Сказанное особенно относится к молодым исследователям, которым продуктивнее начинать свою стезю в науке с изучения творчества таких деятелей, как Эльдарханов, Авторханов и др.

Возвращаясь к предмету нашего разговора, следует подчеркнуть следующие достоинства книги Х. Туркаева:

1) объективная оценка деятельности Эльдарханова дореволюционного периода – просветительской, депутатской (в I, II Госдумах России); его принципиальной позиции по земельному вопросу, сыгравшей большую роль в жизни чеченского народа;

2) отражение принципиальной в условиях Чечни позиции и практических дел Эльдарханова на посту председателя ЦИК как Горской АССР, так и автономной области Чечни (1921–1925 гг.);

3) автор показал абсолютно верное, оптимальное отношение Эльдарханова к религии ислам и ее представителям;

4) наглядно, на исторических документах продемонстрировал исследователь надуманность, натасканность, клеветнический характер обвинений, предъявленных Эльдарханову при смещении его с поста председателя ЦИК Чечни (ноябрь 1925) с переводом в край, который напоминал «пряник после кнута».

Хотелось бы упомянуть о мероприятии 1962 года, прошедшем в стенах Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Совете

министров ЧИАССР. Помимо работников института, там присутствовали Ошаев Х.Д., Вахаев Х., Мамакаев М.А. и др. Организатором форума была администрация института в лице директора Т.А.-А. Саламова и зам. директора по науке И. Лосева. Все выступающие положительно оценивали деятельность Эльдарханова, за исключением нескольких участников.

Вот, в чем обвиняли Эльдарханова его оппоненты:

1. Будучи депутатом Думы по земельному вопросу, придерживался программы кадетов, согласно которой землю у хозяев надо выкупать, чтобы передать ее тем, у кого ее нет. Во времена большевистской власти эта программа считалась контрреволюционной и, следовательно, реакционной. Также в рассматриваемой книге пишется, что Эльдарханов не считал необходимым выкупать землю у казаков, которую они получили в ходе Кавказской войны, отобрав ее у горцев Кавказа.

2. Якобы мешал росту молодежных организаций, имея в виду комсомол, который, по некоторым утверждениям, Эльдарханов даже запретил. Но автор книги нигде не нашел документов, доказывающих этот запрет. Враждебно настроенные к нему товарищи, энеевцы¹, готовые уцепиться за любое неосторожно сказанное Эльдархановым слово, растолковали его попытку внести ясность в этот вопрос в выгодном для себя свете и дошли до абсурда.

3. Опирался на мулл, шейхов и всех бывших в советское время партийцев, а на кого было опираться, если в Чечне не было компартии, рабочего класса, сплошная безграмотность. Поэтому Эльдарханов привлекал к работе людей, которые имели хоть какое-то образование и лояльных советской власти.

4. Также его обвиняли в том, что он вступил в партию только в 1920 году, когда советская власть уже была завоевана, а не в период борьбы за нее. В этом недоброжелатели усматривали карьеристские устремления Эльдарханова. Хотя многие из них вступили в ряды компартии намного позже самого Эльдарханова и занимали большие посты в правительстве Чечни.

В ходе форума оппоненты доходили до того, что Эльдарханова обвиняли в том, что неграмотный, простой народ, не владеющий даже русским языком, называл его паччахьом (перс. «падишах»; рус. «царь»), т.к. не знал другого административного термина для обозначения людей высшего ранга.

Трагическую судьбу Эльдарханова, верного сына чеченского народа, невозможно отделить от трагической судьбы его народа. Кто сегодня поверит в то, что Энеев, непонятно как оказавшийся во главе чеченского ревкома и почти отсутствующей компартии, радел о Чечне и чеченском народе больше, чем выходец из глубин этого народа – Таштемир Эльдарханов?

В чью пользу будет сравнение этих личностей по всем параметрам: образованию, деловым качествам, эрудиции, кругозору, знанию местных ментальных особенностей народа и т.д.?

Предпочтение отдали Энееву и кучке местных нуворишей, состыковавшихся с ним ради собственного благополучия и из зависти к своему соотечественнику. Им, конечно, было невдомек, что они выступали куклами, сознательно или по неведению, в большой игре, затеянной на самом верху советской власти.

Нельзя забывать, что шел 1925 год. Второй год без Ленина, а, следовательно, и без ленинской власти, замененной сталинской советской властью, означавшей, что на место народовластия пришла единоличная однопартийная власть во главе с Джугашвили-Сталиным, с его культом личности. Здесь нужны были другие методы управления, другие подходы, а Эльдарханов для этого не имел соответствующей подготовки, да и как личность был человеком другого мировосприятия, склада ума и мышления.

Эльдарханов Т., как и чеченский народ в своем большинстве, принял советскую власть, как родную, близкую ему по духу общественно-политическую демократическую форму управления Чечней.

Эльдарханов по возможности боролся с методами претворения в жизнь новой, сталинской, советской власти, но безуспешно. Видимо, такая позиция ленинской соввласти привела Эльдарханова к противоречиям с теми, кто перешел по своим практическим делам на позицию Сталина. И те, кто дирижировал этот переход, и решили избавиться от него в качестве главы ЦИК Чечни, используя группу Энеева.

Выиграла ли Чечня и чеченский народ от этой перемены? Никак нет. Наоборот, они послужили стартовой площадкой всех трагических событий, происшедших в дальнейшем, в том числе депортации чеченского народа в 1944 году.

Когда читаешь трагические страницы жизни славного сына чеченского народа Эльдарханова Т., невольно приходит в голову мысль о сходстве его судьбы с судьбой Прометея, который так же как и Эльдарханов, рискуя жизнью, хотел облегчить тяжкую жизнь народа, украв для него огонь с неба, за что был подвергнут жестокому наказанию.

Литература:

1. Туркаев Х.В. Таштемир Эльдарханов – просветитель, политический и государственный деятель. – М.: «Наука», 2014.
2. Шоипов И.А. Таштемир Эльдарханов. – Грозный, 1963.
3. Чокаев К.З. Образ Прометея в чеченском фольклоре. В книге «Где жил Прометей». – Грозный, 2003.

¹ Магомед Алиевич Энеев (1897—1928) – балкарский коммунист, активный участник строительства Советской власти на Северном Кавказе.

Книжные новинки**Лирика Умара Яричева**

Известный чеченский поэт Умар Яричев родился 22 июня 1941 года в селе Кулары Урус-Мартановского района ЧИАССР. В многодетной семье Яричевых Умар был старшим ребенком. 23 февраля 1944 года трехлетний Умар вместе со всеми чеченцами и ингушами был выслан в Казахстан, где провел тринадцать долгих лет в отрыве от Родины. В 1957 году семья Яричевых возвращается на родину. В том же году Умар поступает в Алхан-Калинскую школу довершить среднее образование и, отучившись два года, в 1959 году заканчивает десятилетку. Сразу же после получения аттестата о среднем образовании Умар Яричев поступает на очное отделение Грозненского нефтяного института, но через два года переходит на заочное отделение и устраивается учителем физики и математики в Бамутскую среднюю школу.

Стихи начал писать на русском языке еще в детском возрасте. Первые публикации появились в грозненской районной газете «Заветы Ильича» в 1961 году. Первый же стихотворный сборник «Исток» был издан Чечено-Ингушским книжным издательством в 1979 году. Затем были и другие книги: «Тропюю памяти» (1985), «Встреча в пути» (1988), «Лавина времени» (1990), «Стихи и поэмы» (2003), «В обойме времени» (2005). И вот сейчас новая книга, в которой собрана избранная лирика поэта разных лет. Редколлегия журнала «Вайнах» сердечно поздравляет поэта с выходом новой книги и желает ему крепкого здоровья и дальнейших успехов в творчестве.

Саламбек АЙДАМИРОВ

.....

К нашим иллюстрациям**Импрессионизм от Аси Умаровой**

Ася Умарова известна как в нашей республике, так и в целом в России и даже в мире (публикации рассказов и повестей в известных российских журналах «Нева», «Дружба народов», «Звезда», «Вайнах», «Нана» и за рубежом, дипломантка многих российских и международных конкурсов). Но имя Аси Умаровой ассоциируется не только с литературным творчеством, ее художественные работы также громко заявили о себе в России и в Европе. Открытие очередной персональной выставки Умаровой под названием «Мужество – свойство души» состоялось 20 февраля в Государственной галерее им. А.-Х. Кадырова. В беседе с нами Ася Умарова поделилась своим настроением от этой выставки: «Персональная выставка для художника – это волнительное событие. Ты не только представляешь картины, но и делишься мировосприятием и мировоззрением, как

бы оголяешь свою душу. Последний раз персональные выставки моих картин прошли в городах Италии три года назад и с тех пор я принимала участие просто в групповых выставках в Санкт-Петербурге, в Москве, в Стокгольме, в Берлине, в Кисловодске, в Грозном. Я представила в государственной галерее 53 работы, которые были выполнены за последние 7 лет. Это рекорд, так как на предыдущих выставках я максимум выставляла 41 работу. Направление – графический импрессионизм. Для меня чрезвычайно важно передавать чувства в своих работах и в каждой должна присутствовать история. За последние три года стиль и техника изменились. Я стала использовать цветной ватман и белую, черную краски. Тематика – это современные реалии, воспоминания и думы о будущем: война, миграция, тема мечты, отношений».

На обложке журнала представлены следующие работы художницы: 1 стр. – «Альцгеймеровское пространство», 2 стр. – «Стоп», 3 стр. – «Ты не один», 4 стр. – «Исчезающие».

Саламбек АЛИЕВ

Сведения об авторах и переводчиках

Бана Гайтукаева (1959–1994). Родилась в с. Валерик ЧИАССР. Поэт, член Союзов писателей Чечни и России. После окончания школы работала в сельской библиотеке. Закончила национальное отделение филологического факультета ЧИГУ, некоторое время работала в этом же вузе. С 1992 по 1993 г. занимала должность художественного редактора в Государственном радиокомитете. Сборник стихов «Поэзия света» был издан в 2003 году.

Роза Галхигова (1965). В 1990 году окончила Московский литинститут им. А. М. Горького. Поэт, член Союза журналистов России (2003 год), Союзов писателей Чечни (1996 год) и России (2002 год). Ее стихи печатаются в местных газетах и журналах. Работала редактором отдела поэзии литературно-художественного журнала «Вайнах», главным специалистом Аппарата уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике. Ее стихи были изданы в коллективных сборниках: «Утреннее эхо» (1984); «Восхождение к корням» (1985); в 2007 г. вышел персональный сборник «Оглянувшись в листопад». Главный редактор детского журнала «Истоки».

Лула Кунн (Лула Жумалаева). Родилась в 1960 г. Окончила филологический факультет и факультет журналистики ЧИГУ. Писатель, поэт, публицист, переводчик, член Союза писателей Чеченской Республики, член Союза журналистов России и член правления Союза журналистов Чечни. С 1976 года ее произведения начали публиковать в местной прессе: «За кадры», «Грозненский рабочий», «Комсомольское племя», «Заветы Ильича». В соавторстве был издан ряд поэтических сборников: «Чтобы Земле жить», «Лирика-90», «Огнем опаленные строки» и другие. Впоследствии также публиковалась в ряде центральных изданий: «Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Российский колокол», «Лирика Кавказа», «Голос Кавказа».

Арби Бечуркаев (1948). Родился в Казахстане. В 1980 году окончил (заочно) филологический факультет ЧИГУ. Долгое время работал учителем, директором в разных общеобразовательных школах ЧР и РИ. Заслуженный учитель ЧР. Очерки, статьи, стихи, рассказы публиковались в республиканских газетах, журнале «Орга».

Вахид Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Периодически публикуется в республиканских литературно-художественных изданиях. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Муса Арсанукаев (1952). Родился в г. Лениногорске Казахской ССР. После возвращения вместе с родителями на историческую родину учился в Чирюртовской средней школе. В 1975 году окончил филологический факультет Чечено-Ингушского госуниверситета. В течение 27 лет проработал в Чирюртовской средней школе. В периодической печати выступает с 1974 года после окончания «Школы корреспондентов» при республиканской газете «Комсомольское племя». В настоящее время работает заместителем редактора республиканской газеты «Хьехархо». Член Союза журналистов ЧР с 2009 года, член Союза писателей России с 2010 года, заслуженный журналист ЧР.

Вахит Акаев (1952). Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. Ученый, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор.

Хасан Туркаев. (1938). Родился в с. Малые Варанды Шатойского р-на ЧИАССР. Ученый, д-р филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977) и РФ (2005), член Союза писателей СССР (1980), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2003). Автор более чем 250 научных работ (в т.ч. 7 монографий). Многие его работы были переведены и изданы за рубежом: в США, Великобритании, странах Ближнего Востока.

Хеда Сельмурзаева (1971). Родилась в п. Гикало Грозненского р-на. С 1991 по 1996 годы училась на филологическом факультете ЧГУ по специальности «Русский язык и литература, чеченский язык и литература». После окончания вуза (1996 год) была оставлена методистом на кафедре чеченской филологии филологического факультета (ныне Институт чеченской и общей филологии) ЧГУ. С 2013 года работает в должности доцента. Автор около 40 научных работ (в т.ч. 2 монографий).